

L. Russ.

0
3
1

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ.

**ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, КОМЕДІИ, ПУТЕШЕСТВІЯ
И СТИХОТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.**

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

MINUTE OF THE MEETING

OF THE BOARD OF DIRECTORS
OF THE AMERICAN MUSEUM OF NATURAL HISTORY
HOLDEN AT THE MUSEUM, 121 WEST 57TH STREET, NEW YORK
ON THE 11TH DAY OF JANUARY, 1901

PRESENT: THE PRESIDENT, THE VICE-PRESIDENT, THE SECRETARY, THE TREASURER, AND THE BOARD OF DIRECTORS.

ДЛЯ ЛЕГКАГО ЧТЕНІЯ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, КОМЕДИИ, ПУТЕШЕСТВІЯ
И СТИХОТВОРЕНІЯ СОВРЕМЕННЫХЪ РУССКИХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книжнаго магазина Давыдова и Ко.

1856.

L. russ.

o

3

1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,
съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, іюня 20 дня 1856 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Въ типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго
Величества по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ.

АНТОНЪ-ГОРЕМЫКА.

ПОВѢСТЬ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Живи, коли можется, — помирай, коли хочета.
(Народная поговорка.)

I.

ДЯДЯ И ПЛЕМЯННИЧКИ.

Въ самой глухой, отдаленной чашѣ «Троскинского» осинника работалъ мужикъ; онъ держалъ обѣими руками топоръ и рубилъ съ плеча высокіе кусты хвороста, глушившіе въ этомъ мѣстѣ лѣсъ непроходимую засѣкой. — Наступала пора зимняя, холодная: мужикъ припасалъ топливо. Шагахъ въ пяти отъ него стояла высокая телѣга, припряженная къ сытенькой пѣгой кляченкѣ; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья деревъ, виднѣлся полунагой мальчишка, карабкавшійся на вершину старой осины, увѣчанную галочьими гнѣздами. Судя по опавшему лицу мужика, сторбившейся спинѣ и потухшимъ сѣрымъ глазамъ, смѣло можно было дать ему 50 или даже

55 лѣтъ отъ роду; онъ былъ высокъ ростомъ, бѣденъ грудью, сухощавъ, съ рѣдкою блѣдно-желтою бородою, въ которой нерѣдко проглядывала сѣдина, и такими же волосами. Одежда на немъ соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, отъ низенькой мѣховой шапки до коротенькаго овчиннаго полушубка, подпоясаннаго лыковой тесьмою.

Стужа была сильная; несмотря на то, потъ обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Кругомъ въ лѣсу царствовала тишина мертвая; на всемъ лежала печать глубокой, суровой осени: листья съ деревъ попадали и влажными грудями устилали застывавшую землю; всюду чернѣлись голые стволы деревъ, мѣстами выглядывали изъ-за нихъ красноватые кусты вербы и жимолости. Въ сторонѣ, яма со стоячею водою покрывалась изумрудною плѣсенью; по ней уже не скользилъ водяной паукъ, не отдавалось кваканья зеленой лягушки, стона головастика; торчали одни лишь мшистые сучья, облѣпленные слизистою тиной, и гнилой, недавно свалившійся стволъ березы, перепутанный поблекшимъ лапшникомъ и длинными косматыми травами. Вдалекѣ, ни птичьяго голоса, ни пѣсни возвращающагося съ пашни батрака, ни блѣянія пасущагося на пару стада: кромѣ однообразнаго стука топора нашего мужика ничто не возмущало спокойствія печальнаго лѣса.

... Время отъ времени за лѣсомъ подымался пронзительный вой вѣтра. Онъ рвался съ какимъ-то свирѣпымъ отчаяніемъ по замирающимъ полямъ, гудѣлъ въ глубокихъ колея проселка, подымалъ цѣлыя тучи листьевъ и сучьевъ, носилъ и крутилъ ихъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ попадавшими навстрѣчу галками и, взметнувшись наконецъ яростнымъ, шипящимъ вихремъ, ударялъ въ тощую грудь осинника...

И мужикъ прерывалъ тогда работу.

Онъ опускалъ топоръ и обращался къ мальчику, сидѣвшему на осинѣ:

— Эй, Ванюшка! ишь, куда забрался! того и гляди, вѣтромъ снесетъ! ступай наземь!...

— Незамай, дядя Антонъ! откликался парнишка: — небось — не снесетъ.

Дядя Антонъ, успокоенный каждый разъ такимъ увѣщаніемъ, бралъ топоръ, нахлобучивалъ поглубже на глаза шапку и снова принимался за работу.

Такъ повторилось неоднократно, пока наконецъ возъ не наполнился доверху хворостомъ. Вниманіе мужика исключительно обратилось тогда къ племяннику; его упорное неповиновеніе какъ бы впервые пришло ему въ голову, и онъ не нашутку разсердился.

— Ахъ ты, баловень! закричалъ онъ, стучая обухомъ топора въ осину: — долго ли говорить тебѣ! слѣзай! вотъ я те озорника: поартачишься у меня, погоди!...

— А вотъ же не слѣзу, коли такъ, отвѣчалъ мальчуганъ, взбираясь выше и выше.

— Не слѣзешь?... ладно же, оставайся одинъ въ лѣсу: пусть те ѣдятъ волки... проклятаго!...

Угроза, казалось, подѣйствовала на ребенка: онъ обхватилъ рученками коренастый стволъ дерева, приготовляясь спуститься наземь при первой попыткѣ дяди исполнить обѣщаніе.

— А бить не станешь? вымолвилъ онъ, наклонивъ изъ-за вѣтки кудрявую свою головку и глядя пристально на дядю.

— Ну, ну, слѣзай знай, слѣзай....

— Взаправду, не станешь?...

— Говорятъ, не стану. Ступай скорѣй!

Ванюшка спустился сажени на двѣ и опять повисъ на сучкѣ.

— И на лошадь, дядя Антонъ, посадишь?

— Ладно, ладно... ступай только.

— Не обманешь?

— Экой пострѣлъ, прости Господи! говорю, посажу, — чего еще?

Послѣднее обстоятельство окончательно успокоило парнишку. Съ быстротою и ловкостію бѣлки проскользнулъ онъ между верхними сучьями и въ одно мгновеніе ока очутился на землѣ подлѣ дяди.

Вскорѣ возъ, навьюченный красноватымъ и сизымъ хворостомъ, медленно выѣзжалъ изъ лѣсу, скрипя и покачиваясь изъ стороны въ сторону, какъ бы изловчаясь сбросить съ себя при первомъ косогорѣ лишнюю тяжесть. Ванюшка си-

дѣлъ верхомъ на пѣгашкѣ; онъ былъ вполнѣ счастливъ. Русыя его кудряшки, развѣваясь по вѣтру, открывали поминутно круглое свѣжее личико, сіяющее восторгомъ. Антонъ шелъ подлѣ, запустивъ одну ручку за пазуху, другою упираясь въ оглоблю. Проколесивъ добрый часъ по глинистымъ кочковатымъ полямъ, стлавшимся за лѣсомъ, путники наши выѣхали наконецъ на проселокъ и немного погодя услышали отдаленный шумъ мельницы.

Возъ приближался къ «Троскинской» лощинѣ. Незамѣтная издалека и терявшаяся въ волнистыхъ линіяхъ мѣстности, лощина эта принимала вблизи довольно широкіе размѣры. На днѣ ея, поросшемъ конятникомъ и ветельникомъ, заваленномъ плитнякомъ и громадными угловатыми камнями, шумѣла и пѣнилась рѣчка; вмѣсто моста, черезъ нее перекидывалась узенькая плотина, упиравшаяся однимъ концомъ въ старую водяную мельницу. Съ той стороны, откуда приближалась телѣга, мельница освобождалась совершенно отъ ветлѣ, ограждавшихъ ее съ другихъ трехъ частей, такъ что амбары, клѣти, дворъ, толчея, навѣсы виднѣлись какъ на ладони. Шлюзы были опущены; всѣ три постова работали безъ устали. Главное зданіе, обдаваемое съ одного бока бѣлою шипящею пѣной, тряслось словно въ лихорадкѣ. Мука, покрывавшая его кровлю, сыпалась въ воду и крутилась въ воздухѣ. Прежде, чѣмъ спуститься съ уступистой

кручи на берегъ, Антонъ остановилъ лошадь и указалъ племяннику на мельницу.

— Поглядь-ка-сь, Ваня, не видать ли гдѣ мельника?

— Аксентія Семеныча? спросилъ ребенокъ.

— Экой дурень! нешто у насъ окромѣ него другой какой есть!...

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣту... а кто-то стоитъ... вонъ въ бѣлой-то рубахѣ... вонъ, вонъ руками-то размахиваетъ!...

— Ладно... не будь только онъ, того и смотри, съ ярманки вернется, встрѣнется да денегъ станетъ просить—бѣда! охъ, хо, хо! Ну, Ванюха, трогай да, мотри, не больно круто спускай!...

Миновавъ благополучно шаткую плотину, пѣгашка внесла возъ на противоположный берегъ, поднялась на косогоръ и пріостановилась; она вздохнула свободнѣе и замотала хвостомъ, что дѣлала обыкновенно, когда была довольна. Дорога опять пошла ровная и гладкая. Когда соломенная кровля мельницы съ осѣнявшими ее скворешницею и ветлами скрылась за горою, передъ глазами нашихъ мужичковъ снова открылась необозримая гладь полей, мѣстами окутанная длинными полосами тумана, мѣстами сливающаяся съ осеннимъ облачнымъ небомъ, и снова ни былинки, ни живаго голоса, одна мертвая дорога потянулась передъ ними. Наконецъ вправо началъ показываться господскій домъ, ближе, — и вотъ онъ весь выглянулъ словно изъ земли. Все въ немъ обозначало не только отсут-

ствіе хозяина, но даже давнее запустѣніе: ставни заколочены наглухо; нѣкоторые изъ нихъ, сорванные вѣтромъ, качались на одной петлѣ или валялись подлѣ треснувшаго и обвалившагося основанія; краска на кровлѣ, смытая кое-гдѣ дождемъ, обнаруживала гниль и червоточину; стекла въ покосившейся вышкѣ почти всѣ были выбиты. Обвѣтшала наружность этого зданія, или, лучше сказать, этой развалины, облѣплалась повсюду неровными рядами ласточьихъ гнѣздъ; они виднѣлись въ темныхъ углахъ, вдоль жолоба, подъ карнизами. Казалось, однѣ ласточки не покидали стараго барскаго дома и оживляли его своимъ временнымъ присутствіемъ, когда темныя купы акцій и лицъ, окружавшія домъ, покрывались густою зеленью, въ полисадникѣ передъ балкономъ алѣли макъ, піонъ, и сквозь глушившую ихъ траву высовывала длинную верхушку свою стройная мальва, Богъ вѣсть какимъ-то страннымъ случаемъ сохранившаяся посреди всеобщаго запустѣнія. Но теперь даже и ласточекъ не было. Домъ глядѣлъ печально и уныло изъ-за черныхъ безлиственныхъ деревьевъ, поблекшихъ кустарниковъ и травы, прибитой послѣдними ливнями къ сырой землѣ дорожекъ.

Проходя мимо, Антонъ не замедлилъ, однако, снять шапку. Такъ прошелъ онъ вдоль стараго сада, флигелей, пчельника, пока наконецъ не поровнялся съ помѣщичьими ригею и овиномъ. Тутъ онъ не только надѣлъ шапку, но даже оста-

новился: за плотнымъ заборомъ возносилось такое несмѣтное множество скирдъ убраннаго хлѣба, что невольно разбѣгались глаза и вчужѣ забирала зависть. Уже нѣсколько лѣтъ сряду стояли онѣ такимъ образомъ неприкосновенными, приглашая cadaго любоваться ими вдоволь. Поговаривали въ околоткѣ, будто огромнымъ этимъ запасомъ хлѣба суждено было выжидать здѣсь благопріятной и счастливой минуты всеобщаго неурожая въ губерніи, на что, такъ утверждали, были у владѣльца ихъ свои особыя соображенія, не совсѣмъ чуждыя корысти; но слухамъ, какъ извѣстно, вѣрить нелезя: чего не выдумаютъ! *На чужой ротокъ не накинешь платокъ*, говоритъ пословица.

Дѣло въ томъ, что чѣмъ далѣе глядѣлъ нашъ мужикъ на скирды, тѣмъ болѣе потуплялъ голову и наконецъ, Господь знаетъ, отчего, и совсѣмъ загрустилъ. Раздумье одолѣло его такъ сильно, что онъ сталъ даже пропускать безъ вниманія груды хвороста, валившіяся у него съ воза, тогда какъ прежде тщательно собиралъ стороннія вѣточки, попадавшіяся на окраинѣ дороги.

Между тѣмъ, деревня все еще не показывалась. Темныя тучи, сгустившіяся надъ нею, окутывали ее сизой непроницаемой тѣнью; струйки бѣлаго дыма, косвенно поднимавшіяся въ черномъ горизонтѣ, давали, однако, знать о близости избышекъ. Прежде всего попалась на пути маленькая кузница съ дюжимъ кузнецомъ Вавилою на по-

рогѣ, который привѣтливо кивнулъ Антону головою, вымолвивъ: «отколѣ?» и на отвѣтъ: «а изъ осинника», зѣвнулъ, перекрестивъ ротъ; тамъ глянули высокіе «магазеи», за ними крестьянскіе огороды, а тамъ потянулось и самое село Троскино, расположенное по скату лощины.

Толпа чумазыхъ ребятишекъ, игравшихъ въ бабки, стояла на улицѣ подлѣ колодца. Они, казалось, нимало не замѣчали стужи и еще менѣе заботились о томъ, что барахтались словно утки въ грязи по колѣни. Между ними находилось нѣсколько дѣвчонокъ съ грудными младенцами на рукахъ. Семи или восьмилѣтнія нянюшки дули въ кулаки, перескакивали съ одной ножки на другую, когда уже черезчуръ забиралъ ихъ холодъ, но все-таки не покидали веселаго сбора рища; нѣкоторые изъ нихъ, свернувшись комочкомъ подъ отцовскимъ кожухомъ, молча и неподвижно глядѣли на игравшихъ.

Проѣзжая мимо, Ванюшка, начинавшій было корчиться отъ стужи на своей клячѣ, вдругъ вытянулся, пріосамился и крикнулъ во сколько хватало силенки:

Эй! прошли прочь!.. раздавлю!.. ишь, лошадь ѣдетъ...

Толпа дала дорогу, окидывая сѣдока завистливыми взглядами.

Одна дѣвчонка, рыженькая, курносая, взъерошенная и въ добавокъ еще хромая, пустилась догонять возъ, прыгая и вертясь на одной ножкѣ.

— Дядя Антонъ, дядя Антонъ, посади навозъ! кричала она: — посади, голубчикъ, на возъ... золотой, посади, право-ну, посади!...

— Пошла прочь! вымолвилъ Антонъ, грозя хворостиной: — чего привязалась? вотъ я-те!...

Дѣвчонка остановилась, дала ему проѣхать нѣсколько шаговъ и потомъ снова поскакала; только теперь, какъ бы на зло, она коверкалась и ломалась несравненно болѣе, кричала звончѣе, приступала настойчивѣе, пока наконецъ, выбившись изъ силъ, поневолѣ должна была отказаться отъ своего преслѣдованія, но и тутъ не упустила случая высунуть Антону языкъ и поднять рубашонку.

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линію села, выдававшуюся въ этомъ мѣстѣ нѣсколько впередъ. Она бросалась въ глаза своею ветхостію: одинъ бокъ ея, примыкавшій къ околицѣ, почти сгнилъ до тла, отчего остальная часть зданія покачнулась и съѣла въ ту сторону. Кровля отъ тяжести давившей ее когда-то соломы приняла совершенно другое направленіе: она сползла напередъ и грозила ежеминутнымъ паденіемъ. Трубы не было: ее замѣнялъ глиняный горшокъ съ выбитымъ дномъ для дыму. Деревянный пѣтушокъ, красовавшійся, вѣроятно, въ лучшія времена на макушкѣ крыши, принялъ также свое направленіе во время всеобщаго обвала и уныло свѣсилъ влѣво. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и обмазанное кругомъ глиною, глядѣло невыразимо кисло. Из-

ба со всѣхъ сторонъ подпиралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику-нищему, наступившему на костыли свои. Словомъ, все въ ней, какъ говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердцѣ, глядя на это жилище: даже Степанъ Бичуга, сосѣдъ, вообще равнодушный ко всему житейскому, за исключеніемъ одной развѣ косушки, и тотъ не проходилъ мимо безъ того, чтобы не оглянуть антонову избенку со всѣхъ сторонъ и не покачать заботливо лысою головою.

Несмотря на то, хозяева лачушки замѣтно ускоряли шагъ, и лица ихъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, просвѣтлялись привѣтливой улыбкой. Ванюшка никакъ даже не могъ удержаться, чтобы не крикнуть въ порывѣ восторга нѣсколько разъ сряду:

«Дядя, Антонъ, домой пріѣхали! ишь, дядя Антонъ, ишь домъ-то, вонъ онъ!!... вонъ онъ какой!!...»

При въѣздѣ на дворъ навстрѣчу имъ выѣжала дѣвочка лѣтъ шести. Она хлопала въ ладоши, хохотала, бѣгала вокругъ телѣги и, не зная, какъ бы лучше выразить свою радость, ухватилась рученками за полы антонова полушубка и повисла на немъ. Мужикъ взялъ ее на руки, указалъ ей пальцемъ на возъ, лукаво вытасилъ изъ середины его красный прутикъ вербы, подалъ его ребенку и, погладивъ его еще разъ по головѣ,

снова пустилъ на свободу. Дѣвочка была въ неописанномъ восторгѣ отъ роскошнаго подарка.

— Ну, Ваня, чай, будетъ? слѣзай-ка слюшадя да ступай скорѣй съ сестренкой въ избѹ, на печку, сказалъ дядя: — небось, оба поѣсть хотите?

— Дядя Антонъ, голубчикъ, золотой ты мой! дай распречь лошадку. Я опосля поѣмъ, кричалъ мальчишка.

— И то замерзъ совсѣмъ: куды-те справитъ-ся! ишь, руки-то окоченѣли....

— Ничаво, дядя, голубчикъ, ничаво, правослово, ничаво. Ты, Аксюшка, ступай въ избѹ: ишь, озябла ты.... а я приду.

Не все же понукать да драться: дядя покорился. Вскорѣ всѣ трое вошли на крылечко, а оттуда и въ избѹ.

II.

Г О Л Ы Ш Ъ.

Хозяйка Антона была не одна: противъ краснаго угла избы, почернѣвшаго такъ, что едва можно было различить въ немъ икону, сидѣла гостя, старуха лѣтъ пятидесяти. Свѣтъ изъ единственнаго свѣтлаго оконца падалъ прямо на нее. Сморщенное, желтоватое лицо старухи, осѣненное космами сѣрыхъ волосъ, кой-какъ скомканныхъ подъ клѣтчатымъ платокъ, ея каріе глаза, смотрѣвшіе изъ впадинъ своихъ зорко и проницательно, острый тоненькій носъ, выдавшійся подбородокъ, лохмотья и клюка, — все это на-

поминало какъ нельзя лучше сказочную бабу-ягу или, по крайней мѣрѣ, деревенскую колдунью-знахарку.

Но въ сущности ничего этого не было: старуха принадлежала просто-на-просто къ тѣмъ жалкимъ побирушкамъ, безъ семьи, роду и племени, которыя таскаются изъ села въ село, изъ деревни въ деревню и кормятся мірскимъ подаеніемъ, или, какъ выражаются въ простанародьи, «грызутъ окна».

— Здорово, Архарсвна! произнесъ Антонъ, видимо недовольный присутствіемъ гостыи.

— Здравствуй, кормилецъ ты мой! отвѣчала, вздыхая, старуха. — Вслѣдъ затѣмъ она тотчасъ же опустила руки, наклонила голову и явила во всей своей наружности признаки величайшей немощи и скорби.

— Что те давно не видать въ нашей сторонѣ? замѣтилъ мужикъ съ явной ироніей: — мы ужь думали, ты и вовсе не поженуешь....

— Асинька?...

— Аль оглохла, старая?

— Не слышу, кормилецъ!...

— Что те давно не видать? крикнулъ Антонъ.

— Пришла по хлѣбушко, родимый ты мой, простонала она жалобно: — не дадутъ ли на старость люди добрые....

— Да, что говорить, продолжалъ мужикъ, пристально на нее глядя: — что говорить, хлѣбца-то небось и всякому хочется.... иной вотъ и не

такъ, чтобы больно нуждается, а, глядишь, туда же канючить, словно и вправду съ голоду....

— Съ голоду, касатикъ, о-охъ, съ голоду, отвѣчала она, принимая послѣднее слово какъ исключительно до нея относящееся: — на старости лѣтъ куды-те горько, и помереть такъ негдѣ....

— И-ихъ, бабка! кажись, ужь ты много больно берешь бѣдности на свою душу, вымолвилъ съ досадою хозяинъ: — ишь, вонъ сказываютъ, будто ты даромъ что ходишь въ оборвышахъ да христарадничаешь, а богаче любого изъ нашего брата.... нагдысь орѣшкинскіе ребята говорили, у тебя, вишь, и залежные денежки водятся.... правда, что ли?...

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Ась?... не слышу, родимый! произнесла недвижимо старуха.

— Да полно, такъ ли? погоди, дай-ка разуться: авось тогда услышишь.

Сказавъ это, Антонъ подошелъ къ печкѣ и сталъ раздѣваться. Слова его, казалось, однако, произвели на глухую старушонку не совсѣмъ обыкновенное дѣйствіе: лицо ея какъ бы внезапно оживилось, глаза, которые держала она постоянно опущенными, быстро поднялись и окинули избу. Хозяинъ подошелъ къ ней и сѣлъ на лавочку. Лицо Архаровны выражало по прежнему скорбь и уныніе.

— Что ты баялъ, кормилецъ?

Антонъ повторилъ побирушкѣ слухи, носившіеся о ней на деревнѣ.

— И-и-и, проговорила она, качая сѣдою своею головою: — нивѣсть чего не скажутъ злые люди, на злую рѣчь слово купится....

— А что имъ, прибыль, что ли, какая?... ишь ты, сколько лѣтъ слоняешься по бѣлу-свѣту да окна грызешь: куды дѣвать деньги? вистимо, хоронишь про черный день....

— Въ чужой рукѣ ломоть великъ, касатикъ! Ину пору и хлѣбушки нѣтутъ, нетокма что денегъ. По міру пойдешь, тѣстомъ возьмешь.... охъ-хо-хо!....

— Ладно, толкуй, отвѣчалъ, смягчаясь, Антонъ: — ну, да что тутъ! я только такъ къ слову молвилъ: если и волятся деньжонки, такъ, извѣстно, кому до того дѣло.... Варвара! чего нахолилась? собери обѣдать: смерть ѣсть хоцца, да, чай, и ребята проголодались.

Это обращалось къ хозяйкѣ дома, невзрачной бабенкѣ, молчаливо сидѣвшей въ углу на скамейкѣ поодаль отъ старухи. Она не принимала до сихъ поръ никакого участія въ разговорѣ и только изрѣдка поглядывала на мужа. Услыша слова его, она повернула къ нему изнуренное, блѣдное лицо свое, вздохнула и сказала:

— Чего я тебѣ дамъ, Антонушка!... охъ, ничего-то у насъ нѣту....

— Кажись, намедни лучку осталось?

— Нѣтъ, не осталось: нагдысь ребята весь поѣли....

И она снова вздохнула.

— Ну, давай хлѣба, кваску.... да полно тебѣ день-деньской хохолиться-то! инда тоска беретъ, на тебя глядя....

Варвара поднялась, сняла съ полки чашку, нацѣдила въ кувшинчикъ кваску, потомъ вынула изъ столоваго ящика остатокъ ржанаго корова, искалѣченную солоницу, ножъ и молча уставила все это передъ мужемъ. Послѣ чего она тотчасъ же усѣлась на прежнее свое мѣсто, скрестила руки и стала смотрѣть на него съ какимъ-то приглушеннымъ вниманіемъ.

— Эй, ребяташки! крикнулъ Антонъ: — вы и взаправду завалились на печку.... ступайте сюда.... а у меня тюря-то славная какая.... э! по стойте-ка, вотъ я ее всю съѣмъ.... слѣзайте скорѣе съ печки... Ну, а ты, бабка, что жь, продолжалъ онъ голосомъ, въ которомъ не замѣтно уже было и тѣни досады: — аль съ хозяйкой надломила хлѣбушка? Чего отпѣкиваешься! рѣжь да ѣшь, коли подкладываютъ.... бери ложку.... садись.... Человѣкъ изъ ѣды живетъ.... что съѣшь, то и поживешь....

— Спасибо, отецъ родной! и то хозяйшка твоя накормила, дай ей Господь Богъ много лѣтъ здравствовать....

Въ это время Аксюща подбѣжала къ дядѣ, всползла къ нему на колѣни и обняла смуглую его шею тоненькими своими рученками.

— Эка дѣвчонка-то у меня баловливая какая, бабушка! вымолвилъ мужикъ, цалуя ребенка:—

эка озарливая дѣвчонка-то! продолжалъ онъ, глядя ее по головкѣ:—сядь-ка ты сюда, плуть-дѣвка, сядь-ка поближе къ своему дядькѣ-то да поѣшь.... Ну, а Ванюшка гдѣ?...

— А онъ, дядя Антонъ, на улицу ушелъ къ ребятамъ.

— Ишь, пострѣлъ какой, прости Господи! только и наровить, какъ бы ему изъ дому прочь. Погоди, Аксюшка, дай ему вернуться, вотъ мы ему съ тобой шею-то накостыляемъ.... слышь, бабка, озарникъ-атъ мой отъ дому все отбивается.

— А Господь съ нимъ, незамай его, молвила Архаровна: — пущай его балуетъ, пока невеличекъ....

— Какой невеличекъ!... поглядѣла бы ты на него: парнишка куды на смыслъ, такой-то шустрый, рѣзвый, все разумѣетъ, даромъ отъ земли не видать; да я вѣдь посмѣялся: я не потачливъ, что грѣха таить, а бить ихъ не быю.... оба они дороги мнѣ больно, бабка, даромъ не родные, во-какъ, продолжалъ онъ, лаская Аксюшу: — во, не будь ихъ, такъ, кажись, и мнѣ и хозяйкѣ моей скорѣй бы жизнь опостыла: съ ними все какъ бы маленечко повеселѣе, право-ну!

— Вистимо, они теперь махочи, смыслу нѣтъ, а какъ подростутъ, такъ тебѣ же спасибо скажутъ, родимый, за добро твое....

— Э, бабка! было бы имъ ладно, а тамъ что останется отъ моей бѣдности, то и имъ достанется.

— Чтò жь, родимый, спросила вдругъ старуха: — братъ небось вѣсточку посылаетъ?...

— Нѣтъ, съ той самой поры, какъ въ солдаты взяли, ни слуху, ни духу; и жена и мужъ, — словно оба сгинули. Мы лѣтомъ еще посылали къ нимъ грамоту да денегъ полтинничекъ — послѣдній отдали — ну, думали, авось чтò и провѣдаемъ. Никакого отвѣту. Живы ли, здоровы ли, — Господь ихъ вѣдаетъ. Прошлый годъ солдаты у насъ стояли: ужь мы не мало понавѣдывались; не знаемъ, говорятъ, такого, — чтò станешь дѣлать!... Ну, а ты, старуха, кажись, сказывала намъ, также не вѣдаешь ничего про сына-то своего съ того времени, какъ въ некруты пошелъ...

— Нѣтъ, родимый, ничего не вѣдаю, произнесла жалобно старуха и отвернулась.

Антонъ и жена его принялись утѣшать побирushку.

— Да, началъ мужикъ: — на старости лѣтъ вистимо одной-то горько: неровно помрешь, и похоронить-то нѣкому....

— Охъ, нѣкому, кормилецъ, родимый ты мой, нѣкому....

— А вотъ намъ, коли молвить правду, не больно тошно, что брата нѣту: кабы да при теперешнемъ житьѣ, такъ съ нимъ не наплакаться стать: чтò грѣха таить, пути въ немъ не было, мужикъ былъ плошный, неработящій, хмѣльнымъ дѣломъ почалъ было напоследяхъ-то заниматься. Вистимо, какого ужь тутъ ждать добра, чтò ужь это за человѣкъ, коли да у роднаго брата захре-

бетникомъ жилъ. Вотъ развѣ бабу его такъ жаль : славная была баба , смирная , работающая.... Ну , да видно во всемъ Богъ.... на то Его есть воля.... охъ , хо , хо....

Антонъ прислонилъ ложку къ закраинѣ чашки , уперся спиною въ стѣну и пересталъ ѣсть ; долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ , пригорюнясь и не произнося ни слова. Только изрѣдка ласкалъ онъ Аксюшку , которая , положивъ русую головку свою на грудь дяди , забавлялась мѣднымъ крестикомъ , висѣвшимъ у него за пазухой. Мало по малу добродушное , кроткое лицо мужика нахмурилось ; вытянувшіяся черты его уже ясно показывали , что временная веселость и спокойствіе исчезли въ душѣ бѣдняка : въ нихъ четко проглядывало какое-то заботливое тревожное чувство , котораго , повидимому , старался онъ не обнаруживать передъ женою , потому что то-и-дѣло поглядывалъ на нее искоса. Наконецъ Антонъ облокотился на столъ , взглянулъ еще разъ на жену и сказалъ старухѣ голосомъ , который ясно показывалъ , что онъ приготовился вымолвить ей совсѣмъ другое :

— Вотъ , бабушка , такъ началъ мужикъ : — было времячко , живалъ вѣдь я не хуже другихъ : въ амбарѣ-то , бывало , всего насторожено въ волюшку ; хлѣбъ-то , бабушка , родился , помнится , самъ-шость да самъ-сѣмъ , три коровы стояли въ клѣти , двѣ лошади , — продавалъ почитай что кажиную зиму мало-что на 60 рублей одной ржицы да гороху рублей на 10. А теперь до то-

го дошелъ, что радешенекъ, радешенекъ, коли сухаго хлѣбушка поспѣдаешь... тѣмъ только и пробавляешься, когда вотъ покойникъ какой на селѣ, такъ позовутъ псалтырь почитать надъ нимъ.... все гривенку-другую дадутъ люди....

Онъ оглянулся на Варвару: та сидѣла, закрывъ лицо руками и нѣсколько отвернувшись отъ него. Замѣтивъ, что слезы струились между ея пальцами, Антонъ замаялся.

— Да, подхватилъ онъ громче прежняго: — да, бабушка, такъ во како дѣло-то, — во оно дѣло-то какое.... а ты все на свою долю плачешься: того, молъ, нѣтъ да того не хватаетъ.... а вотъ мы и тутъ съ хозяйкой не унываемъ (онъ посмотрѣлъ на Варвару), не гнѣвимъ Господа Бога.... грѣшно!.... знать, ужъ на то такая Его воля; супротивъ ея не станешь....

— Оо-охъ, вистимо, кормилецъ тымой, Богъ далъ, Богъ и взялъ....

— Да, не знаешь, гдѣ найдешь, гдѣ потеряешь, сказалъ мужикъ, стараясь принять веселый видъ: — день дню розъ. Пивалъ пьяно да ѣдалъ сладко, а теперь возьмешь вотъ такъ-то хлѣбушка, подольешь кваску, — ничаво, думаешь, послѣ схлѣбается! По комъ бѣда не ходила? Эхъ, Варвара! полно тебѣ, право! ну, что ты себя понапрасну убиваешь. Говорю, полно, горю не пособишь, право-ну, не пособишь....

— Вистимо, касатка, отозвалась старуха: — вѣку только убавишь себѣ.... Охъ, что ваша бѣдность! у васъ хошь вотъ поплакать-то есть гдѣ...

а вотъ у меня, горькой сироты, такъ и поплакать-то нѣгдѣ....

— Ну, въ томъ не больно велика утѣха: что вой, что не вой, все одно — живи, коли можется, — помирай, коли хочется... Э! старуха, горько жить на бѣломъ свѣтѣ нашему брату!...

— О-о-охъ, горько, родимый, такъ-то горько, что и сказать мудрено....

Варвара быстро приподнялась съ своего мѣста и вышла изъ избы.

— Вотъ, сказалъ Антонъ, посмотрѣвъ на дверь: — она-то, бабушка, крушить меня добрѣ слезами-те своими. Вишь, баба плошная, квѣлая.... долго ли до грѣха!... теперь безъ нея, скажу тебѣ по душѣ.... по душѣ скажу.... куды!... пропали мы съ нею и съ ребятенками, совсѣмъ пропали!... вотъ вѣдь и хлѣбушко, что ѣшь, и тотъ — сказать горько — у Стегнѣя сосѣда вымолилъ; спасибо еще, что помогъ.... охъ.... а такое ли было житье-то мое!...

— Сказываютъ, замѣтила Архаровна, повидимому, не принимавшая до сихъ поръ никакого почти участія въ томъ, что говорилъ Антонъ: — сказываютъ, Стегнѣй-то богатъ добрѣ!....

— Богатъ-то онъ богатъ; да вѣдь иной и богатый хуже нашего брата голыша....

— Мнѣ, кормилецъ, Савельевна говорила, что у него три лошади.... да и медку, вишь, сказываютъ продавалъ по осень.... и денегъ-то, чай, много....

— Ну, Господь съ нимъ, отвѣчалъ откровенно Антонъ: — я тебѣ про свое горе говорю... эхъ, доля моя, доля!... вотъ почитай пятый годъ такъ бьюсь, и что ни день, то плоше да плоше....

— Все небось управляющій, касатикъ, не жалуется?

— Не жалуется?... охъ! это бы еще ништо: кого онъ жалуется? а живутъ же люди.... нѣтъ, онъ злодѣй мнѣ напался, весь мой вѣкъ заѣдаетъ! съ бѣла свѣта долой гонить! А что наше дѣло, вистимо какое, терпишь да терпишь: мы вѣдь на то и родились, бабушка!... да!... Вотъ хоть теперь, пришло время подушныя платить: гдѣ я ихъ возьму? отколѣ? Онъ же раззорилъ меня да пустилъ по міру, а стращаетъ теперь: въ солдаты, говоритъ, да на поселенье сошлю, не погляжу, говоритъ, что у те жена есть.... вонъ онъ что толкуетъ.... Охъ, бабка, бабка! кабы былъ одинъ я, ну бы еще ништо: одна голова не бѣдна; а то съ ними-то что станется?... Да, прогнѣвилъ, знать, я чѣмъ Господа Бога!!...

Вошла Варвара, — мужъ замолчалъ.

Почти въ то же время въ воротахъ слышался стукъ. Антонъ подошелъ къ свѣтлому оконцу, выходящему на дворъ, и крикнулъ:

— Кто тамъ?

Отклика не было.

— Кто тамъ? повторилъ мужикъ, поднявъ окно.

— Это я, дядя Антонъ, отозвался тоненькій

серебристый голосокъ въ сѣняхъ , и въ избу вѣжала дѣвочка лѣтъ двѣнадцати.

На блѣдномъ, чрезвычайно продолговатомъ личикѣ этого ребенка и вообще во всей его наружности было что-то такое, что невольно обращало на себя вниманіе: этотъ тоненькій носъ, съ легкимъ, едва примѣтнымъ погибомъ на срединѣ, узенькія губы, пріятно загнутыя по угламъ, чистый, правильный очеркъ головы, нѣжныя черты прозрачнаго личика и тоненькіе тщедушные члены отличали его съ разу отъ извѣстнаго уже типа коренастыхъ, грубо обточенныхъ дѣтей крестьянскихъ. Особенно поражали въ ней эти черные, выразительные глаза, которымъ необыкновенная блѣдность и худоба щекъ придавали еще болѣе блеску и величины. Смуглые волосы смолянаго отлива, небрежно обстриженные когда-то въ кружокъ, рассыпались неровными прядями вокругъ ея нѣжной утиной шейки. Одежда ея отличалась также отъ крестьянской: она состояла изъ неуклюжаго платья синей домотканной полосушки, прорваннаго на локтяхъ, съ заплатками изъ бѣлой холстины, — платья, которое снизу едва прикрывало босыя ноги дѣвочки до колѣнъ; вверху отъ шеи до перехвата оно ниспадало угловатыми, широкими складками, оттягивало и обтирало ей грудь и плечи.

Дѣвочка остановилась посередь избы, раскрывъ губы и прижимая грудь рученками. Она едва переводила духъ отъ усталости.

перехватъ = Taille n'est finie

Между тѣмъ, хозяинъ и хозяйка подошли къ ней.

— Что ты, Фатимушка? спросилъ первый съ замѣтнымъ смущеніемъ :—а? не хочешь ли тюрки? на поди...

— Нѣтъ, дядя Антонъ, нѣтъ! Никита Федорычъ прислалъ, отвѣчалъ скороговоркою ребенокъ, приправляя каждое слово быстрыми, живыми движеніями рукъ: — приказалъ кликнуть тебя, — ступай скорѣй, — самъ наказывалъ...

И она откинула назадъ голову, чтобы поправить волосы, которые заслонили ей лицо.

Варвара присѣла на скамейку и зарыдала на всю избу.

У Антона захолонуло въ сердцѣ.

— Ну! вскричалъ онъ, отчаянно ударяя себя кулаками объ полы:—пришла бѣда, отворяй ворота! вѣрно, опять за подушными. Полно тебѣ, Варвара, душу мнѣ только мутить слезами-те... Эко дѣло... эко дѣло... какъ тутъ быть?...

Смущеніе бѣднаго мужика было такъ велико, что онъ нѣсколько времени ходилъ, какъ угорѣлый, по избѣ, заглядывалъ безъ всякой нужды во всѣ углы, поправлялъ то крышку кадки, то солоницу, то кочергу и наконецъ вышелъ изъ дому, позабывъ даже накинуть на плечи полушубокъ.

Вой Варвары сопровождалъ его до самой улицы. Вступивъ на барскій дворъ, гдѣ находился старый флигель, помѣщавшій контору и квартиру управляющаго, Антонъ увидѣлъ Никиту Фе-

дорыча, который уже ожидалъ его на порогѣ. Приближаясь къ крыльцу, мужикъ почувствовалъ, что колѣни его тряслись и дыханіе спиралось у него въ горлѣ; ознобъ прошибалъ его до костей. Опустивъ голову, подошелъ онъ медленнымъ, робкимъ шагомъ къ управляющему. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, т. е. отъ 40 до 50, средней полноты и средняго роста; огромная шарообразная голова его, покрытая бѣлокурыми волосами съ просѣдью, обстриженными ниже, чѣмъ подъ гребенку, прикрѣплялась почти непосредственно къ плечамъ, что дѣлало Никиту Федорыча издалика весьма похожимъ на бульдога. Этому сходству не мало также способствовали густыя черныя брови, сѣрые глаза на выкатѣ, широкія калмыцкія скулы, пышный трехъярусный подбородокъ и коротенькія ноги наподобіе обруча, или, какъ говорится, *кибитки*. Несмотря на всѣ эти мелочные недостатки, которые, между прочимъ, не представляли въ общемъ ничего особенно отвратительнаго, фигура управляющаго нимало не теряла важности и той спокойной гордости, сіяющей всегда въ чертахъ человѣка, сознающаго въ себѣ чувство собственного достоинства. Фигура его имѣла, напротивъ того, какую-то пріятную соразмѣрность, стройность даже и была чрезвычайно характерна. Но если всмотрѣться хорошенько, нельзя было не прочесть въ этихъ сѣрыхъ бойкихъ глазахъ, въ этой толстой круглой головѣ, важно закинутой назадъ, въ этихъ толстыхъ, раздувшихся губахъ

что-то столь наглое, дерзкое и подлое, что невольно напоминало любимца-камердинера, или дворецкого, или вообще члена многочисленной семьи мерзавцевъ богатой избалованной дворни или аристократической передней. Въ настоящую минуту на немъ были сѣрый нанковый однобортный архалукъ, подбитый мерлушками и застегнутый доверху, пестрая шестяная ермолка и синіе, непомѣрно широкіе шаровары. Изъ верхней петли архалука висѣла толстая золотая цѣпочка съ ключикомъ для часовъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ, растопыривъ ноги, запустивъ одну руку въ карманъ шароваръ, другою поддерживая длинный чубукъ, изъ котораго, казалось, высасывалъ вмѣстѣ съ дымомъ все болѣе и болѣе чувства собственного достоинства.

— Что жь ты шутить, что ли, думаешь? сказалъ онъ Антону. — Всѣ внесли подушныя, ты одинъ ухомъ не ведешь, каналья! а? говорилъ ли я тебѣ, а? сказывай, говорилъ или не говорилъ — худо будетъ?...

И управляющій закинулъ еще выше голову.

— Сказывали, Никита Федорычъ...

— Ну!

— Я докладывалъ вашей милости, отвѣчалъ мужикъ, потупляя голову: — какъ будетъ угодно... У меня подушныхъ нѣтъ... взять неоткуда... извольте дѣлать со мною, что угодно: на то есть власть ваша... напишите барину, пускай наказать прикажетъ, а мнѣ взять, какъ передъ Богомъ, неоткудова...

— Ахъ ты плутъ, бестія этакая!.. изъ-за тебя стану я беспокоить барина... Васъ только сѣки, да подушныхъ не бери... Ну, да что тутъ толковать! не міру платить за тебя.... Знаю я васъ мошенниковъ... Лошадь жива?...

Антонъ обомлѣлъ; дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ. Онъ быстро взглянулъ на Никиту Ѳедорыча и произнесъ дрожащимъ голосомъ:

— Никита Ѳедорычъ! никакъ ужъ ты и со-всѣмъ погубить меня хочешь?...

— Что?!..

— Никита Ѳедорычъ! батюшка! продолжалъ мужикъ:—пожалѣй хоть ребятенку-то махонькихъ... и то почитай пустилъ ты насъ по міру...

— А вотъ, потолкуй-ка еще у меня, потолкуй, перебилъ управляющій, дѣлая движеніе впередъ:— я тебя погублю! Завтра же води лошадь въ городъ на ярмарку. Теперь пора зимняя: лошади не надо, произнесъ онъ лукаво:— да смотри, не будетъ у меня черезъ два дня подушныхъ въ конторѣ, такъ я не погляжу что ты женатъ — лобъ забрѣю. Я и такъ миловалъ тебя, мерзавца!...

— Никита Ѳедорычъ! а, Никита Ѳедорычъ! сказалъ Антонъ, едва удерживаясь отъ слезъ:— батюшка!...

И онъ повалился въ ноги.

— Э! меня этимъ не разжалобишь. Пошелъ! чтобъ было, какъ приказываю — вотъ и все. Ступай! прибавилъ онъ, топнувъ ногой.

— Чтò жь у меня-то останется , говорилъ отчаянно мужикъ : — какъ послѣднюю-то лошадедку продамъ?... и такъ по міру почитай...

— Ну, ну, ну... разговаривай... кабы не ярмарка , такъ я бы не такъ еще съ тобой раздѣлался...

Въ то время дверь изъ квартиры управляющаго растворилась : изъ нея выглянуло въ половину желтое женское лицо, перевязанное бѣлою косынкою.

— Никита Федорычъ! а, Никита Федорычъ! крикнула женщина пискливо : — ступай чай пить... чтò тебя не дожدهшься?... ступай скорѣе...

Управляющій повернулся въ ту сторону и, не дожидаясь дальнѣйшихъ возраженій мужика, поспѣшилъ къ самовару.

Домогаться милости Никиты Федорыча было дѣломъ совершенно лишнимъ ; по крайней мѣрѣ, въ этомъ нимало не сомнѣвались троскинскіе крестьяне. Антонъ зналъ это еще лучше другихъ.

Медленно покинулъ онъ дворъ и вышелъ на улицу.

Сумерки, или *сутисочки*, какъ называютъ ихъ въ деревнѣ, начинали уже ложиться на землю ; блѣдныя дымчатые полосы тумана тамъ и сямъ окутывали поля и распускались по окрестности; въ воздухѣ замѣтно похолодѣло.

Антонъ, самъ не зная почему, не пошелъ по улицѣ, а, обогнувъ ближнія за флигелемъ избы и крестьянскіе огороды, поплелся *задами*

.

Приближаясь къ крайнимъ амбарамъ села, т. е. тѣмъ, которые стояли уже подлѣ околицы, Антонъ увидѣлъ совершенно неожиданно, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, клѣтчатый платокъ, висѣвшій на кустѣ репейника. Это обстоятельство и въ добавокъ измятые и сломанные стволы растеній, показывавшіе, что на томъ самомъ мѣстѣ кто-то своротилъ съ дороги въ рощу, чрезвычайно удивило его. Онъ невольно забылъ на минуту свое горе; поосмотрѣвшись кругомъ, пошелъ онъ къ кустамъ, снялъ платокъ и началъ его пристально разсматривать. Не доискавшись, разумѣется, ничего, Антонъ бережно свернулъ его, сунулъ за пазуху и пошелъ далѣе. Но не успѣлъ сдѣлать онъ двухъ шаговъ, какъ увидѣлъ бѣгущихъ навстрѣчу сосѣдей Степана Бичугу и старшаго сына его Пантелѣя. Оба казались сильно встревоженными. Они бѣжали сломя голову по дорогѣ, безъ шапки, безъ полушубка и сильно размахивая въ воздухъ руками.

Поровнявшись съ Антономъ, они остановились.

— Сватъ! сказалъ ему торопливо Степанъ: — не встрѣлъ ли кого на дорогѣ?... а?...

— Нѣтъ... сватъ... никого... отвѣчалъ Антонъ?

— Эко дѣло!.. и никого не видалъ?

— Никого...

— Эко дѣло! что за чортъ! вскричалъ Степанъ: — бабы, вишь, лень мяли... слышатъ, какъ словно кто-то шевелится въ клѣти... онѣ глядь...

анъ человѣкъ сидитъ... да какъ пырснетъ вонъ... э! ты дьяволъ! что за притча... онѣ кричать.. хватъ... анъ трехъ куръ какъ не бывало!!... они къ намъ... мы съ Петрухой бѣгомъ... нагонять! бѣгали, бѣгали, никого... что за лѣшій!.. ты, свать, никого не встрѣлъ?...

—Никого, отвѣчалъ болѣе и болѣе удивленный Атонъ:—хощь бы живаго человѣка встрѣлъ... а вотъ кусты... больно вымяты...

Мужички покинули сосѣда и снова пустились въ погоню по дорогѣ...

Такое обстоятельство не могло не привлечь Антона: въ Троскинѣ, и особенно съ нѣкоторыхъ поръ, только и слуху было, что о разныхъ проказахъ: то уводили лошадей, то подползали въ клѣти и коморы, выбирали деньжонки, холсты и всякое домашнее снадобье. Поговаривали даже, будто въ сосѣднемъ селѣ Орѣшковѣ мужикъ Дормидонъ, идучи по лѣсу, наткнулся на двухъ бродягъ, которые наказывали ему передать ихъ старостѣ, чтобъ берегъ лошадей, нето уведутъ, и что, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, лошадей все-таки увели въ первую же ночную сторожку. Все это разомъ прихлынуло въ голову Антона. Онъ невольно забылъ на мгновение свое горе.

Сумерки уже совсѣмъ омрачили небо, когда онъ вступилъ къ себѣ въ избу. Тутъ все уже давнымъ-давно успокоилось. Варвара, свѣсивъ голову на столъ и обнявъ обѣими руками остатокъ каравая, спала крѣпко на крѣпко; свѣтъ отъ

догоравшей лучины отражался лишь въ углу на иконѣ; остальная часть избы исчезала въ темнотѣ; гдѣ-гдѣ блистала кочерга или другая домашняя утварь; съ печки слышалось едва внятно легкое храпѣнье обоихъ ребятишекъ.

Антонъ поправилъ лучину, оглянулъ кругомъ стѣны и сѣлъ подлѣ жены на лавочку.

Движеніе это мгновенно пробудило Варвару.

— Ну, что, Антонушка? сказала она, отводя отъ лица волосы и придвигаясь проворно къ мужу:— зачѣмъ звалъ тебя злодѣй-то нашъ?... да что жь ты не баешь? прибавила она, нетерпѣливо дергая его за полу.

— Что тутъ баять! отрывисто отвѣчалъ мужъ. Онъ тяжело вздохнулъ и, какъ бы собравшись съ духомъ, примолвилъ:— велѣлъ пѣгашку вести... на ярманку!... ненадать ее, говоритъ... теперь дѣло зимнее: проживешь безъ лошади... Ну, вотъ сказалъ тебѣ съ-дуру, а ты... эхъ, Варюха, Варюха, полно тебѣ рюмиться-то! вѣдь говорю, слезами-те пуще мутишь мнѣ душу... эка ты, право неразумная бабка какая... нешто горю этимъ пособишь?... знать, погрѣшилъ я, право, чѣмъ передъ Господомъ Богомъ!...

— Касатикъ ты мой! говорила, рыдая, баба:— нешто я о своемъ горѣ убиваюсь... охъ, рожоной ты мой... мнѣ на тебя смотрѣть-то горько... ишь, заѣлъ онъ тебя... злодѣй, совсѣмъ... какъ погляжу я на тебя, индо сердечушко изнывается... и не тотъ ты сталъ... охъ!.. И тутъ она, опустившись на лавку, затянула нараспѣвъ:— охъ,

горькая наша долюшка... и пошла-то я за тебя горькой сиротинушкой, на бѣду-то, на кручину лютую...

— Послушай, Варюха! а, Варюха! слушай, что я тебѣ скажу, твердилъ мужикъ, сился приподнять ее: — не убивайся такъ-то: наше дѣло еще не пропаще. Вотъ ономнясь встрѣлся мнѣ Федотовъ изъ Высѣлокъ, сказывалъ... сулилъ, что коли, молъ, хошь, Антонъ, я тебя возьму въ работники... пять десятковъ въ годъ, вишь, да-еть... не убивайся, пойду въ работники, отпрошусь на оброкъ...

— Охъ, не верти меня, родимый! я все провѣдала: у Федотова давнешенько батракъ нанялся... Охъ, горькая, горькая наша-то долюшка!...

И баба снова повалилась на лавку, залилась пуще прежняго слезами.

— Эхъ я дрянъ! вскричалъ мужикъ: — эй, Варюха! я бишь и забылъ... вотъ поглядь-кась, поглядь—ишь, какую штуку поднялъ я на дорогѣ... погляди... Сказавъ это, онъ выложилъ на столъ платокъ, стараясь утѣшить бабу: — иду по за-дамъ, гляжу, никого нѣтъ, а онъ вотъ виситъ на кустѣ, какъ словно зацѣпился...

— Родной ты мой, да вѣдь это, знать, старуха обронила...

— Какая старуха?

— Да вотъ нищенка-то, что къ намъ захоли-ла....

— Ой-ли? полно, такъ ли, Варвара? не обмолвилась ли ты съ просонья?...

— Чтò ты, касатикъ! я сама видѣла, какъ она сердешная платокъ-атъ повязывала.

— Тутъ, Варюха, мотри, что-то непутное, вымолвилъ Антонъ раздумчиво: — старуха-то... э! то-то люди сказываютъ, будто вчастую заставляли ее за такими дѣлами... и какъ это она скоро улизнула!... Нѣтъ, не пущай ты ее къ намъ: долго ли до грѣха!... Гость и немного гостить, да много видитъ. Ишь, я было съ-дуру-то разговорился съ нею; а кто ее знаетъ, можетъ и взаправду зло какое замышляетъ... въ чужой разумъ не влѣзешь... Я давно запримѣтилъ, она только и наровить, какъ бы вывѣдать, чтò у насъ на деревнѣ дѣлается... у кого, вишь, сколько скота, лошадокъ, какъ живетъ... вотъ и нынче про Стегнѣя Борисова тожь вывѣдывала... до всего ей дѣло... э, нѣтъ! не пущай ее къ намъ въ избу, ни за чтò не пущай, Господи упаси!

— Ея платокъ, точно, ея, замѣтила Варвара, утирая слезы: — вотъ и прорѣха на самой серединкѣ.

— То-то, отвѣчалъ мужикъ, заботливо качая головою: — ишь, на старости лѣтъ какой грѣхъ принимаетъ на свою душу... и безстыжая вѣдь какая! такъ вотъ и лѣзетъ; а поглядишь, словно и взаправду нищенка... Недаромъ говорятъ, у ней деньга-то водится... да... оо-хъ!...

Антонъ помолился передъ иконою, разулся и, вздохнувъ нѣсколько разъ сряду, полѣзъ къ ребятишкамъ на печку. Варвара затушила лучину и послѣдовала за мужемъ.

Вскорѣ все затихло въ избѣ.

Неизвѣстно, однако, скоро ли заснулъ бѣдный ея хозяинъ; быть можетъ, онъ даже вовсе не смыкалъ глазъ... Вѣрно только то, что не спалъ сверчокъ: унылая пѣснь его потянулась мѣрно и тихо, потомъ стала чаще, звончѣе, наконецъ мало по малу заглушила храпѣнье ребятишекъ и наполнила собою избушку.

III.

Д О Р О Г А.

Въ избушкѣ царствовалъ еще глубокій, непроницаемый мракъ, когда Антонъ приподнялъ потихоньку голову и началъ прислушиваться... Убѣдясь, что жена и ребята крѣпко-на-крѣпко спали, онъ осторожно, чуть дыша, спустился съ печи и сталъ приготовляться въ дорогу.

Отыскать ощупью полушубокъ и шапку, намотать наскоро, въ потемкахъ, онучи, отрѣзать краюху хлѣба, завернуть ее въ тряпицу и засунуть за пазуху — мужику дѣло привычное. Онъ перекрестился наобумъ передъ угломъ, гдѣ стояла икона, и выбрался на крыльцо.

Заря еще не занималась; на дворѣ только-что проглядывали первыя повиднушки.

Антонъ приперъ какъ можно плотнѣе дверь изъ крылечка въ избу.

— Ну, теперь спите вволю, вымолвилъ онъ: — Господь съ вами, спите... слезами-те только душу мучите; а мнѣ и безъ нихъ куда тошно...

Онъ вошелъ въ клѣтъ, гдѣ стояла пѣгашка. Почувъвъ хозяина, она тотчасъ же повернула къ нему кудластую свою голову, насторожила уши и замотала хвостомъ.

— Ну, пѣгашка, полно, полноте хвостомъ-то вилять, произнесъ мужичекъ не совсѣмъ твердымъ голосомъ: — небось, изъ дому-то не хочешь? ступай-ка, ступай, не кобянься: супротивъ воли и люди идутъ, не токмо, что ты... ступай: знать, и тебѣ пришла пора дѣлать хозяйское горе...

Антонъ взнуздалъ ее и вывелъ на дворъ.

Бѣдная кляча словно предугадывала свою участь: всегда смирная и покорная, она на этотъ разъ фыркала, упорно мотала головою и безпрестанно озиралась на стороны, какъ бы прощаясь навсегда съ дворомъ и клетью, посреди которыхъ выросла и вскормилась.

Антонъ также глядѣлъ на дряблую избушку свою. Богъ вѣсть, о чемъ онъ думалъ: чужая голова — темный лѣсъ; наконецъ махнулъ онъ рукой, взялъ лошадь подъ уздцы и вышелъ на улицу.

Онъ сѣлъ на лошадь. Но пѣгашка никакъ не хотѣла итти къ околицѣ, куда направлялъ ее Антонъ: несмотря на всѣ усилія его, она пустилась сначала вскачь къ колодцу, потомъ дала кругъ по всей улицѣ и все-таки остановилась у избушки. Видя, что сила не беретъ, хозяинъ принужденъ былъ слѣзть наземь, снова взять ее подъ уздцы и вывелъ за околицу.

Ворота заскрипѣли и затворились. Темнота уже замѣтно разсѣялась; но не ясный, ведряный

день обѣщало утро: тамъ, съ востока, не багрянилось небо, не ложились алыя, золотистыя полосы свѣта, предвѣстницы теплаго солнышка. Небо было сѣро, пасмурно; сизыя тучи облегали его отъсюду, суля ненастье и сиверцу.

Дорога отъ околицы шла въ гору. По мѣрѣ того, какъ Антонъ подымался, мѣстность, окружавшая деревню, постепенно ограждалась возвышенностями и принимала видъ лощины. Тамъ, словно изъ земли, выступали поминутно то крестьянскій овинъ съ пригнувшеюся къ нему рябиною, то новый досчатый заборъ, то часть барскаго сада, о существованіи которыхъ нельзя было и подозревать съ улицы. Мало по малу показалась рѣчка, съ угловатыми своими загибами, потомъ ветлы и кровля мельницы, еще выше и потянулись поля съ знакомымъ осинникомъ, потомъ снова все это попряталось одно за другимъ: вотъ уже исчезли мельница, господскій домъ, село, а вотъ и избушка Антона начала уходить за горою...

Хозяинъ ея еще разъ обернулся въ ту сторону, прищурился, протеръ глаза и вдругъ хлестнулъ пѣгашку и пустился рысцою по дорогѣ.

Миновавъ троскинскія земли, Антонъ притянулъ поводья и поѣхалъ шагомъ.

Гора уже давнымъ-давно закрыла собою дорогу села. Во всѣ стороны на необозримый кругозоръ открывались горныя поля, смоченныя дождями; рѣдко, рѣдко мелькали вдалькъ полоса со-

сноваго лѣса или деревушка; дорога то-и-дѣло перемежалась проселками.

Антонъ давно уже не ѣзжалъ въ городъ. Никита Федорычъ не любилъ отпускать часто мужиковъ изъ деревни; особенно строго держался онъ этого правила съ тѣми изъ нихъ, съ которыми находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, не отпустить мужика въ городъ считалось хорошею и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дѣйствительной мѣрой наказанія. Такъ, на примѣръ, накоплялось ли гороху у мужичка—гдѣ бы свезти его на базаръ, благо цѣна красна, анъ нѣтъ: какъ ни бьется сердечный, Никита Федорычъ ни за что не отпустить. Подумаетъ крестьянинъ: плетью обуха не перешибешь, да и продастъ горохъ сосѣду за сущій безцѣнокъ—не лежать же стать жити да гнить въ закормѣ. Другому Господь Богъ излишнюю телушку послалъ. Вотъ и бредетъ онъ къ управляющему: «Деньги, молъ, понадобились, батюшка, соблаговолите отпустить въ городъ кой-что продать: надо, вишь, обзавестись тѣмъ да другимъ по хозяйству.» — «Ахъ ты, такой, сякой, молвить ему управляющій: — небось, какъ соты-то ломалъ прошлую осень, такъ не принеси мнѣ медку. Сиди-ка дома. Все бы вамъ только шлаться да шлаться...» — «Что, думаетъ проситель», господъ нашихъ нѣту-ти, а онъ у насъ сила: не стать перечить», — зарѣжетъ телку да и посядаетъ ее съ Божьею помощію.

Такъ же точно было и съ Антономъ, если еще не хуже.

Но теперь дѣло въ томъ, что на 16 или 17 верстѣ нашъ мужикъ рѣшительно сталъ втупикъ: очнувшись внезапно отъ раздумья, которое овладѣло имъ съ того самаго времени, какъ покинулъ онъ Троскино, Антонъ никакъ не могъ припомнить ни мѣста, гдѣ находился, ни даже сколько верстъ оставалось приблизительно до города. Онъ только и помнилъ, что проѣхалъ Кіясавку и Высѣлки да свернулъ влѣво отъ Екиматовской слободы. На пѣгашку же положиться не было никакой возможности: Антонъ зналъ, что, будучи лошадыю *незамѣтною*, т. е. лишенною способности припоминать дорогу, она могла очень легко завести его Богъ вѣсть куда. Онъ задумывалъ было свернуть въ сторону, къ виднѣвшейся влѣво за перелѣскомъ деревушкѣ, когда одинъ совершенно неожиданный случай навелъ его снова на путь истины. Оглядывая мѣстность, онъ увидѣлъ на распутьи полуразвалившійся деревянный крестъ, водруженный въ небольшой бугорокъ.

— Эхва! у меня изъ памяти-то вышла могила дяди Андрея! воскликнулъ онъ, снимая шляпу и крестясь набожно: — дорога-то вотъ тутъ же и сворачиваетъ въ городъ... на Закуряево... Эхъ, совсѣмъ запамятовалъ, чуть было съ пути не сбился!

Дорогою Антонъ невольно принялся припоминать происшествіе, связывавшееся съ дядей Андреемъ.

Года три тому назадъ, на этомъ самомъ распутии, стояла мазанка, принадлежавшая монастырскому сборщику, одинокому старичку.

Рѣдкій изъ окрестныхъ жителей не знавалъ его: бывало, кто бы ни плелся, кто бы ни ѣхалъ въ городъ, мужикъ ли, баба ли, сѣдой старичишка тутъ какъ тутъ, стойтъ на порогѣ да потряхиваетъ своей книжонкой, къ которой привязанъ колокольчикъ. И рѣдкій говорилъ ему: «Богъ подастъ!» рѣдкій не отдавалъ ему копѣечки на построение Господняго храма. Всѣ привыкли къ нему съ самаго дѣтства. И вдругъ не стало дяди Андрея, какъ словно никогда его здѣсь и не бывало.

Толковали, толковали мужички окрестные и наконецъ вотъ что дознались:

Однажды, въ самую глухую зимнюю полночь, входятъ къ Андрею два незнакомыхъ человѣка, скручиваютъ его по рукамъ и по ногамъ и требуютъ денегъ. Долго допытывались они—стойтъ на одномъ старикъ: три гроша, всего, вишь, у него, остальные вечеръ въ монастырь отослалъ, а больше, видитъ Богъ, нѣтути! Они пуще пытать. Ужъ онъ имъ молился, молился—нѣтъ! уходили-таки старика обухомъ и сами принялись искать. Какъ перешарили все до ниточки, тутъ только и спохватились, что даромъ потеряли человѣка: въ тряпицѣ за печью всего на все было три гроша. Наѣхали со всѣхъ сторонъ земскіе да понятые, закопали дядю Андрея на самомъ распутии, мазанку снесли на другую доро-

гу, ибо никто не соглашался поселиться въ ней, а на ея мѣстѣ воздвигли крестикъ, тотъ самый, что такъ часто напоминалъ мужичкамъ дорогу въ городъ.

Антонъ не успѣлъ еще перебрать въ головѣ всѣ подробности этого происшествія, надѣлавшаго въ свое время много шума въ околоткѣ, какъ увидѣлъ вдаль телѣгу, которая медленно приближалась къ нему навстрѣчу. Сначала показалось ему, будто въ ней никого не было, но потомъ, когда она поровнялась, онъ разглядѣлъ на днѣ ея мужика, лежавшаго въ растяжку.

Антонъ несказанно обрадовался.

— Эй! послушай, братъ! крикнулъ онъ: — а, примѣрно, далеко ли отсель до столбовой дороги?

Тотъ, къ кому обращался вопросъ, лѣниво и какъ бы нехотя приподнялъ голову, подперся локтемъ, поглядѣлъ пристально на Антона, зѣвнулъ протяжно и, не отвѣчая слова, улегся въ телѣгу.

— Эй, свать, эй! крикнулъ Антонъ: — что жь ты? эй! далече ли до столбовой?....

Мужикъ снова приподнялъ голову, поглядѣлъ на Антона, опять зѣвнулъ и, опять не отвѣтивъ ни слова, опустился на дно своей телѣги; только на этотъ разъ онъ хлестнулъ лошадь, которая мигомъ унесла его изъ виду.

Антонъ опять остался одинъ—одинешенекъ посреди полей. Пѣгашка плетется добрымъ шагомъ, а онъ то-и-дѣло посматриваетъ вправо да влево, то прищурится, то раскроетъ глаза, при-

нимая каждый пенъ, каждую кочку за живаго человека. И вотъ снова чудится ему, что кто-то ѣдетъ навстрѣчу. Глядитъ, и впрямь несется телѣжка. Вороная лошадь въ наборной шлеѣ съ мѣдными бляхами, на облучкѣ подскакиваетъ не то мѣщанинъ, не то помѣщикъ, а только не мужикъ: на немъ картузь и синій кафтанъ. На этотъ разъ, однако, встрѣча, казалось, не порадовала нашего мужичка: онъ круто осадилъ пѣгашку, смутился, сдѣлалъ даже движеніе, ясно выражавшее намѣреніе кинуться въ сторону, но тотчасъ же остановился: было поздно. Антонъ узналъ въ синемъ кафтанѣ троскинскаго мельника, котораго такъ усердно избѣгалъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду.

Мельникъ остановился; Антонъ слѣзъ съ лошади.

— Здравствуй, Аксентій Семенычъ! произнесъ онъ, переминая въ рукахъ шапку.

— Здорово, братъ! куда?

— Въ городъ, Аксентій Семенычъ, лошадь продавать: подушныхъ платить нѣчѣмъ.... такая-то бѣда сталась со мною...

— Ну, а мнѣ-то когда заплатишь? я, кажись, и то не мало ждалъ....

Антонъ замялся.

— То-то, братъ, продолжалъ мельникъ, перемѣнивъ тонъ: — вѣдь такъ промежъ добрыхъ людей дѣлать не приходится. Лѣтомъ еще осталось получить съ тебя за помолъ, а ты съ той поры и глазъ не кажешь; сулилъ отдать ко вто-

рому Спасу, а я хоть бы грошъ отъ тебя видѣлъ....
Такъ дѣлать не показано вашему брату.... на то
есть правота: какъ разъ пойду въ контору.... Я
давно запримѣтилъ, ты отъ меня отлыниваешь....

— А что мнѣ отъ тебя отлынивать?... нешто я
коли отлынивалъ?...

— Видно такъ.

— Ину пору и радъ бы отдалъ, да коли нѣчѣмъ:
самъ вѣдаешь, отколѣ скоро-то взять нашему
брату хрестьянину.... былъ нынѣче недородъ, съ
корки на корку почитай что весь годъ перемога-
лись.... Аксентій Семенычъ.... тутъ вотъ подуш-
ныя еще платить надо....

— Про то не мое дѣло вѣдать.... вамъ подуш-
ныя платить, а мнѣ небось по міру иттить.... дѣ-
лай какъ быть слѣдно, знай честь, счетомъ взялъ,
счетомъ и отдавай. Что тутъ баишь!...

— Что ты опасаясь? сказалъ Антонъ, смяг-
чая, по возможности, голосъ: — разѣ я отнѣ-
живаюсь отъ долга? Говорю, отдамъ. Обожди ма-
ленько — твое дѣло не пропащее — право, скажу
спасибо....

— На какой мнѣ лѣшій твое спасибо! изъ не-
го шубы-то не сошьешь....

— Кажись, Аксентій Семенычъ, не впервые
съ тобою вѣдаться.

— Точно, не впервые, что говорить. Зачѣмъ
же молоть-то на чужой мельницѣ? ась?

— На Емельяновкѣ-то?

— А хоть бы и на Емельяновкѣ....

— Сходнѣе, Аксентій Семенычъ!...

— Какъ сходи́ѣ? за восемнадцать-то верстъ, сходи́ѣ?...

— Оно что́ байть, далече, да на Емельяновкѣ-то за помоль берутъ съ насъ хлѣбомъ, а ты, вишь, требуешь деньгами.... да еще пятакъ съ воза набавилъ.... Самъ поразсуди, откуда ихъ взять.... наше дѣло, знамо, какое....

— Ладно, ладно.... Ну, а зачѣмъ же подзадоривалъ Федосѣя да Ивана Галку ѣздить на Емельяновку?

— Да когда я ихъ подзадоривалъ? что́ ты?

— А то кто же? ты первый изъ троскинскихъ поѣхалъ....

— Знать, сами провѣдали....

— Сами провѣдали! то-то, шишковато больно говоришь, ты говори, да не ври: не вечеромъ я родился — что́, думаешь, не знаю!

— Чтобъ мнѣ вѣкъ отъ добрыхъ людей добра не видать, Аксентій Семенычъ, коли я имъ хошь слово какое сказалъ....

— Ладно, братъ, толкуй дьяковой кобылѣ. Я думалъ по чести вести съ тобой дѣло; а ты вотъ на что́ пустился, — другихъ еще сталъ подзадаривать.... Ладно же! вскричалъ мельникъ, мгновенно разгорячась: — коли такъ, отколѣ хошь возьми, а деньги мои подай! подай мои деньги!.... нето прямо пойду въ контору-то.... Никита Федорычъ не свой братъ.... тамъ какъ разъ шкуру-то вылуцать! погоди, я жъ те покажу!...

Сказавъ это, мельникъ дернулъ возжи и поѣхалъ далѣе.

Смущеніе и досада, овладѣвшія Антономъ при этой встрѣчѣ, уступили мѣсто тяжкому горю. Обстоятельство это показывало ему въ самыхъ рѣзкихъ и сокрушительныхъ чертахъ и безъ того уже горькую его долю. Онъ уже не глазѣлъ теперь по сторонамъ: понутивъ голову, смотрѣлъ онъ печально на бѣжавшую подъ его ногами дорогу, и не разъ тяжкій вздохъ вырывался изъ груди бѣднаго мужика. Такимъ-то образомъ, самъ почти не замѣчая этого, выѣхалъ онъ на большую дорогу. Тутъ Антонъ невольно долженъ былъ оставить свои думы и заботиться исключительно о настоящемъ своемъ положеніи.

Дорога, размытая осенними ливнями, обратилась въ сплошную топь; стада воловъ, которыхъ прогоняютъ обыкновенно безъ разбора, гдѣ ни попало, замѣсили ее и дѣлали рѣшительно непроходимую. Стоило только зазѣваться разъ, чтобы окончательно посадить и лошадь и возъ или самому завязнуть. Сколько ни оглядывался Антонъ, не замѣчалъ онъ ни верстъ, ни вала, ни вѣтлокъ, которые обозначили бы границу: просто попросту, тянулось необозримое поле посреди другихъ полей и болотъ; вся разница состояла только въ томъ, что тутъ по всѣмъ направленіямъ виднѣлись глубокія ямы, котловины, *черторои*, свидѣтельствовавшіе безпрестанно, что здѣсь за-сѣли возъ или лошадь. Это были единственные признаки столбовой дороги. Мѣстами, впрочемъ, замѣтны были слѣды чьего-то заботливаго попеченія: цѣлыя груды хвороста и мелкаго лѣса

воздвигались, какъ бы предохраняя путника отъ трясины или топи; но путники, въ числѣ ихъ, разумѣется, и Антонъ, старались, по возможности, объѣзжать ихъ; даже кляча послѣдняго съ необыкновенною тщательностію обходила эти поправки, догадываясь, вѣроятно, глупымъ своимъ инстинктомъ, что тутъ-то легче всего сломить ногу или шею.

Спустя немного времени Антонъ встрѣтилъ длинную вереницу бабъ въ бѣлыхъ платкахъ и такихъ же балахонахъ, дѣлавшихъ ихъ владѣлицъ издали похожими на привидѣнія. Онѣ тянулись одна за одной гуськомъ по дорогѣ. У каждой была клюка и берестовая котомка съ прицѣпленною къ ней парой лаптей за плечами. Всѣ отъ первой до послѣдней шли босикомъ.

— А что, бабушка, вы, небось, изъ города? спросилъ Антонъ у старушки, сгорбленной и едва передвигавшей отъ стужи ноги.

— Изъ города, касатикъ!

— Что, много, небось на ярманкѣ нашего брата съ лошадьми?

— А не знаю, кормилецъ, отвѣчала она, кланяясь: — кто ихъ знаетъ: мы не здѣшнія....

— Да вы отколѣ?

— Сдалече родимый: мы каширскія.... идемъ въ Воронежъ на богомолье....

— По своей охотѣ идете? спросилъ разсѣянно мужикъ.

— По своей.

Антонъ вздохнулъ и почесалъ затылокъ.

— Э! произнесъ онъ, махнувъ рукою.

— О чемъ спрашиваешь, касатикъ? сказала другая богомолка, помоложе первой.

— Далече ли до города? вымолвилъ онъ отрывисто.

— А сколько? продолжала она, обращаясь къ третьей: — тетка Арина, сколько до города? верстъ десятокъ станетъ?....

— Что ты! отвѣчала нерѣшительно Арина: — много, много, коли пятокъ....

Не дожидаясь спора, который, безъ сомнѣнія, долженъ былъ возникнуть вслѣдствіе этого недоразумѣнія между бабами, Антонъ поѣхалъ далѣе. Отъѣхавъ версты двѣ, онъ услышалъ пѣсню и немного погодя различилъ двухъ человѣкъ, которые шли по закраинѣ дороги и, какъ казалось, направлялись къ сторонѣ города.

Вскорѣ онъ нагналъ ихъ.

Это были два молодыхъ парня веселой и безпечной наружности. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который казался постарѣе, былъ съ черною, какъ смоль, бородою, такими же глазами и волосами; бѣлокурая бородка другаго только что начинала пробиваться. Мѣщанскій картузъ съ козырькомъ, обвитый внизу у залома лентой, изъ-подъ которой торчали корешки павлиньихъ перьевъ, украшалъ голову каждого изъ нихъ, спустившись съ макушки на бекрень. Бѣлые, какъ мѣлъ, полшубки съ иголочки составляли ихъ одежду, отличавшуюся вообще какимъ-то особеннымъ щегольствомъ. Смазные сапоги съ алою сафьянною

машинная (Mishin's) and (Mishin's) and (Mishin's)

На бекрень = fünf Auf meine Fäule
(vom Fäule)

оторочкою болтались у нихъ за плечами; коротенькая трубочка, оправленная мѣдью, дымилась въ губахъ того и другаго.

Не успѣлъ поровняться съ ними Антонъ, какъ уже оба они остановились, и черный крикнулъ ему, оскаливъ свои бѣлые, какъ кипень, зубы:

— Здорово, братъ крестьянинъ! эй! не берешь ли попутчиковъ? Посади насъ на лошадь. Мы бы съ тебя дешево взяли....

— Нѣтъ, братцы, спасибо: и одного-то насилу везетъ, нѣхотя отшутился Антонъ.

— А мы, ей Богу, дешево бы съ тебя взяли. Сѣвка! сколько даешь?

Сѣвка вынулъ изо рта чубучекъ, отплюнулъ сажени на три и залился звонкимъ хохотомъ.

— А что, братцы, много ли еще осталось до города?

— Да вотъ какъ, отвѣчалъ безъ запинки черный: — пойдешь — близко думаешь, а придешь — скажешь: дорога дальняя!...

— Полно вамъ чудить, ребята! произнесъ мужикъ: — э! — Онъ махнулъ рукой. — Ишь, лошадь совсѣмъ умаялась....

— Что съ тобой станешь дѣлать.... изволь, скажу.... мотри только.... чуръ не обгоняй... спроси у Сѣвки: онъ те скажетъ....

— Какъ разъ 5 верстъ, сказалъ Сѣвка.

— Что ты! экъ махнулъ! вскрикнулъ черный: — пять! и въ 10 не вопрешь! что больно близко?...

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Анъ пять!

— Анъ десять!

— Врешь! экъ ты, Матюшка, спорить гораздъ! Сейчасъ за горою будетъ село Бубрино; а отъ него всего четыре версты до заставы....

— Эка шалава, пра, шалава, отвѣчалъ ему на это Матюшка потихоньку: — нешто не видишь, я хотѣлъ было мужичка повертѣть.... пра, шалава....

Сѣвка снова залился смѣхомъ.

— Отколѣ тебя Богъ несетъ, Христовъ человекъ? началъ Матюшка.

— Мы изъ троскинскихъ.... знаете село Троскино? отвѣчалъ со вздохомъ Антонъ.

— Ну, вистимо, какъ не знать.

— А вы, братцы, отколѣ?

— Отколѣ? а изъ сельца Дубиновки, слободы Хворостиновки, вотчины Колотиловки, отвѣчалъ серьезно черный.

— Ишь черти, балясники! вымолвилъ Антонъ.

— Аль не вѣришь? продолжалъ Матюшка: — ей Богу, правда; а коли знать хочешь, такъ по деревнямъ шлялись, зипуны да понявы шили... Эй, землякъ, нѣтъ ли табачку? смерть нюхнуть хоцца.

— Нѣтъ, нѣту... ну, а, примѣрно, какая ваша служба?...

— А вотъ какая: пришелъ въ деревню, брякнулъ дубиной въ окно: «эй вы, тетки, бабы, дѣв-

ки да хозяева съ чечеревятами, нѣтъ ли шитва?» а нѣтъ шитва, такъ бражки подавай удалому Кондрашкѣ!...

— Стало вы, портные?

— Портные, ребята удалые!.... Эй, Сѣвка! что жь ты прикорнулъ, собачья голова? аль сноху нажилъ. Ну запѣвай: *«Ей вдоль по улицы да мимо кузницы»*.... ну!...

И оба затанули лихую, забубенную пѣсню. Антонъ слушалъ, слушалъ и не могъ надивиться удали молодцовъ.

— Что, много оброку платите? спросилъ онъ задумчиво, когда пѣсня была окончена и парни закурили свои трубки.

— Ровно ничего, отвѣчали они въ одинъ голосъ.

— Какъ такъ?!...

— Да также, мы, братъ, вольные, живемъ не тужимъ, никому не служимъ!...

Тутъ Матюшка приложилъ коренастую ладонь къ правой щекѣ своей и запѣлъ тоненькимъ пронзительнымъ дискантомъ:

«Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,

«Съ своей родины бѣжалъ?

«Никого ты не послушалъ

«Кромѣ сердца своего....»

Вскорѣ всѣ три путника достигли высокой избы, осѣненной елкой и скворечницей, стоящей на окраинѣ дороги при поворотѣ на проселокъ, и остановились.

— Вотъ мы шутя, а алтынъ на сороковину отмахнули, сказалъ Матюшка Антону: — ну, что жь, слѣзай, пора духу перехватить. Вотъ, гляди, и казенная аптека передъ нами....

— Нѣтъ, спасибо, братцы, отвѣчалъ тотъ: — пра, спасибо, прибавилъ онъ, озираясь на стороны и почесывая затылокъ.

— Э, полно мірякомъ-то прикидываться! пойдёмъ, сорвемъ косуху при спопутности....

— Нѣколи.... вамъ дѣло досужное, а мнѣ въ городъ пора....

Антонъ вздохнулъ.

— Ну, вотъ еще! поспѣешь.

— Денегъ нѣту.

— Эка бѣда! ступай оставь что нибудь въ закладъ: какъ назадъ поѣдешь, отдашь....

Видно было, что нашъ мужикъ сильно колебался; наконецъ онъ собрался съ духомъ и сказалъ рѣшительно: «ей Богу, не пойду!»

— Что жь, ты глотку опозорить боишься, что ли? не пьешь?...

— Пить-то пью.... Эхъ, нѣтъ не пойду!!....

Антонъ повернулъ лошадь къ городу.

— Ну, да чортъ те дери!... Эй, землякъ! выпей хошь для міру.... хошь для міру-то выпей....

— Господь съ вами, сказалъ Антонъ, пуская рысью пѣгашку.

— Экой чортъ! кричали ему вслѣдъ молодцы: — прямая шалава!... погоди, обронилъ хвостъ у лошади... ей... цапля!!...

Но Антонъ ничего не слышалъ: онъ давно уже былъ за горою.

Погода, между тѣмъ, какъ будто собиралась разгуляться: свинцовое небо прояснялось. Это дѣлалось особенно замѣтнымъ вправо отъ дороги къ селу Бабурино. Бѣлый господскій домъ и церковь, расположенные на горѣ, вдругъ ярко засіяли посреди темныхъ, покрытыхъ еще густою тѣнью деревъ и избушекъ; въ свою очередь, сверкнуло за ними дальнее озеро; съ каждою минутой выскакивали изъ мрака новые предметы: то вѣтреная мельница съ быстро вращающимися крыльями, то клочекъ озими, который какъ бы мгновенно загорался. Правда, слѣва, все еще клубились сизые хребты тучъ и мѣстами косая полоса ливня сливала сумрачное небо съ отдаленнымъ горизонтомъ; но вотъ и тамъ мало по малу начало свѣтлѣть... Сквозь туманную мглу просіяла пестрая радуга, ярче, и вотъ она обогнула собою половину неба; лучъ солнца, неожиданно пробившись сквозь облако, заигралъ въ бороздахъ, налитыхъ водою, и вскорѣ вся окрестность освѣтилась бѣлымъ свѣтомъ осенняго солнышка. Въ то же время и самая дорога какъ бы немножко повеселѣла. Чѣмъ ближе придвигалась она къ городу, тѣмъ болѣе было замѣтно на ней оживленія. Нерѣдко начинали уже попадаться тучные, укутанные вередьями возы съ мукою, рожью, огурцами, горшками и разными другими хозяйственными принадлежностями. Кое-гдѣ встрѣчались бабы, тащившія за веревку хилую,

костлявую коровенку, съ высохшимъ вымянемъ, которую, вѣроятно, въ награду за ревностную службу многихъ лѣтъ, влачили продавать кошатникамъ на шкуру. Изъ проселковъ то-и-дѣло сворачивали телѣги, наполненныя мужиками и бабами, горланившими пѣсни. Нарядныя, поярковыя шляпы, кафтаны и сапоги у мужчинъ, алые повойники и коты пестрыя у женщинъ давали знать о происходившей въ городѣ ярмаркѣ. Поѣхавъ еще версты двѣ, Антонъ увидѣлъ длинную, безконечную фуру съ высокимъ верхомъ, покрытымъ войлокомъ; на передкѣ сидѣлъ нахохлившійся сѣдой сутуловатый старикъ и правилъ изнуренною, едва переводившею духъ тройкою; подлѣ него на палкѣ, воткнутой въ облучекъ, развѣвался по воздуху пышный пучекъ ковыля. Изъ кузова, завѣшеннаго кой-какъ рогожею, высовывалось нѣсколько ногъ, смуглыхъ, черныхъ, и между ними виднѣлась кудластая взъерошенная голова, державшая во рту трубку съ мѣдною оковкою. Изъ фуры слышался живой разговоръ на какомъ-то странномъ, дикомъ языкѣ. Къ задней части экипажа, переплетенной веревками, была привязана цѣлая дюжина разношерстныхъ лошадей, тавренныхъ по бедрамъ. Словомъ, по всему узнать можно было цыганъ-барышниковъ. Далѣе попался слѣпой нищій, упиравшійся одной рукой на сучковатую палку, другою на плечо худощаваго, оборваннаго мальчика, съ трудомъ вытаскивавшаго изнуренныя, больныя ноги изъ грязи. Оба они, какъ видно, также

поспѣшали на ярмарку въ надеждѣ выгодной добычи. Наконецъ-то заблестали вдаль макówki церквей, глянули кровли, зданія; а тамъ выставилась изъ-за горизонта и вся гора, по скату которой расползлся городъ. На песчаныхъ отмеляхъ широкой рѣки, огибавшей гору, бѣлѣлся монастырь; паромъ, нагруженный подводами, медленно спускался по теченію рѣки; на берегу чернѣлось множество народа, возовъ, лошадей. Шумъ слышался еще издали.

Сердце почему-то сильно забилося въ груди Антона, когда онъ подѣхалъ къ заставѣ. Онъ словно впервые почувствовалъ себя на чужбинѣ и безотчетно вспомнилъ о женѣ и ребятишкахъ. Вслѣдъ затѣмъ ему пришелъ въ голову Никита Федорычъ, горькая доля, ожидавшая семью въ случаѣ неудачи, потомъ встрѣча съ мельникомъ... Онъ быстро соскочилъ съ пѣгашки и, приблизившись къ мужику, торговавшему ободьями, спросилъ отрывисто, какъ бы проѣхать короче на конную.

Получивъ отвѣтъ, Антонъ вступилъ за заставу и вскорѣ, подобно зерну, попавшемуся разъ подъ порхающій жерновъ, былъ затертъ толпою и исчезъ вмѣстѣ съ своею кляченкой.

IV.

Я Р М А Р К А .

Городишко, гдѣ происходитъ ярмарка, принадлежалъ къ самымъ ничтожнымъ уѣзднымъ горо-

дамъ губерніи. Глядя на него въ обыкновенное время, нельзя даже было подумать, чтобъ онъ могъ служить цѣлю какой бы то ни было поѣздки: онъ являлся скорѣе на пути какъ *средство* ѣхать далѣе. Куда ни глянешь: колеса, деготь, оглобли, кузницы, баранки, — и только; такъ развѣ перехватить кой-чего на скорую руку, подмазать колеса, сѣсть и снова въ дорогу. Но въ ярмарочную пору, и особенно осенью, онъ принималъ такую оживленную, разнообразную наружность, что трудно даже было узнать его. И немудрено: сколько ни находится въ околоткѣ мужичковъ съ залежными гривнами и пятаками, съ припасенными про случай ржицею, гречью, мукою и сѣномъ, всѣ окрестные купцы, барышники, мѣщане, промышленники всякаго рода и сброда, — все стекалось сюда, кто для барышей и дѣла, а кто, какъ водится, погулять, поглазѣть да мошну повытрясти. Впрочемъ, и то сказать надо: есть на что посмотрѣть, есть что и купить *въ коренную ярмарку* (*). Ишь, сколько однихъ навѣсовъ, ятокъ, стоекъ, шатровъ понаставлено, не только на площадкѣ, но даже по всѣмъ переулкамъ, закоулкамъ, по всему скату горы, вплоть до самого берега! И чего ужъ нѣтъ-то подъ ними, какого надо еще добра и товара? Тутъ пестрыми группами возносятся кубышки, крыночки, ложки кленовыя, бураки берестовые, чашки липовыя золоченыя суздальскія, жбанчики и лагунчики

(*) Такъ называются вообще въ средней Россіи осеннія ярмарки.

березовые, горшки, и горшки-то все какіе—муравленые коломенскіе! Тамъ цѣлыя горы жемковъ, стручевъ, орѣховъ, мякушекъ, сластей паточныхъ-медовыхъ, пряниковъ, писанныхъ сусальнымъ золотцемъ... Здѣсь мечутся въ глаза яркою рябизною своею полусушки, набойки, холстинки, миткали всякіе... А сколько платковъ, и сизыхъ, и желтыхъ, и алыхъ, съ разводами и городочками, развѣваются по воздуху! сколько александровки, кумачу, ситцевъ московскихъ, стекляруса!... а сколько костромскаго товара: запонокъ, серегъ оловянныхъ подъ фольгою и тавлинокъ подъ слюдою! кажись, на весь бы свѣтъ съ залишкомъ стало.

Поглядите-ка теперь, сколько посреди всего этого народа движется, толкается и суетится! какая давка, тѣснота! то прихлынутъ въ одну сторону, то въ другую, а то и опять сперлись всѣ на одномъ мѣстѣ,—хоть растаскивай! Крикъ, шумъ, разнородные голоса и восклицанія, звонъ желѣза, вой, блеянье, топотъ, ржаніе, хлопанье по рукамъ,—и все это сливается въ какой-то общій, нестройный гамъ, изъ котораго выхватываешь однѣ только отрывчатые, несвязныя рѣчи... Прислушайтесь: «Ой, батюшки, давятъ! ой, голубчики, давятъ!» пронзительно взвизгиваетъ толстая мѣщанка въ мухояровой душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху: «Ой, родимые, отпустите! проклятый, чего лѣзешь!...» и вслѣдъ затѣмъ раздается подлѣ густой басы: «А сама чего топыришься?... ну, ну, не больно пихайся! я и самъ го-

раздъ...»—«Ахъ ты такой-сякой, общипанецъ!...»
Но тутъ голосъ мѣщанки покрывается разсыпчатымъ дребезжаньемъ торговли: «Купчиха! голубушка! на баранки, на баранки... сама пекла... на сайку, на горячу... сама пекла... на сайку!...»
—По лукъ, по лукъ! слышится вслѣдъ за этимъ.
«Э! лачи грай! тамаръ у Девелъ, текурасса манъ—
э! добрая лошадь! убей меня Богъ, укралъ бы.»
— *«Авенъ, авенъ-те кинасъ!!* пойдете торговать!! кричатъ въ отдаленіи цыгане.»—Что покупаете? ситцы-съ, канифасы, нанки, выбойки!... у насъ брали, пожалуйста!... «Эхъ! солнышко садится, а у меня въ мошнѣ ничего не шевелится!» раздается гдѣ-то въ сторонѣ.—Иванъ Трофимычъ! Иванъ Трофимычъ! гдѣ, вы говорили, гребенки продаютъ?... Ой! ой! давятъ!!... Иванъ Трофимычъ, не отставайте! И толпа дворовыхъ дѣвокъ, разряженныхъ впухъ и прахъ, кидается сломя голову къ высокому лакею со вострепанной манишкой. — «Сюда, сюда, Анна Андреевна! не опасайтесь-съ ничего-съ... Марѳа Васильевна! не отставайте, городъ помѣщенье большое-съ: долго ли потеряться...» — По клюкву, по ягоду по клюкву!—«Помилуй! христовъ ты человѣкъ, самъ гляди, нынѣшнее!» — Черно больно... — «Како черно! гдѣ оно черно? ну, гдѣ? сѣно что ни есть свѣжее, звонкое сѣно, духавитое...» — Спиридонычъ! а, Спиридонычъ! купи дѣвкѣ-те: ишь воетъ, ажно душу деретъ.—Звуки гармоникки и удалая пѣсня заглушаютъ на мгновеніе всѣ голоса. «Сѣвка! а, Сѣвка! припрремъ-ка вонъ ту куп-

чиху-то, что больно топырится...» — Ито, ито, напирай сильнѣе, Матюха! ну, не робѣй! — «Ой, батюшки, давятъ! ой, голубчики, давятъ!» снова вопіетъ на всю ярмарку мѣщанка въ душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху. — Ишь, чортова кукла, какъ воетъ! а нукась, Сѣвка, катнемъ-ка еще... — «Ну, чортъ съ ней! Знаешь что, Матюшка, пойдѣмъ-ка, братъ, на конную, нашлались здѣсь вволюшку...» — На нашу долюшку! Ну, Сѣвка, пойдѣмъ... Эй, стой! вонъ, кажись, сдѣпились... драка, ступай сюда! — Долговязый, бѣлокурый парень стоитъ, оскаливъ зубы передъ сѣдымъ старикомъ, увѣшаннымъ кнутами, варишками, кушаками, который ругается навсѣ бока и чуть не лѣзетъ парню въ бороду.

— Эй, дядя! чему оскалешься? али радъ, что дожилъ до лысины? что тарихъ парня-то? крикнулъ Матюшка.

— Вистимо, что у васъ? что? раздалось въ сдвинувшейся толпѣ.

— Братцы! прохрипѣлъ старикъ: — онъ мошенникъ! хлыновецъ окаянный!... почитай, что вотъ съ самаго утра прикидывается у меня къ кушаку, торгуетъ, а словно на смѣхъ ничего не покупаетъ... Ахъ, ты, въ стекляночной — те разбей!... ахъ, ты!...

— Господа! а, господа! полно вамъ, говоритъ городской польскаго происхожденія, инвалидъ съ подбитымъ глазомъ, выстуная впередъ и толкая ссорившихся: — полно, господа: начальство узнаетъ, ей Богу, начальство... полно... вонъ

(онъ указалъ на острогъ) туда какъ разъ на вольный хлѣбъ посадятъ... Полно, господа!...

— Эки, дьяволы, право! произнесъ Матюшка, отходя прочь: — хошь бы маленько-то почесали другъ друга, а то ишь чего испужались... ну, лѣшій съ ними! пойдѣмъ, братъ Семіонъ, на конную: ишь, солнце, того смотри, сядетъ!

Конная площадь составляетъ главную точку ярмарочной промышленности. Тамъ, правда, не встрѣтишь ни *афеней*, увѣшанныхъ лубочными картинами, шолкомъ-сырцомъ, съ ящиками, набитыми гребешками, запонками, зеркальцами, ни мирныхъ покупателей-бабъ съ задумчивыми ихъ сожителями; рѣже попадаются красныя дѣвки, осанистыя, сытыя, со стеклярусными на лбу поднизями; тутъ, по обѣимъ сторонамъ широкой луговины, сбился сплошною массою народъ, по бѣльшей части шумливый, задорный, крикливый, охочій погулять или уже подгулявшій. Одна сторона поля загромождена возами сѣна, дегтемъ, ободьями, лѣсомъ, колесами, — также торгуютъ тутъ коровами и всякимъ скотомъ; другая почти вплотную заставлена ятками, харчевнями, кабаками и навѣсами со всякимъ харчемъ и снѣдью. Здѣсь-то тѣсняются кружки играющихъ въ свайку и орлянку, разгуливаютъ шумными ватагами пѣсенники, хлыновцы, барышники и цыгане. По полю, тамъ и сямъ, носятся всадники, пробующіе лошадей, или летятъ иноходцы въ бѣговыхъ дрожкахъ и легонькихъ телѣж-

кахъ. Кое-гдѣ виднѣются группы конскихъ любителей, продавцовъ и покупателей.

Пріятели портной Матюшка и товарищъ его Сѣвка не успѣли еще продраться сквозь толпу, составляющую ограду площади, какъ первый закричалъ чгѡ есть мочи:

— Эй, Сѣвка! поглядь-кась, никакъ вонъ тотъ самый мужикъ, что встрѣлся съ нами на дорогѣ... ну, такъ, такъ, онъ и есть... вонъ и пѣгая его кляча... должно быть, не продалъ... Эй, Старбей! продолжалъ онъ, обращаясь къ Антону: — какъ-те звать? добрый человѣкъ... знакомый! аль знать не хочешь?... ну, что? какъ Богъ милуетъ?...

— Здравствуйте, братцы! вымолвилъ Антонъ, подходя къ портнымъ вмѣстѣ съ другими мужиками. Новые товарищи Антона были приземистые, рыженькіе люди, очень похожіе другъ на друга; у обоихъ остроконечныя красныя бородки и плутовскіе сѣрые глазки. Синій дырявый армякъ, опоясанный ремнемъ, вокругъ котораго болтались доспѣхи коновала, баранья черная шапка и высокіе сапоги составляли одежду того и другаго.

— Что не весель? словно мышъ на крупу надулся... ась? произнесъ Матюшка насмѣшливо.

— Како тутъ веселье! отвѣчалъ печально Антонъ, разсѣянно глядя въ поле.

— Что жъ, опять небось алтынъ не хватаетъ? Знамо, безъ денегъ въ городъ — самъ себѣ ворогъ. Жаль, братъ, прохарчились мы больно, а

то бы, вотъ те Христосъ, помогли, ей Богу, хоть 1000 рублей, такъ сейчасъ бы повѣрили... а то, вишь, на косуху не осталось, словно бы какой языкомъ слизнулъ, право...

Въ толпѣ раздался хохотъ.

Въ это время къ Антону подошли два мужика. Мука, обсыпавшая ихъ шапки и кафтаны, давала тотчасъ же знать, что это были мельники.

— Послушай, братецъ ты мой, сказалъ старшій изъ двухъ:—что жь, говори послѣднее слово: продашь лошадь-то али нѣтъ?..

Рыженькіе пріятели перемигнулись между собою, дернули Антона потихоньку сзади и сказали шопотомъ: «мотри, землякъ, не отдавай... надуть хотятъ... не отдавай!»

— Да, побойся хоть ты Бога-то, отвѣчалъ Антонъ мельнику: — побойся Бога... Христовъ ты человекъ аль нѣтъ?... ну, что ты меня вертишь, словно махонькаго: ишь, за каку цѣну хочешь лошадь купить...

— Оставь его, дядя Кондратъ! отозвался съ сердцемъ товарищъ мельника:—оставь, говорю. Съ нимъ и самъ сатана возившись упарится. Вишь, какъ онъ кобенится. Часовъ пять и то бились. Лошадь того не стоить... Пойдемъ: авось попадемъ на другую. Здѣсь ихъ много...

— Вистимо, отвѣчали въ одно время рыженькіе:—знамо, свѣтъ не клиномъ сошелся. Ступайте. Вы лошадь найдете, а мы покупателя.

Старый мельникъ, казалось, съ сожалѣніемъ раз-

ставался съ мыслію пріобрѣсти пѣгашку. Онъ еще разъ обошелъ вокругъ нея, потомъ пощупалъ ей ноги, подергалъ за гриву, качнулъ головой и пошелъ прочь.

— Ишь, ловкіе какіе! произнесъ одинъ изъ рыженькихъ: — чего захотѣли! *атусбешъ* (*). то бишь... 35 рублей за лошадь даютъ... Да за эваду животину и 70 мало...

— Эй, землякъ, давай, я лошадь-то куплю! снова закричалъ Матюшка: — не грусти. Что голову повѣсилъ? сколько спросилъ? сколько хошь, сколько и дамъ. Чуръ, мотри, твои магарычи, а деньги за лошадь, какъ помру.

— Чего вы привязались ко мнѣ? ну, чего вамъ отъ меня надѣтъ? сказалъ съ сердцемъ Антонъ и сдѣлалъ шагъ впередъ.

По всему видно было, что бѣдняга уже давнымъ-давно вышелъ изъ себя и выжидалъ только случая вымѣстить на какомъ нибудь свою досаду.

Сѣвка и Матюшка сдѣлали видъ, какъ будто испугались, и отскочили назадъ. Толпа, расположенная къ нимъ прибаутками, которыя разсыпалъ Матюшка, заслонила ихъ и разразилась громкимъ, продолжительнымъ хохотомъ. Одобренный этимъ, Матюшка высунулъ впередъ черную, кудрявую свою голову и заоралъ во все горло:

— Гей, землякъ! всѣхъ избилъ въ одинъ си-

(*) 35 рублей на языкъ конскихъ барышниковъ и коновладовъ.

някъ!... Братцы, ребята, это, вишь, нашъ бур-
мистръ, ишь, какой мигачъ, во всемъ подстать
пѣгой своей кобылѣ, молодецъ къ молодцу... во-
ронъ вишь пріѣхалъ на ней обгонять... Эй, эй,
Фалелей! мотри, мотри, хвостъ-ать у клячи отор-
валси, ей Богу, право, оторвалси... эй, го... го...
го... го...

Антонъ въ это время слѣдовалъ за рыженьки-
ми своими пріятелями, которые почти противъ
воли тащили его на другой конецъ поля.

Къ нимъ тотчасъ же подскочили три цыгана.

— Чтò, добрый человѣкъ, лошадь твоя?

— Моя.

— Продаешь?

— Мотри, не продавай, снова шепнули Анто-
ну рыженькіе: — народъ бѣдовый: какъ разъ за-
вертятъ.

— Продаю, отвѣчалъ нерѣшительно Антонъ и
въ то же время поглядѣлъ съ беспокойствомъ на
пріятелей.

Тогда одинъ изъ цыганъ, дюжій, рослый муж-
чина въ оборванныхъ плисовыхъ шароварахъ и
синемъ длинномъ балахонѣ съ цвѣтными полот-
няными заплатами, подбѣжалъ къ пѣгашкѣ, раз-
двинулъ ей губы, потомъ поочередно поднималъ ей
одну ногу за другой и, ударивъ ее въ бокъ сапо-
гомъ, какъ бы для окончательнаго испытанія,
сказалъ товарищамъ:

— *Лачи грай, янъ татарчинасъ, пшаль, ды*
герой лачи! — Добрый конь! Давайте, братцы,
торговать. Смотри, ноги хороши больно.

— *Мычынавъ нурано*, какъ будто старенька, отвѣчали тѣ: — *а нанано пробинѣ, пробинѣ*, а все попопробуемъ.—И всѣ трое принялись осматривать лошадь. Разумѣется, удары въ бокъ, какъ необходимѣйшее условіе въ такомъ дѣлѣ, не заставили себя дожидаться.

— Что стоить? спросилъ первый цыганъ.

— 70 рублей, отвѣчали равнодушно и какъ бы изъ милости рыженькіе спутники Антона, отводя его въ сторону и принимаясь нашептывать ему на ухо.

Цыгане засмѣялись.

— *А саранда рубли круугъ, де гаджо лове вашопашъ, сытуте лове?* А сорокъ рублей стоить, да мужикъ отдастъ за половину. Деньги у васъ есть? сказалъ первый.

— *Сы*, есть, отвѣчали тѣ.

— *Лачи*, ладно. Ну, братцы, и ты добрый человекъ, продолжалъ тотъ, указывая на лошадь съ видомъ недовольнымъ: — дорого больно просишь: конь-то больно изъѣзженъ, старъ. Вотъ и ребята тоже говорятъ....

— Да чуть ли еще не съ норовомъ, подхватилъ другой цыганъ, глядя пѣгашкѣ въ зубы: — ишь, верхній-то рядъ впередъ выпучился.... А ты 70 рублей просишь!... нѣтъ, ты скажи намъ цѣну по душѣ. Нынче, братъ, не то время: кормъ коня дороже..... по душѣ скажи....

— Сколько же по вашему? спросилъ Антонъ.

— Да что тутъ долго толковать! Мы въ деньгахъ не стоимъ. Надо поглядѣть сперва ходу,

какъ бѣжитъ.... былъ бы конь добрый, цѣну дадимъ не обидную.... веди.

Рыженькіе отвели Антона въ сторону.

— Экой ты, братъ!... мотри, не поддавайся.... не купятъ, право-слово, не купятъ, попусту только загоняешь лошадь и самъ измайшься.... говоримъ, найдемъ завтра покупателя.... есть у насъ на примѣтѣ. Вотъ ужъ ты сколько разъ водилъ, не купили и теперь не купятъ: не такой народъ.... тебѣ, чай, не первинка.... твердили они ему.

— Спасибо, родные, за доброе, ласковое ваше слово; да, вишь, дѣло-то мое захожее.

— Вотъ потой причинѣ мы те и толкуемъ, наволоку и поволоку — надо дѣло разсуждать.

— Господь ихъ вѣдаетъ, можетъ, и по честности станутъ цѣну давать. Мнѣ, братцы, така-то, право, тоска пришла, что хощь бы сбыть ее съ рукъ скорѣй.

— Пожалуй, ступай себѣ; а только, право, попусту сходишь.

Антонъ взялъ пѣгашку подъ уздцы и, сопровождаемый цыганами, повелъ ее къ сторонѣ харчевень, откуда долженъ былъ, по обыкновенію, начаться бѣгъ. Рыженькіе пошли за ними. Пройдя шаговъ двадцать, они проворно обернулись назадъ и подали знакъ двумъ другимъ мужикамъ, стоявшимъ въ отдаленіи съ лошадьми, чтобы слѣдовали за ними; тѣ тотчасъ же тронулись съ мѣста и начали огибать поле. Никто не замѣтилъ этихъ продѣлокъ, тѣмъ менѣе Антонъ. Вилно было по всему, что онъ уже совсѣмъ упалъ ду-

хомъ. Дешь пропалъ за-даромъ; лошадь не продана, самъ онъ измучился, измаялся, проголодался; вдобавокъ, каждый разъ, какъ являлся новый покупатель и дѣло, повидимому, уже ладилось, имъ овладѣвало необъяснимо тягостное чувство: ему становилось все жальче и жальче лошаденку, такъ жаль, что въ эту минуту онъ готовъ былъ вернуться въ Троскино и перенести все отъ Никиты Федорыча, чтобы только не разлучаться съ нею. Но теперь, почему-то, заболѣло еще пуще по ней сердце. Предчувствіе ли лиха какого, или что другое, только слезы такъ вотъ и прошибали рѣсницы, и многихъ усилій стоило бѣдному Антону, чтобы не зарыдать вслухъ.

— *Эхъ, каминъ чорасъ играй, тамаръ у Девелъ чорасъ ме*. Эхъ, вотъ бы укралъ лошадь, убей меня Богъ, укралъ бы! сказалъ кто-то изъ цыганъ, когда пришли на мѣсто.

Тутъ стояли уже нѣсколько человѣкъ съ лошадьми; между ними находились и тѣ, которымъ подали знакъ рыженькіе.

— Ну, братъ, хозяинъ, садись на коня, вымолвилъ первый цыганъ Антону: — поглядимъ, какъ-то онъ у тебя побѣжитъ.... садись....

Антонъ медленно подошелъ къ пѣгашкѣ, уперся локтями ей въ спину, потомъ болтнулъ въ воздухъ длинными, неуклюжими своими ногами и началъ на нее карабкаться. Послѣ многихъ усилій съ его стороны, смѣха и прибаутокъ со стороны окружающихъ, онъ наконецъ сѣлъ и вытянулъ поводья. Толпа, состоящая преимущест-

венно изъ барышниковъ , придвинулась , и , кто молча , кто съ разными замѣчаніями , окружили всадника-мужичка. Въ числѣ этихъ замѣчаній не нашлось , какъ водится , ни одного , которое бы не противорѣчило другому : тотъ утверждалъ , что конь *вислобокой* , другой , напротивъ того , спорилъ , что онъ добрый , третій бился объ закладъ , что *двужилый* , четвертый увѣрялъ , что пѣгая лошадь ни болѣе , ни менѣе , какъ *стогодова*лая , и такъ далѣе. Разумѣется , мнѣнія эти никому изъ нихъ не были особенно дороги , и часто тотъ , кто утверждалъ одно , спустя минуту , а иногда и того менѣе , стоялъ уже за мнѣніе своего противника.

— Ну , теперь , пушай ее.... пушай ! закричало нѣсколько голосовъ , и толпа ринулась въ сторону.

Но усталая , измученная и голодная пѣгашка на тотъ разъ , къ довершенію всѣхъ несчастій Антона , рѣшительно отказывалась повиноваться пруканью и понуканью своего хозяина : она уперлась передними ногами въ землю , сурово потупила голову и не двигалась съ мѣста.

— Конь съ норовомъ.... анъ нѣтъ.... анъ да.... о ! чего смотрите , черти !.... она , вишь , умаялась , дай ей вздохнуть , вздохнуть дай !.... слышалось отсюда.

А Антонъ , между тѣмъ , употреблялъ всѣ усилія раззадорить пѣгашку : онъ то подавался впередъ къ ней на шею , то спускался почти на самый хвостъ , то болталъ вдоль боковъ ногами ,

то размахивалъ уздечкой и руками. Нѣтъ! ничего не помогало: пѣгашка все-таки не подавалась.

— Э...ге...ге...ге! замѣтилъ цыганъ: — да она, братъ, видно у тебя опоена, видно, на кнутъ только и ѣдетъ.

Антонъ удвоилъ усилія; потъ выступилъ у него на лбу, онъ весь запыхался.

— Ну, ну, бормоталъ онъ, метаясь на лошади, какъ угорѣлый: — ну, дружокъ, ну! дурачекъ... э! ну.... эка животина... ну.... ну.... э!...

— Эй, братъ!... ребята! да вы проведите ее.

— Нѣтъ, зачѣмъ проводить... оставь... она и сама пойдетъ... дайте ей вздохнуть...

— А долго будетъ она такъ-то стоять? сказалъ кто-то и, безъ дальнихъ разсужденій, подбѣжавъ къ лошади, ударилъ ее такъ сильно въ брюхо, что самъ Антонъ чуть было не слетѣлъ наземь.

Толпа захохотола, а пѣгашка тѣмъ временемъ брыкнула, взвизнула и понеслась по полю.

— Э! взяла! взяла! э! пошла, пошла, пошла! гей! гей! гого-го! слышалось со всѣхъ сторонъ.

Одинъ изъ зрителей пришелъ въ такой азартъ, что тутъ же снялъ съ себя кожухъ и, размахивая имъ съ какимъ-то особеннымъ остервенѣніемъ по воздуху, пустился догонять лошадь.

— Ишь, прямо съ копыта пошла, хорошо пошла, произнесъ цыганъ, обращаясь къ толпѣ.

— Николко, *праста лашукаръ*, — вѣдь хорошо бѣжитъ?

— Урняла, *целдари урняла*! знатно скачетъ!

отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ, глядя ей вслѣдъ, и закричали Антону: — эй! пусти ее во весь духъ, пусти, небось... *дыкло, дыкло!* посмотримъ!

Рыженькіе, казалось, того только и ждали, чтобы отѣхалъ Антонъ. Они подошли къ двумъ мужикамъ—товарищамъ и переговорили.

Когда Антонъ вернулся назадъ, они уже стояли на прежнемъ своемъ мѣстѣ, а товарищи ихъ пододвинулись съ своими лошадьми къ цыганамъ.

— Ну, вотъ что, братъ, сказалъ первый цыганъ Антону: — 70 рублей деньги большія, дать нельзя, это пустое, а 40 бери. Хошь, такъ хошь, а не хошь, такъ какъ хошь... По рукамъ, что ли? долго толковать не станемъ.

Антонъ поглядѣлъ нерѣшительно на рыженькихъ.

Тѣ замотали головами.

— Нѣтъ, сказалъ онъ печально: — нельзя, не сходно....

— Братцы, что вамъ лошадь, что ли, надо? заговорили тотчасъ пріятели рыженькихъ: — пойдите, поглядите у насъ.... ужь такого-то подведемъ жеребчика, спасибо скажете.... Что вы съ нимъ какъ бьетесь? ишь, ломается!... и добро было бы изъ чего.... ишь, вона, вона, какъ ноги-то подогнула.... Пойдемте съ нами: вонъ стоятъ наши лошади.... бойкія лошади! супротивъ нашихъ ни одна здѣсь не вытянетъ, не токмо что эта....

— А чего вы лѣзете? перебилъ одинъ изъ близъстоявшихъ мужиковъ: — нешто это дѣло отби-

вать? эки безстыжіе! совѣсти нѣтъ... Вишь, онъ продаетъ, а вы лѣзете!... завидно, что ли?... право, безстыжіе....

— А чортъ ли велитъ ему отмалчиваться? коли продаешь, такъ продавай... Чтò кобенишься? да! чтò буркулы-то выпучилъ? словно пятерыхъ проглотилъ да шестымъ поперхнулся.... отдавай за 40.... небось, не сходно.... отдавай... чего надсѣдаешься?...

— Нѣтъ, за 40 не отдамъ.

— Твоя воля, конь твой, отвѣчалъ цыганъ:— ну, слушай, послѣднее слово, 40 рублей и магарычи.... хошь?

— Чтò мнѣ магарычи! накой мнѣ ихъ лѣшій!...

— Узду въ придачу!

— И узды не надѣть.

— Эхъ вы, ребята, словоохотливые какіе, право, начали опять тѣ: — видите, не хочетъ продавать — и только... И чтò это вы разгасились такъ на эвту лошадь? мотрите, того и гляди, хвостъ откинетъ, — а вы 40 даете! Пойдемте: вамъ такого рысачка за сорокъ-то отвалимъ, знатнаго, статнаго.... четырехлѣтку.... какъ передъ Богомъ, четырехлѣтку....

— *Соле саракиресса, накамылъ тебыкнелъ, авенъ, пшалы, не каманъ.* Ну, чтò съ нимъ въправду толковать? пойдемте, братцы: не хочетъ.

— Ну, прощай, добрый человѣкъ! сказалъ первый цыганъ. — *Авенъ, авенъ, пшалы.* Пойдемте, братцы!

Рыженькіе тотчасъ же повели бѣднаго Антона въ другую сторону.

— Ну, вотъ, говорили мы тебѣ.... какъ бишь те звать?

— Антономъ.

— Э! да у меня, братъ, свояка зовутъ Антономъ.... Ну, вѣдь говорили мы тебѣ: не ходи, не продашь лошади за настоящую цѣну... э! захотѣлъ, братъ, продать цыгану! Говорятъ, завтра такого-то покупателя найдемъ, барина: 80 рублей какъ разъ дастъ... я знаю.... Балай, а, Балай! знаешь, на кого я мѣчу?...

Балай кивнулъ головою, искоса поглядѣлъ на Антона и значительно подмигнулъ товарищу.

— Спасибо, братцы, за ваши добрыя рѣчи, отвѣчалъ мужикъ, уныло потупляя голову: — да, вишь, дѣло-то мое захожее: куды я теперь пойду? ночь на дворѣ.

— Куды пойдешь! объ эвтомъ, землякъ, не сумлѣвайся: а мы-то на что жъ?... вотъ братъ пойдетъ домой въ деревню, а я остаюсь здѣсь. Пожалуй, коли хочешь, пойдѣмъ вмѣстѣ: я тебѣ покажу, гдѣ заночевать.

— У меня, братцы, вѣдь денегъ нѣту.... вотъ бѣда какая! думалъ лошадь продать, такъ....

— Эхъ бѣда какая: мало ли у кого нѣ бываетъ денегъ, не ночуютъ же въ полѣ... Я тебя поведу къ такому хозяину, который въ долгъ повѣритъ. Обѣ утро, какъ пойдешь, знамо, оставь что нибудь въ закладъ, до денегъ, полшубокъ или ку-

шакъ. Придешь, рассчитаешься. У насъ завсегда такъ-то водится....

— Когда ваше такое доброе слово, отвѣчалъ Антонъ: — пойдете, братцы! Авось Господь милостивъ: завтра удастся продать лошаденку....

— Не сумлѣвайся, братъ Антонъ: говорю, покупатель у насъ есть знатный для тебя на примѣтѣ. Ты вишь, больно намъ полюбился: мужикъ-атъ добрѣ простой, не приквельный.... хотимъ удружить тебѣ.... Богъ приведетъ, встрѣнемся, спасибо скажешь....

И всѣ трое покинули площадь. Только что своротили они въ переулкъ, какъ Балай распрс-щался съ Антономъ и, перемигнувшись еще разъ съ товарищемъ, исчезъ въ толпѣ.

V.

НОЧЛЕГЪ.

«Охъ, горе, мое горе, кручинное житье! думалъ Антонъ, слѣдуя медленнымъ, нетвердымъ шагомъ за товарищемъ. — День прошелъ, да, видно, до насъ недошелъ. Ишь, вечеряетъ—лошаденка все съ рукъ не сошла. Чтó станешь дѣлать!... Нѣтъ, знать, такъ ужъ Господу Богу угодно.... погрѣшился я чѣмъ передъ Нимъ.... Охо, хо!... Дома-то, дома у меня, я чай, ждуть, сердешные, не дождутся; не наболится у родимыхъ сердечушко.... Правда, напался человекъ добрый: сулить покупателя хорошаго; да это когда еще? завтра!... Заночевать, вишь, пришлось въ чужой

сторонѣ промежь чужихъ людей. Денегъ ни полушки, а дѣло захожее.... Ну, а какъ завтра да опять не выйdetъ на мою долю счастья — лошади опять не продашь, а только пуще бѣдъ наживешь, полущубокъ оставишь и съ тѣмъ домой вернешься?... Никита просвѣту не дастъ тогда, долой съ бѣла свѣта стонить.... совсѣмъ бѣда! пропадемъ ни за что и я и Варюха да и ребятенки-то тожь.... Охо.... хо, горе мое, горе, кручинное житье!....»

День, между тѣмъ, зримо клонился къ вечеру: солнце сѣло; золотистые хребты тучъ, блѣднѣя на дальнемъ горизонтѣ, давали знать, что скоро и совсѣмъ наступятъ сумерки. Подошва горы, плоскіе песчаные берега, монастырь и отмели окутались уже тѣнью; одна только рѣка, отражавшая круглыя облака, обогренныя послѣдними вспышками заката, вырѣзывалась въ тѣни алой сверкающей полосой. Осенній вѣтеръ повѣялъ холодомъ и зашипѣлъ въ колеяхъ дороги. Время отъ времени онъ измѣнялъ свое направленіе, и тогда слышались съ рѣки отрывистые крики народа, толпившагося на берегу и ожидавшаго парома, который чуть видимою точкой чернѣлся на болѣе и болѣе блѣднѣвшей поверхности воды, влача за собою огненную, искристую полосу свѣта. Шумъ ярмарки умолкалъ; толпа въ городѣ постепенно рѣдѣла; скидывались ятки, запирались лари, лавки, купцы и покупатели расходились во всѣ стороны, и все тише да тише становилось на улицахъ, на площади, между рядами

телягъ, подводъ, укутанныхъ и увязанныхъ на ночь въ рогожи.

Внизъ по горѣ тишина дѣлалась еще замѣтнѣе. Тутъ исчезли уже почти всѣ признаки ярмарки; кое-гдѣ развѣ попадались возъ непроданнаго сѣна и его хозяинъ, недовольное лицо котораго оживлялось всякій разъ, какъ кто нибудь проходилъ мимо, или встрѣчалась ватага подгулявшихъ мужиковъ и бабъ, которые, обнявшись крѣпко-накрѣпко, въ одну плетеницу, брели, покачиваясь изъ стороны въ сторону и горланя несвязную пѣсню.

Антонъ и рыженькій его товарищъ достигали уже подошвы горы, когда на одномъ изъ поворотовъ дороги должны были остановиться, по случаю стеченія народа. Они подошли ближе. На самомъ крутомъ уступѣ лежалъ замертво пьяный мужикъ. Голова его, сѣдая, какъ лунь, скатилась на дорогу, ноги оставались на возвышеніи; коротенькая шея старика налилась кровью, лицо посинѣло... Присутствующіе, которыхъ было очень много, не помышляли, однакожь, поднимать его; иные, проходя мимо, замѣчали только: «экъ его раздуло!» или: «ишь те, какъ нализался!» Большая часть зрителей не дѣлали, впрочемъ, никакихъ замѣчаній. Они глядѣли на него съ какимъ-то притупленнымъ любопытствомъ, почесывали затылки и качали головами, какъ бы въ душѣ соболѣзнуя о злополучномъ землячкѣ. Но помощи никто рѣшительно не подавалъ, никто даже не трогался съ мѣста.

Антонъ принадлежалъ, должно быть, къ послѣдней категоріи: онъ постоялъ, покачалъ головою и готовился уже кликнуть своего товарища; но въ эту самую минуту изъ толпы выскочилъ полный кудрявый дѣтина въ синемъ кафтанѣ и съ радостнымъ восклицаніемъ бросился обнимать его.

— Эхва!... Антонъ! какъ тебя Богъ милуетъ? по добру ли по здорову? вотъ не чаяли встрѣтиться....

— Здорово, Митроха! вымолвилъ Антонъ, ошеломленный нѣсколько неожиданнымъ привѣтствіемъ: — какъ можешь?...

Они обнялись и поцаловались.

Встрѣча эта сильно озадачила рыженькаго. Онъ суетливо подошелъ къ Антону, дернулъ его за полу и шепнулъ: «Землякъ, пора до фатеры. Поздно: того-и-гляди, мѣста не станетъ....»

— Шутка, дѣло какое, продолжалъ Митроха: — почитай что цѣлый годъ не видались. Ну что, братъ Антонъ, какъ тебя перевертываетъ? какъ поживаешь съ хозяйкою и съ ребятишками?...

— Охъ, лучше и не спрашивай: плоше моего житья, кажись, на свѣтѣ нѣтъ.... мое житье самое послѣднее....

— Неужто все Никита, проклятый, досажда-етъ?....

— Да, отвѣчалъ печально Антонъ: — да; вотъ и теперь пришелъ братъ сюда послѣднюю лошадь продавать, — велѣлъ!!... не зать, что и будетъ, совсѣмъ, знать, пришло мое раззоренье...

— Ой ли? ну, братъ, жаль, больно жаль мнѣ тебя!... а я, братъ, на фабрику-то пооперился маненько; живу верстахъ въ трехъ отсель на миткалевой фабрику.... и хозяинъ такой-то, право, добрый достался: не въ обидѣ живешь.... ну, расскажи-ка, братецъ ты мой, какъ поживаютъ Стегней съ женою? онъ вѣдь своякъ мнѣ....

— А что имъ дѣлается! хлѣбушка есть, живутъ ладно по милости Господней.

— Новую избу, говорятъ, поставили?

— Поставили.

— Такъ, ну, братъ, Антонъ, гдѣ жъ ты остановился здѣсь?

— Вотъ тутъ.... близехонько, отвѣчалъ скороговоркою рыженькій: — у самаго перевоза, на постояломъ....

— Дай ему Господь Богъ здоровья, продолжалъ Антонъ, указывая земляку на рыженькаго: — встрѣлся добрый человѣкъ: хочетъ провести на ночлегъ.

— Пойдемъ, Антонъ, сказалъ тотъ: — пора, не опоздать бы намъ, народу не подошло бы много съ ярманки....

— Ну, ладно, подхватилъ Митроха: — я къ тебѣ завтра зайду на фатеру.... какъ Богъ святъ, зайду. Ты, я чай, не больно рано пойдешь на ярманку; а мы до того время перемолвимъ слово, покалякаемъ про своихъ.... Такъ-то, братъ, я тебѣ радъ, Антонъ, право, словно родному.... инда эвдакъ сердце радуется, какъ случай приведетъ съ землякомъ повидаться... Ну, прощай,

братъ — и мнѣ пора ко двору — а завтра безпре-
мѣнно зайду....

— Прощай, Митроха! заходи же, мотри....

— Ладно, ладно!...

— Ну, братецъ, куда же намъ теперь итти?
спросилъ Антонъ, когда землякъ исчезъ за по-
воротомъ.

— Сойдемъ внизъ, а тамъ пойдемъ все по бе-
регу, все по берегу, до самыхъ кузницъ....

— Далече?

— Эко ты наладилъ одно: далече да далече!
видишь перевозъ?

— Вижу....

— Ну, коли видишь, такъ ладно. Тутъ какъ
разъ будетъ тебѣ и постоянный дворъ.... онъ пря-
мо стоить за кузнями....

Движенія, походка, лицо товарища Антона
мгновенно измѣнились: теперь все уже показы-
вало въ немъ человека довольнаго, даже торже-
ствующаго; сѣренькіе плутовскіе глазки его на-
смѣшливо съуживались и поочередно устремля-
лись то на мужика, то на пѣгашку. Онъ сталъ
разговорчивѣе; но въ рѣчахъ его уже не было
той заботливости, той вкрадчивости, съ какими
прежде подѣзжалъ онъ къ Антону. Все произо-
шло, однако, такъ, какъ говорилъ рыженькій:
вскорѣ достигли они перевоза, тамъ поднялись
по скользкому грязному берегу и вышли на пу-
стынное поле, огражденное, съ одной стороны,
рядомъ черныхъ, мрачныхъ кузницъ, которыя
неровною линіею спускались почти къ самой водѣ.

Миновавъ кузницы, рыженькій молча указалъ Антону на высокую избу, одиноко стоявшую на дорогѣ и окруженную длинными навѣсами. Тѣмъ временемъ, какъ они къ ней приближались, ночь окончательно охватила небо и окрестности. Мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и весело проглянулъ на небѣ. Антонъ обернулся назадъ и бросилъ взглядъ къ сторонѣ города: тамъ все уже стихло; рѣдко, рѣдко долетали отдаленная пѣсня или протяжное понуканье запоздалаго мужика, торопившаго лошадь. Гдѣ-то, въ сторонѣ, далеко, далеко, за рѣкою, слышался стукъ въ чугунную доску деревенскаго караульщика. Онъ увидѣлъ рѣку, исчезающую, послѣ многихъ изгибовъ, въ темнотѣ, крутые берега, отдѣлявшіеся отъ нея бѣлымъ туманомъ, и черныя тучи, облегавшія кругомъ горизонтъ. Луна скрылась: воцарился глубокій, непроницаемый мракъ. Подходя къ избѣ, Антонъ едва-едва различилъ подводы, стоявшія у воротъ. Шумный говоръ и свѣтъ, выходившій длинною полосою изъ окна, давали знать, что на постояломъ дворѣ было довольно народа.

— Ну, вотъ и пришли, сказалъ рыженькій Антону:—веди лошадь въ ворота....ладно.... ставь ее вотъ сюда, подъ навѣсъ, да пойдемъ ужинать....

— Послушай, добрый человѣкъ, произнесъ Антонъ, оглядывая съ безпокойствомъ постоялый дворъ и навѣсы:—послушай, мотри, не было бы лиха.... не обидѣли бы меня.... не увели

бы лошаденки : я слышалъ, народъ у васъ въ городахъ на это дѣло добрѣ податливъ....

— Эхъ, ты! воскликнулъ тотъ, ударивъ мужика по плечу : — прямой ты, братъ, деревенщина, пра, деревенщина, борода у те выросла, а ума не вынесла. Ну, статочно ли дѣло? самъ поразсуди, кому тутъ увести! вѣдь здѣсь дворникъ есть, ворота на ночь запираютъ.... здѣсь не деревня, какъ ты думаешь? Знамо дѣло, долго ли до грѣха, коли не смотрѣть.... На то вишь и дворъ держать... ты думаешь, для чего?...

— Оно такъ, отвѣчалъ мужикъ, продолжая озираться на стороны : — вистимо такъ, а все словно думается....

— Чтò говорить, началъ рыжій, перемѣнивъ вдругъ насмѣшливый тонъ на серьезный : — кто противъ того? животину водить, не розиней ходить, это всякій знаетъ.... Полно, землякъ, полно! да ты взаправду опасаясь, что ли?...

— Какъ передъ Богомъ, боюсь, добрый человекъ!

— Ну, коли такъ, привяжи ее пока здѣсь къ столбу, а потомъ приходи сюда спать, я и самъ съ тобою лягу.... Пойдемъ, выпьемъ по чаркѣ винца : смерть прозябъ.... а тамъ подкинемъ соломь да всхрапнемъ.... ладно, что ли?...

— Ладно, коли твоя добрая душа будетъ....

— Привязалъ?

— Привязалъ....

— Мотри, привязывай крѣпче, чтобъ не отвязалась неравно да не ушла....

— Нѣтъ, не уйдетъ....

— Пойдемъ.

— Изба, въ которую рыженькій ввелъ Анто-на, была просторна; по крайней мѣрѣ, такъ по-казалась она послѣднему при тускломъ свѣтѣ сальнаго огорка, горѣвшаго на столѣ въ желѣз-номъ карявомъ подсвѣчникѣ. Одинъ конецъ пе-регородки, раздѣлявшей ее на двѣ части, упи-рался въ исполинскую печь съ уступами, стре-мешками и запечьями; другой служилъ подпорою широкимъ полатамъ, съ которыхъ свѣшивались чьи-то длинныя босыя ноги и овчина. За столомъ подъ образами сидѣли четыре человѣка и ужи-нали; подлѣ нихъ хлопотала хозяйка, рябая, встрепанная, заспанная баба.

— Хлѣбъ да соль, братцы! вымолвилъ ры-женькій, запирая дверь: — здравствуй, хозяйка!

— Хлѣбъ да соль, проговорилъ, въ свою оче-редь, Антонъ, крестясь передъ образами.

— Спасибо, отозвались сидѣвшіе мужики.

— Вамъ постоять, что ли? грубо спросила двор-ничиха.

— И то, тебя вишь не обходимъ; вотъ и то-варища привелъ.... Ну, а хозяинъ гдѣ?

— Кто тамъ? слышалось сверху, и въ то-же время длинныя ноги, висѣвшія съ полатей, перевернулись и показали, что принадлежавшее имъ туловище перевалилось на спину.

— Чтò тамъ развалился, чортъ! закричала си-поватымъ голосомъ хозяйка: — ступай! вишь народъ подошелъ....

На полатяхъ слышалась зѣвота.

— О-о-о! Господи, Господи, о-о! бормоталъ хозяинъ, сползая по стремешкамъ печи внизъ... а! воскликнулъ онъ, останавливаясь: — а! здорово, рыжая борода!

Рыженькій подалъ ему изъ-за спины Антона выразительный знакъ рукою. Хозяинъ тотчасъ же замолчалъ; закинувъ обѣ руки за шею, онъ потянулся, зѣвнулъ и продолжалъ лѣниво:

— Экъ вы поздно какъ таскаетесь: люди спать давно леглись. Ну, а мужичекъ съ тобой пришелъ?

— Со мной.

— Лошадь есть?

— Есть.

— Сѣнца надѣть, что ли? спросилъ хозяинъ Антона: — у меня сѣно знатное....

— Нѣтъ, отвѣчалъ простодушно Антонъ: — сѣна не надо — я лошадь-то продавать привелъ: и такъ простойтъ, сердешная....

— Твоя на то воля.... ужинать небось станете?

— Давай....

— Такая-то бѣда у меня: малаго своего отослалъ въ Зименки.... до сихъ поръ не вернулся... самъ за все и про все, говорилъ хозяинъ, слѣзая наземь.

— А по чемъ ужинъ? разсѣянно просилъ рыженькій.

— Извѣстно, что тутъ толковать! лишняго не беремъ, что въ людяхъ, то и у насъ: шесть гривенъ съ хлѣбомъ.

— Ладно.... Эй, хозяйка, собирай скорѣй: смерть проголодались.

— Вамъ чего? щей плехнуть, аль гороху вальнуть, аль лепеху съ сѣменемъ? спросила хозяйка.

— Давай что ни есть... Хозяинъ !а, хозяинъ ! нѣтъ ли, братъ, винца?

— Какъ не быть! Вамъ сколько?

— Что, Антонъ, голову-те повѣсилъ? вино есть. Аль не слышишь? выпьемъ, говорю, завтра знатный будетъ день.... Хозяинъ, давай штофъ!...

Когда дворникъ вышелъ, рыженькій повертѣлся еще нѣсколько минутъ подлѣ печки и шмыгнулъ въ двери.

Это было сдѣлано такъ ловко, что Антонъ ничего не замѣтилъ. Онъ снялъ съ себя полушубокъ, повѣсилъ его на шестокъ, помолился Богу, сѣлъ за столъ и въ ожиданіи ужина принялся разсматривать новыхъ своихъ товарищей. Двое изъ нихъ, немного погодя, встали, перекрестились и молча улеглись на нары, занимавшія цѣлую стѣну избы. Антонъ увидѣлъ, что тутъ спало еще нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Изъ оставшихся двухъ, за столомъ, одинъ особенно привлекъ вниманіе нашего мужика. Это былъ толстеный, кругленькій человѣкъ, съ черною окладистою бородкой, плоскими, маслястыми волосами, падавшими длинными косами по обѣимъ сторонамъ одутловатаго, багроваго лица, отличавшагося необыкновеннымъ добродушіемъ; передъ нимъ на столѣ стояли огромная чашка каши, деревянный кружокъ съ рубленой

говядиной и хрящемъ и миска съ лапшею. Онъ уписывалъ все это, прикладываясь попеременно то къ тому, то къ другому съ такимъ рвеніемъ, что потъ катился съ него крупными горошинами; слышно даже было, какъ у него за ушами пищало.

Антонъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы отколѣ? спросилъ онъ.

Мужикъ встряхнулъ головою, устремилъ на него оловянные глаза и, проглотивъ кашу, мѣшавшую ему раскрыть ротъ, отвѣчалъ:

— Сдалече: ростовскіе.

— Господскіе?

— Барскіе....

— Большая вотчина?

— Большая....

Тутъ хозяйка поставила передъ нимъ чашку тертаго гороху. Мужичекъ принялся за него съ тѣмъ же ничѣмъ несокрушимымъ аппетитомъ и уже ничего не отвѣчалъ на вопросы Антона.

Скоро вернулся рыженькій со штофомъ вина, сѣлъ подлѣ товарища, и оба принялись ужинать.

Немного погодя явился и самъ хозяинъ.

— А ты ѣхать собрался, что ли? спросилъ онъ у мужика, сидѣвшаго рядомъ съ ярославцемъ.

— Да, мнѣ пора, отвѣчалъ тотъ, подтягивая кушакъ: — до свѣту надо быть дома....

Антонъ мгновенно поднялъ голову, поглядѣлъ на него, вздохнулъ и пересталъ ѣсть.

Хозяинъ снялъ съ полки счеты и подошелъ къ отъѣзжающему вмѣстѣ съ хозяйкой.

— Щи хлябалъ?

— Хлябалъ.

— Кашу ѣлъ?

— Ёлъ.

— Масло лилъ?

— Лилъ.

— Сорокъ копѣекъ, произнесъ отрывисто хозяинъ, щелкнувъ костями.

Мужикъ расплатился, помолился передъ образами и, поклонясь на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ избы.

Въ то время толстоватый ярославецъ успѣлъ уже опорожнить дочиста чашку тертаго гороху. Онъ немедленно приподнялся съ лавки, снялъ съ шестка кожухъ, развалилъ его подлѣ спавшаго уже товарища и улегся. Почти въ ту жь минуту изба наполнилась его густымъ, протяжнымъ храпѣньемъ.

Дворничиха полѣзла на печь.

Въ избѣ остались бодрствующими рыженькій, Антонъ и хозяинъ.

— Хозяинъ! началъ первый, прислушавшись прежде къ шуму телѣги отѣхавшаго мужичка: — подсядь-ка, братъ, къ намъ, не спѣсився. Вотъ у меня товарищъ—ать что-то больно пріунылъ, ѣсть не ѣсть и пить не пьетъ. Что ты станешь съ нимъ дѣлать!...

— Ой ли? произнесъ хозяинъ, подходя къ столу: — ну, давай.... какъ бишь звать-то тебя?... Пантелеемъ, что ли?

— Антонъ....

— Давай, братъ Антонъ, я выпью.... да ты-то что? э! полно! чего кобенишься? пра, вышей: винцо у меня знатное.... хошь пригубь....

Антонъ выпилъ.

— Не то, братцы, на разумъ у меня. Такъ, развѣ со стужи, произнесъ онъ, крякнувъ и обтирая бороду.

— Пей, не робѣй, вскрикнулъ рыженькій, перемигиваясь съ хозяиномъ.... Ну-ка-сь, братъ, со стужи-то еще стаканчикъ... повторишь, ужь развеселишь!...

— Спасибо.... много доволенъ....

— Э! что за спасибо! пей сколько душа приметъ.... знамо, первая чарка коломъ, вторая со-коломъ, а третью и самъ позовешь. Пей. Душа мѣру, братъ, знаетъ.... А тамъ и спать пойдёмъ....

— Подъ навѣсъ? спросилъ Антонъ, глаза котораго начинали уже разгораться.

— Вѣстимо, что подъ навѣсъ.... вотъ добрый хозяинъ и соломки дастъ.... Да пей же, братъ, пей безъ опаски.... хлѣбъ ѣшь?

— Ёмъ.

— Ну, а развѣ вино не тотъ же хлѣбъ? маненько только пожиже будетъ.... валяй! Ну, экой, право, приквельный какой. Долго думать, тому же быть....

— Дляча не выпить, когда добрый человекъ подносить! подхватилъ хозяинъ: — отъ эвтого, братъ Антонъ, зла не будетъ.... пей за столомъ, говорятъ добрые люди, да не пей, мотри, только за угломъ.

Антонъ выпилъ еще стаканъ.

— Братцы! произнесъ онъ вяло и принимаясь тереть лицо, лобъ и щеки, съ которыхъ катился крупными каплями потъ: — братцы, пра, пора.... вотъ-те Христосъ.... домой пора бы.... Варвара-то.... э! Варвара.... братцы....

— Погоди... поспѣешь еще, отвѣчалъ рыженькій, наливая еще стаканъ:—вотъ вышей напередъ, вышей, слышь, послѣдній вышей... на стужу идешь.

— Пейте скорѣе, ребята! и мнѣ пора спать: чай, полночь давно на дворѣ, вымолвилъ хозяинъ, зѣвая и потягиваясь.

Антонъ осушилъ стаканъ бычкомъ и почти въ ту же минуту повалился, какъ снопъ, на лавку...

— Спать? спросилъ поспѣшно хозяинъ у рыженькаго, который уже нагнулся къ Антону и слушалъ.

— Хоть колъ на головѣ теши—не услышитъ! отвѣчалъ тотъ, выпрямляясь и махнувъ рукою.

Оба засмѣялись. Рыженькій подошелъ къ столу, выпилъ оставшуюся въ штофѣ водку, взялъ шапку и сталъ поочередно оглядывать спавшихъ на нарахъ. Убѣдясь хорошенько, что всѣ спали, онъ задулъ свѣчу и вышелъ изъ избы вмѣстѣ съ хозяиномъ...

VI.

П Ъ Г А Ш К А.

Время подходило уже къ самому разсвѣту, когда толстоватый ярославецъ былъ внезапно пробужденъ шумомъ въ избѣ. Открывъ глаза, онъ увидѣлъ столъ опрокинутымъ; изъ-подъ него выползалъ на корачкахъ Антонъ, крестясь и нашептывая: «Господи благослови, Господи помилуй, съ нами крестная сила...»

— Что, братъ, съ тобою?... эй, что ты? спросилъ мужичекъ, соскакивая съ наръ и принимаясь трепать Антона по плечу: — экъ ты меня испужалъ; словно *комуха* (*), такъ вотъ и трясеть меня всего...

— Господи благослови... охъ!... насилу отлегло, выговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ: — ишь, какой сонъ пригрезился... а ничего, ровно ничего не припомню... только добрѣ что-то страшно... такъ вотъ къ самому сердцу и подступило. Спасибо, родной, что подсобилъ подняться... пойду-ка... охъ, Господи, благослови!... пойду погляжу на лошаденку свою... стоитъ ли она, сердешная...

Антонъ снова перекрестился и поспѣшно вышелъ изъ избы. Мужикъ сѣлъ на нары и началъ мотать онучи.

Шумъ, произведенный Антономъ, разбудилъ

(*) Лихорадка, по ярославки.

не одного толстоватаго ярославца: съ полатей по-лышались зѣвота, оханье, потягиванье; нѣсколько босыхъ ногъ свѣсились также съ печки.

Вдругъ на дворѣ раздался такой пронзительный крикъ, что всѣ ноги разомъ вздрогнули и поскакали наземь вмѣстѣ съ туловищами. Въ эту самую минуту дверь распахнулась настежь, и въ избу вбѣжалъ сломя-голову Антонъ... Лицо его было блѣдно, какъ извѣсть, волосы стояли дыбомъ, руки и ноги дрожали, губы шевелились безъ звука; онъ стоялъ посередь избы и глядѣлъ на всѣхъ страшными блуждающими глазами.

— Чтò тамъ? отозвалась хозяйка, просовывая голову между перекладинами полатей.

— Чтò ты?... эй, свать!... мужичекъ... дурманомъ прихватило, что ли?... экъ его разобрало... заговорили въ одно время мужики, окружая Антона.

— Чтò ты всѣхъ баламутишь? произнесъ грубо хозяинъ, оттолкнувъ перваго стоявшаго передъ нимъ мужика и хватая Антона за рубаху:— да ну, говори!... что буркулы-то выпучилъ?...

— Увели!! могъ только вскрикнуть Антонъ:— лошаденку... ей Богу... кобылку пѣгую увели!!...

— Ой ли?... братцы... ишь, чтò баить... долго ли до грѣха... э! э! э!...

И всѣ, сколько въ избѣ ни было народа, не исключая даже Антона и самого хозяина, всѣ полетѣли стремглавъ на дворъ.

Антонъ бросился къ тому мѣсту, куда привязалъ вѣчоръ пѣгашку, и, не произнося слова,

указалъ на него дрожащими руками : оно было пусто ; у столба болталась одна лишь веревка...

— Взаправду увели лошадь! ишь, вотъ, вотъ и веревка-то разрѣзана , пожемъ разрѣзана... и... и... слышалось отсюда.

Антонъ ухватился обѣими руками за волосы и зарыдалъ на весь дворъ.

— Братцы! говорилъ бѣдный мужикъ задыхающимся голосомъ: — братцы! что вы со мною сдѣлали?!... куды я пойду теперь?... братцы! если въ васъ душа есть, отдайте мнѣ мою лошаденку... куды она вамъ?... ребятишки, вишь, у меня махонькіе... пропадемъ мы безъ нея совсѣмъ.... братцы, во Христа вы не вѣруете!!...

Ничто не совершается такъ внезапно и быстро, какъ переходы внутреннихъ движеній въ простомъ народѣ: добро рядъ обь рядъ съ лихомъ, и часто одно вѣнчается другимъ почти мгновенно. Почти всѣ присутствующіе, принявшіе было въ началѣ горе Антона со смѣхомъ, теперь вдругъ, какъ бы сообща, приняли въ немъ живѣйшее участіе; нашлись даже такіе, которые кинулись къ хозяину съ зардѣвшимися, какъ кумачъ, щеками, со сверкающими глазами и сжатыми кулаками.

Толстоватый ярославецъ горячился пуще всѣхъ.

— Ты, хозяинъ, чего глядѣлъ? вскричалъ онъ, подступая къ нему. — Разѣ такъ дѣлаютъ добрые люди? нешто у *тіе* постоялый дворъ, чтобы лошадей уводили?... нѣтъ, ты сказывай намъ теперь, куда задѣвалъ его лошадь, сказывай!...

— Да ты-то, тѣ, тѣ... охлестышъ ярославскій, пузатый! возразилъ не менѣе запальчиво хозяинъ: — мотри, не больно пузырься... что конѣ приступаешь?... мотри, не на таковского наскочилъ!...

— Вистимо, вистимо, заговорили въ толпѣ: — онъ тебѣ дѣло баить; самъ ты, мотри, не скаль зубы-те. Нешто вы на то дворы держите? этакъ у всѣхъ насъ, пожалуй, уведутъ лошадей, а ты небось останешься безъ отвѣта...

— Да что вы, ребята? отвѣчалъ хозяинъ, стараясь задобрить толпу: — что вы взаправду? разѣ я вамъ сторожъ какой дался? Мое дѣло отпустить что потребуется... А кто ему не велѣлъ, продолжалъ онъ, указывая на Антона: — не спать здѣсь?... ишь, онъ всю ночь напролетъ пропилъ съ такимъ же видно безшабашнымъ, какъ самъ: онъ его и привелъ... а вы съ меня отвѣта хотите...

— Братцы! закричалъ Антонъ, отчаянно размахивая руками: — братцы, будьте отцы родные... онъ, онъ же и поилъ меня... вотъ какъ передъ Богомъ, онъ, и тотъ парень, ему, ишь, знакомый... спросите хошь у кого... во Христа ты, видно, не вѣруешь!...

— Ребята! вымолвилъ ярославецъ: — я самъ видѣлъ, какъ онъ вечеръ поилъ его... право-слово, видѣлъ...

— А нештоя отпѣкиваюсь? пилъ съ ними... да, позвалъ меня товарищъ, самъ подносилъ, — ну, и пилъ....

— Да ты его, знаешь... того, рыженькаго-то? что прикидываешься?...

— А отколь мнѣ знать его? эка лѣшій! нешто у меня здѣсь мало всякаго народу перебиваетъ? такъ мнѣ всѣхъ и знать!... Я его впервинку и въ глаза-то вижу.... Да что вы его, братцы, слушаете? можетъ, и лошадь-то у него крадена была... Вы бы напередъ эвто-то развѣдали...

— Братцы, кобылка, какъ передъ Господомъ Богомъ, девятый годъ у меня стоитъ... спросите у кого хотите...

— Да, ишь. ловокъ больно! а у кого они спросятъ? экой прыткой какой! замѣтилъ хозяинъ.

— Что мнѣ теперь дѣлать! что дѣлать, братцы! воскликнулъ снова бѣдный мужикъ, ломая руки.

— Слушай, братъ... какъ, бишь, тебя?...

— Антонъ, родимый... какъ передъ Господомъ Богомъ, Антонъ.

— Ну, хорошо. Слушай, Антонъ, сказалъ ярославецъ, выступая впередъ: — коли такъ, вотъ что ты сдѣлай: бѣги прямо въ судъ, никого не слушай, ступай, какъ есть, въ судъ. Ладно. Сколько у те денегъ-то?...

— Ни полушки нѣтути, касатикъ! То-то и горе мое: кабы деньги были, такъ разѣ сталъ бы продавать послѣднюю лошаденку?... нужда!!...

— Какъ! у тебя денегъ нѣту? возразилъ хозяинъ, разгораясь: — ахъ, ты мошенникъ! такъ какъ же ты приходишь на постоя?... ты, видно, надуть меня хотѣлъ... Братцы! вотъ вы за него

стояли, меня еще тазать зачали было... вишь, онъ какой! онъ-то и есть мошенникъ!...

— Тебѣ, я чай, сказывалъ рыженькій... ахъ онъ... Господи! чѣмъ погрѣшилъ я передъ Тобою? произнесъ Антонъ, едва-едва держась на ногахъ.

— Да, теперь отвертываться да на другаго сваливать станешь... Ахъ ты, бездѣльникъ! Да я самъ пойду въ судъ, самъ потащу тебя къ городничему. Мнѣ и приказные-то всѣ люди знакомые, и становой!...

— Полно, хозяинъ! ты, можетъ, напраслину на него взводишь. Ишь, онъ какой мужикъ-атъ простой: куды ему чудить! и самъ, чай, не радъ, бѣдный; можетъ, и самъ онъ не вѣдалъ, съ какимъ спознался человѣкомъ... слышалось въ толпѣ.

Но хозяинъ и слышать не хотѣлъ: сколько ни говорили ему, сколько ни увѣщевалъ его толстоватый ярославецъ, принимавшій, повидимому, несчастіе Антона къ сердцу, онъ стоялъ на одномъ. Наконецъ всѣ присутствующіе бросили дворника, осыпавъ его напередъ градомъ ругательствъ, и снова обратились къ Антону, который сидѣлъ теперь посередъ двора на перекладинѣ колодца и, закрывъ лицо руками, всхлипывалъ пуще прежняго.

— Слушай, братъ Антонъ! началъ одинъ изъ нихъ:—не печалься добре́: гореваньемъ лошади не наживешь. Твоему горю можно еще пособить. Этакое дѣло не въ первинку случается. Слушай:

ступай—ка ты прямо, вотъ такъ—таки прямо и бѣ-
ги въ Заболотье... знаешь Заболотье?...

— Нѣтъ, кормилецъ, не знаю: я не здѣшній...

— Ну, да ништо... ступай все прямо по боль-
шой дорогѣ, на десятой верстѣ—мотри, не забудь,
на десятой—сверни вправо... да тамъ спросишь ..
Какъ придешь въ Заболотье-то, понавѣдайся къ
Илюшкѣ Степняку... тамъ-то всякій укажетъ...

— Полно, кумъ! что баишь пустое? ну, зачѣмъ
пойдетъ онъ въ Заболотье? тутъ вотъ, можетъ
статься, и ближе найдешь свою лошадь... Послу-
шай, братъ Антонъ, ступай помимо всѣхъ въ
Спасъ—на—Журавли... отсель всего верстъ двад-
цать станетъ... я знаю, тамъ съ-поконъ вѣка во-
дятся мошенники... тамъ нагдысь еще накрыли
коноводовъ... ступай туда...

— А какъ туда пройти-то, касатикъ?

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по
проселку влѣво: тамъ тебѣ будетъ село Завалье;
какъ пройдешь Завалье—то, спроси Селезневъ
колодезь...

— Эка! а Кокино-то и забылъ! замѣтилъ
кто-то.

— Да, какъ пройдешь Завалье, спроси Кокин-
ску слободу—обмолвился было маненько, ну, да
ништо—а изъ Селезнева колодца пройдешь пря-
мо въ Спасъ-на-Журавли... вотчина будетъ та-
кая большая...

— Дядя Михѣка! а, дядя Михѣка! перебилъ
высокій и плѣшивый мужикъ, придвигаясь мед-
ленно къ говорившему.

— Ну, что?

— А вот послушай ты меня, старика, что я тебѣ скажу...

— Ну...

— Право-слово, ему податиѣ будетъ сходить въ Котлы... вотъ какъ Богъ святъ, податиѣ... Антонъ, право-слово, ступай въ Котлы. Оно, что говорить, маненько подалѣе будетъ, да зато, братъ, вѣрниѣ. Вотъ у насъ намерднѣ у мужика увели куцаго мерина, и меринъ-атъ такой-то знатный, важнѣющій: сказывали, въ Котлахъ, вишь, нашли...

— Э! эка ты проворный какой! ну, куда ты его за 70-то верстъ посылаешь?..

— А что? пойдеть и за 200, коли лошади не отъищеть, отвѣчалъ тотъ съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія.

— Полно, Антонъ, ступай, говорю, въ Спасъ-на-Журавли: тамъ какъ разъ покончишь дѣло...

— И то ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричали многіе: — въ Спасъ-на-Журавли ступай!

— Да, какъ бы не такъ! возразилъ сурово хозяинъ: — я небось такъ вотъ и отпущу его вамъ въ угоду... онъ у меня пилъ, ѣлъ, а я его задаромъ отпущу. Коли такъ, нутка-сь ты харахорился за него пуще всѣхъ, ну-ка-сь заплати... что?.. а! не любо?...

— Что?

— А вотъ то-то, теперь что? что?...

— Что мнѣ тебѣ дать, сказалъ Антонъ, по-

спѣшно вставая: — бери, что́ хочешь, бери, ради Господа, не держи только...

— Давай полушубокъ.

— Бери, Господь съ тобою...

— Такъ-то сходнѣе. Придешь, опять отдамъ; нето пришли изъ деревни девять гривень.... за постой да за ужинъ...

— Ахъ, ты алочной человѣкъ! пра, алочной! жалости въ тѣе нѣтъ! сказалъ ярославецъ: — ишь, на дворѣ стужа какая...того-и-смотри, дождь еще пойдетъ... ишь, засивѣрило, кругомъ обложило: ну, какъ пойдетъ онъ безъ одежды — то? ему изъ воротъ такъ и то выйти холодно...

— А мнѣ что! онъ пилъ, ѣлъ...

— Тебѣ что! эхъ ты...

— Да ты-то что! ну, отдай ему свой полушубокъ, коли жалѣешь...

— А я въ чемъ пойду?

— Ну, вотъ то-то и есть? и всякій хлопочетъ, себѣ добра хочетъ...

— Куда же мнѣ итти теперь? перебилъ Антонъ, отдавая полушубокъ хозяину.

— Ступай въ Спасъ-на-Журавли! закричало нѣсколько голосовъ.

— Какъ выйдешь за заставу, бери прямо по проселку вправо... не забудь Завалье, тамъ Кокино.

— Спасибо... отцы мои... спасибо... бормоталъ Антонъ, выбѣгая безъ оглядки на улицу.

— Ступай все прямо... ступай! кричали ему

вслѣдъ мужики, выходя также за ворота: — ступай: авось лошадь найдешь...

— А врядъ ему найти, замѣтилъ кто-то, когда Антонъ былъ уже довольно далеко:—вѣдь денегъ у него, говорятъ, нѣту.

— Ой-ли? и то... гдѣ жъ тутъ найти! попусту только измается, сердешный....

— Ну, да пущай его поищетъ: авось какънибудь и набредетъ на слѣдъ... Безъ денегъ вис-тимо плохо; да во всемъ милость Божія.

— Дядя Федосѣй! найдетъ онъ лошадь аль нѣтъ?

— Како тутъ найдешь! чорта съ два—найдеши! слышь, денегъ нѣту... напрасно набѣгается...

Въ это время Антонъ остановился у берега и крикнулъ:

— А куды пройти къ заставѣ?

— Ступай, ступай все прямо по горѣ, мимо острога... ступай на гору, ступай вверхъ по горѣ... отвѣчали мужички въ одинъ голосъ...

И долго еще продолжали они такимъ образомъ кричать ему вслѣдъ. Антона и вовсе не было видно—уже давнымъ-давно закрыла его гора—а они все еще стояли на прежнемъ мѣстѣ, не переставая кричать и размахивать на всѣ стороны руками.

VII.

Р О З С К А З Н И.

Наконецъ-то мало по малу мужички успокоились—кто сѣлъ на лавочку подлѣ воротъ, а кто

на завалянку. Пошли толки да пересуды о случившемся. Хозяинъ присоединился къ нимъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Сначала, однако, не принималъ онъ ни малѣйшаго участія въ розсказняхъ, сидѣлъ молча, время отъ времени расправлялъ на рукахъ полушубокъ Антона, высматривая на немъ дырья и заплаты, наконецъ свернулъ его, подложилъ подъ себя и сѣлъ ближе, потомъ, слово за словомъ, вмѣшался незамѣтно въ разговоръ, тамъ уже и заспорилъ.

Кончилось тѣмъ, что, не болѣе, какъ черезъ полчаса, всѣ присутствующіе, не включая и тѣхъ, которые болѣе другихъ бранили дворника, согласились съ нимъ во всемъ и чуть ли даже не обвиняли кругомъ бѣднаго Антона. Самъ толстоватый ярославецъ, принявшій было такъ горячо сторону обиженнаго, и тотъ началъ понемногу подаваться.

— Знамо, что говорить, сказалъ онъ примирительнымъ тономъ хозяину: — кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ? въ чужой разумъ не влѣзешь... да вѣдь развѣ я тебя тазалъ когда?... когда я тебя тазалъ?... я къ слову только молвилъ, къ полушубку; мужика-то жаль добрѣ стало... ишь, стужа... а я тебя не тазалъ... за что мнѣ тебя тазать?...

— Извѣстно, братецъ ты мой, надо настоящимъ дѣломъ разсуждать, отозвался сѣдой старикъ: — за что ему на тебя злобу имѣть, за что? Онъ указалъ хозяину на ярославца. Онъ ему не свать, не братъ... Можетъ статься, такъ, слово

какое въ проносъ сказалъ , а ты на себя взялъ. Чтó про то говорить, можетъ, и взаправду конь-то у него краденый— почему намъ знать? Иной съ виду-то мірякомъ прикидывается, а поглядишь— бядовый! воръ какой али мошенникъ...

— Какъ не быть! всякъ случается, братецъ ты мой, началъ опять ярославецъ: — ты не сердчай... Вотъ, примѣрно, прибавилъ онъ послѣ молчка: — у насъ по сосѣдству, верстахъ этакъ въ пяти, и того не станеть, жилъ вольной мужикъ, и парень у него, сынъ, ужъ такой-то былъ знатный, смирный, работащій, чтó говорить, на все и про все парень!.... Съ достаткомъ и люди-те были... Объ лѣто хаживали, вишь, они по околотку и у нашего барина были, крыши да дома красили, тѣмъ и пробавлялись, а въ зимнее дѣло либо въ осенину ходили по болотамъ, дичину всякую да зайцевъ стрѣляли: кругомъ ихъ такія-то все болота, и-и-и страсти Господни! пѣшу не пройтить! вотъ какія болота! Ну, хорошо,—и говорю, мужички богатые были, не то, примѣрно, голыши какіе... Къ нимъ господа ѣзжали, и нашъ баринъ бывалъ, день, другой поохотиться пріѣдетъ: знамо, дѣло барское, ину пору позабавиться... Старикъ-атъ куды, сказываютъ, гораздъ былъ знать мѣста, гдѣ дичина воилась: куда, бывало, поѣдетъ, руками загребай; вотъ по этой-то причинѣ господа-то... да, ну, хорошо... Молодыкъ, сынъ-атъ, слышите, братцы, такой-то парень былъ, что, кажись, по всемъ уѣздѣ супротивъ ни одному не вытянуть...

куды! смирный, такой-то смирный... Хорошо, вотъ на бѣду, спознаться ему съ солдаткой изъ Комарёва: знамо, дѣло молодое! а ужъ она такая-то забубенная, озарная баба, бяда! Ну, хорошо, стакнулись, согласились, живутъ, т. е., выходитъ, примѣрно, по согласью живутъ. Вотъ, братцы, разъ этакъ подъ утро прѣзжаютъ къ нимъ три купца: также поохотиться, видно, захотѣли; ну, хорошо: парнюха-то и выгляди у одного изъ нихъ невзначай книжку съ деньгами. Должно быть, они съ ярманки или базара какого къ нимъ завернули. Разгорѣлось у него сердце; а парень, говорю, смирный, что ни на есть смирнѣющій. Скажи онъ съ-дуру солдаткѣ-то про эвти деньги, а та и пошла его подзадоривать, пуще да пуще, возьми да возьми: никто, молъ, Петруха, не узнаетъ... А какой не узнаетъ! гдѣ ужъ тутъ не узнать!..

— Какъ не узнать!... вона дѣло-то какое!... э! э! ишь, проклятая!... ишь, чего захотѣла... э!... заговорили въ одно время слушатели, качая головами.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ:—какъ начала она его такъ-то подзадоривать, а парень, знамо, глупый, дѣло молодое, и польстись на такое ея слово; она же, вишь, самъ онъ опосля рассказывалъ, штофъ вина ему принесла для куража, а можетъ статься и другое чтò въ штофѣ-то было, кто ихъ знаетъ! туманъ такой, что ли! Ну, поснѣдали купцы, запалили ружья да и пошли въ лѣсъ; взяли съ собой и парня, Петруху-то.

Ну, хорошо. Вотъ, братцы вы мои, и залучи онъ того, съ деньгами, въ трущобу, вистимо, ради охоты... Пришли. Какъ закричитъ Петруха-то на зайца: тотъ сердешный купецъ и кинулси; какъ кинулси-то онъ, а Петруха-то тѣмъ временемъ какъ потрафитъ да какъ стрѣльнетъ ему въ спину, такъ, сказывали, лоскомъ, и положилъ купца, заразъ потерялъ человѣка...

— Э... о!... вона оно... ишь!... эка грѣхъ какой!... отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Ну, хорошо, продолжалъ ярославецъ: — самъ, братцы, сказывалъ опосля Петруха... самому, говорить, такъ-то стало жалко, ужаси, говорить, какъ жалко, за что, говорить, потерялъ я его; а какъ сначала-то обернулся купецъ-ать, говорилъ Петруха, въ ту пору ничего, такъ вотъ сердце индо закипѣло у меня, въ глазахъ замигнуло... и не знать, что́ случилось такое... знать, ужъ кровь его попутала... Ну, хорошо, какъ повалился купецъ, Петруха по порядку, какъ слѣдно, взялъ у него деньги, закопалъ ихъ въ землю, да и зачалъ кричать, словно на помощь, примѣрно, зоветъ, кричитъ: застрѣлился! Стало, ужъ такъ недобрый какой обошелъ его. Пришли два другіе купца, прибѣжали, спрашиваютъ Петруху... а тотъ и замялси: сробѣлъ, сердешной... Осмотрѣли они купца, видятъ, что спина у него опалена, глядятъ, дѣло неладно, обшарили—и денегъ нѣтути, такъ да сякъ, взяли они Петруху тогда, самъ вишь дался—въ неправдѣ-то Богъ, знамо, запинаетъ—скрутили да въ острогъ и по-

садили; въ нашемъ острогѣ и сидѣлъ... Такъ вотъ, братцы, како дѣло вышло; а парень, говорю, что ни на есть смиренѣющій, всѣмъ взялъ, хорошій парень, ловкій такой...

— Ну, а чѣмъ же, братъ, дѣло-то покончилось? спросили нѣсколько человекъ.

— Дѣло-то чѣмъ покончилось?... а вотъ чѣмъ: сидитъ такъ-то годъ цѣлый Петруха въ острогѣ... ладно; а отецъ, старикъ-ать, тѣмъ временемъ хлопотать да хлопотать, много и денегъ передавалъ, сказываютъ... ну, совсѣмъ было и дѣло-то уладилъ, анъ вышло и Богъ знаетъ какъ худо. Солдатка-то петрухина повадилась опять, вишь, къ нему таскаться; ужъ какъ угодила она, лѣшій ее знаетъ, а только въ острогъ къ нему таскалась. Ходила, ходила да и вывѣдай отъ него, недобрая мать, про деньги-то; простой былъ парень: онъ съ дуру-то и повѣдай то мѣсто, куды закопалъ ихъ. Извѣстно, можетъ, думалъ пропадутъ задаромъ, такъ пусть же лучше ей достанутся. Хорошо. Какъ получила она себѣ деньги, и пошла дурить, т. е., чего ужъ не дѣлала! что ни день, бывало, платки у нея да шелки, прикрасы всякія, т. е. цвѣту такого нѣтъ въ полѣ, какіе наряды носила — вотъ какъ! Знамо, бабье дѣло: чѣмъ бы деньги-то приберечь, припрятать, а она гремитъ ихъ на весь свѣтъ... Что-то за диво? думали въ Комарѣвѣ. Отколь валить такое у Матрешки? таракали, таракали, хватъ да хватъ, спросы да разспросы, туда, сюда, да и довѣдались: все рассказала, гдѣ взяла,

откуда и какъ достались... Дѣло и спознали... Тутъ какъ ужь потомъ ни бился старикъ-отецъ, ничего не слѣлалъ; денегъ-то, знамо, ужь не было у него въ ту пору: всѣ разтуторилъ, роздалъ, кому слѣдуетъ... такъ и осталось... Заковали Петрушку въ кандалы и погнали въ Сибирь... Я помню, какъ и отправляли-то его, сердешнаго, довелось видѣть... народу-то!... и-и-и... видимо-невидимо... Право, такъ инда жаль его стало: парень добрѣ хорошій былъ...

— Ну, а отецъ что?

— Да, сказываютъ, прошлу зиму померъ...

— Ишь, оно дѣло-то какое! какой грѣхъ на душу принялъ: польстился на деньги, замѣтилъ старикъ:—а что, братцы, онъ вѣдь это не спроста? помереть мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли спроста...

— Знамо, что не спроста, подхватилъ другой глубокомысленно: — надо настоящимъ дѣломъ разсуждать: развѣ по своей волѣ напустить на себя человѣкъ тако лихоимство? шуточно ли дѣло, человѣка убить! лукавый попуталъ.

Во время этого разговора къ воротамъ постоялаго двора подѣхала телѣга. Въ ней сидѣли два мужика: одинъ — молодой, парень лѣтъ восемнадцати, другой — старикъ. Послѣдній, казалось, успѣлъ уже ни-свѣтъ-ни-заря заглянуть подъ елку и былъ сильно навеселѣн.

— Ребята! эй, молодцы! кричалъ онъ еще издали, размахивая въ воздухѣ шапкою: — хозяинъ! можно постоять до ярманки?

— Ступайте , откликнулся хозяинъ : — на то и дворъ держимъ... ступайте...

Онъ отворилъ ворота и ввелъ прїѣзжихъ подъ навѣсъ.

Вскорѣ хмѣльной старичишка и молодой парень , сопровождаемые хозяиномъ , подсѣли къ разговаривающимъ.

— Про что вы тутъ толмачите, молодцы? спросилъ старикашка , оглядывая общество своими узенькими смѣющимися глазками.— Тутъ приподнялъ онъ шапку, показавъ обществу багровую свою лысину, окаймленную бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, посадилъ ее залихватски на бекрень.

Присутствующіе разразились громкимъ единымъ смѣхомъ.

— Ишь, балагуръ, старикъ какой! ай да молодецъ! а, нутка-сь, тряхни-ка стариной! у! у!... посыпалось со всѣхъ сторонъ.

— Ой ли? произнесъ старикъ , подпираясь въ бока и пускаясь въ-плясъ : — ой ли ? аль не видалъ?!...

— Полно, батюшка! сказалъ сердито молодой парень, удерживая его : — экъ на старости лѣтъ дуришь, принеси свою бороду на посмѣшище городу! полно!...

— А что жь! отвѣчалъ тотъ, силясь вырваться изъ рукъ сына : — ахъ ты такой-сякой... яжъ те, незамай...пфу!...да ну те къ нечистому... плюньте на него, ребятушки... давайте сядемте-ка...

разсказывай, ты, рыжая борода, о чемъ вы тутъ таракаете?...

— А, вишь, нынѣшнюю ночь увели отсель у мужика лошадь, отвѣчалъ кто-то, думая вызвать этимъ извѣстіемъ хмѣльнаго старичка на потѣху.

— Эхва! увели...ну, а гдѣ жь онъ самъ-ать? въ кабачищѣ, чай, косуху рветъ съ горя?...

— Да какже, въ кабакѣ: побѣжалъ, вишь, ее разыскивать...

— Эй, Ванюха, чортова кукла! вскричалъ старичишка, обращаясь мгновенно къ сыну, который, казалось, очень былъ недоволенъ шутками отца: — мотри, ужь не тотъ ли это мужикъ?... Вотъ, ребятушки, продолжалъ онъ, оскаливая свои беззубыя десны и заливаясь хриплымъ смѣхомъ:—не будетъ тому больно давно, повстрѣчались за заставой мужичка...ужь такой-то чудной... такъ вотъ и бѣжить и бѣжить по полямъ, словно лѣшій его гонить... Поглядь-ка, говорю, Ванюшка, никакъ, мужикъ бѣжить по пашнѣ...и то, говоритъ, бѣжить... поглядѣли... бѣжить, такъ что бѣжить и-и-и...и давай кричать: эй, погоди, постой!... куды-те! дуетъ себѣ, не докличешься!... ужь такой-то, право, мужикъ любопытный! пра, любопытный... должно быть, онъ...

— Онъ, онъ и есть... онъ... отозвалось нѣсколько голосовъ.

Старикъ ухватился подъ бока, и все туловище его качалось отъ хриплаго прерывистаго хохота.

Тутъ разговоръ сдѣлался общимъ. Нѣсколько

человѣкъ, увлеченные сочувствіемъ къ старичку-балагуру, тотчасъ же принялись рассказывать ему въ одинъ голосъ всѣ подробности происшествія ночи.

Между тѣмъ, занялось утро. Окрестности мало по малу пробудились; по скату горы снова потянулись подводы, забѣлѣли палатки, запестрѣлъ народъ. Паромъ, нагруженный возами и мужиками, задвигался по рѣкѣ, противоположный берегъ которой заслонялся совершенно сѣрымъ мутнымъ туманомъ; въ кузницахъ, подлѣ постоялаго двора, загудѣли мѣха, зазвенѣло желѣзо. Ярмарка снова начиналась, кому на горе, а кому на радость. Въ самое короткое время дворъ наполнился постояльцами, пріѣзжавшими изъ-зарѣчья; кое-кто изъ пѣшеходовъ подходилъ и со стороны города. Послѣдніе располагались кучками подлѣ воротъ и вокругъ избы. Въ числѣ ихъ особенно много было бабъ проходимокъ, богомолокъ, нищихъ. Между послѣдними нельзя было не замѣтить Архаровну. Она, повидимому, не принадлежала ни къ какой кучкѣ и одиноко бродила туда и сюда. Никто изъ присутствующихъ не зналъ побирushку; но одна ея одежда, состоящая на этотъ разъ исключительно изъ лохмотьевъ, связанныхъ узлами и укутывавшихъ ее съ головы до ногъ, такъ что снаружи выглядывали только сморщенное, темное лицо старухи и нѣсколько пучковъ сѣрыхъ, желтоватыхъ волосъ, въ состояніи ужь была обратить на себя всеобщее вниманіе. Къ тому также не мало способ-

ствовали: сапоги вмѣсто лаптей, непомѣрно длинная, сучковатая клюка, а наконецъ и широкая сума, набитая вплотную, и которую Архаровна держала на сгорбленной спинѣ своей такъ же свободно, какъ любой бурлакъ. Три молодыхъ парня, стоявшіе у воротъ, были первые, которые ее замѣтили.—«Ишь, сказалъ одинъ:—вотъ такъ старуха; ну, ужь, баба-яга, подлинно, что баба-яга.»—«Да, подхватилъ другой:—повстрѣчаться съ такой-то ночью, такъ испугаешься: подумаешь, нечистаго встрѣтилъ...»—«Ишь, старая, старая, продолжалъ насмѣшливо третій:—а шутка каку штуку наворошила себѣ на спину! и нашему брату не подъ моготу...»

Архаровна подошла, припадая съ одной ноги на другую, къ окну избы, постучалась легонько по рамкѣ клюкою и произнесла жалобно нараспѣвъ: «Кормилицы наши, батюшки, подайте, милостинку въ имя Христо-о-во...» — Окно отворилось, изъ него высунулось рябое лицо дворничихи. — «Богъ подастъ. Много васъ здѣсь шляется... Ступай-ка, ступай...» сказала она грубо и безъ дальнихъ разсужденій захлопнула окно.— Архаровна перекрестилась, потупила голову и подошла, тѣмъ же точно порядкомъ, припадая и прихрамывая, къ толпѣ, стоявшей у воротъ.

— Что, бабушка, сказалъ одинъ изъ молодыхъ парней, ударяя ее по плечу: — умирать пора!..

— Ась, касатикъ?

— Умирать пора — что шлешься!

— По хлѣбушко, кормилецъ: хлѣбушка нѣ-
тути...

— А вонъ это что у тебя въ мѣшкѣ? ишь, туго
больно набито, замѣтилъ онъ, подходя ближе и
протягивая руку, чтобы пощупать суму; но ста-
руха проворно повернулась къ нему лицомъ и
никакъ не допустила его до этого.

Другой молодой парень, стоявшій поблизости,
ловко подскочилъ въ это время къ ней сзади, и
та не успѣла обернуться, какъ уже онъ обхва-
тилъ мѣшокъ обѣими руками и закричалъ, над-
рываясь отъ смѣху:

— Старуха, мотри, эй, крупа-то высыпалась...
право, на днѣ прорѣха... дорогой того-и-гляди
всю раструсишь...

— Оставь!... каку тутъ еще крупу нашелъ...
бормотала сердито Архаровна, стараясь выско-
бодить мѣшокъ изъ рукъ парня: —экой пропасть-
ный! полно, оставь...

Но парень однимъ поворотомъ руки бросилъ
суму наземь, повернулъ старуху и указалъ ей
на прорѣху, изъ которой, въ самомъ дѣлѣ, сы-
палась тоненькою струею крупа.

— Ахти, батюшки! крикнула старуха, рас-
талкивая собравшихся зѣвакъ и поспѣшно наги-
баясь: — ой, касатики мои!.. вотъ люди добрые
подали крупницы на мою бѣдность... да и та ра-
стерялась... охъ!..

И она заплакала.

— Знать, много ты бѣдна, сказалъ ироничес-
ки парень: — что цѣлый мѣшокъ наворочали тебѣ

люди-то добрые... эки добрые, право... у нихъ крупа-то, видно, что скорлупа... Да что ты пихаешься, тетенька? небось, не возьму, не съѣмъ, продолжалъ онъ, удерживая одною рукою Архаровну, другою развертывая суму: — ишь, ребята... эй, поглядите, какова нищенка... вона чего припасла... вонъ въ кулечкѣ говядинка... э! э!... эхва, штофъ винца въ тряпицѣ... два, братцы! два штофа, и сала кусокъ... э! а вотъ и кулекъ съ крупкою... Жаль только, тетка, прорвался онъ у тебя маленько... Ай да побирושка! да полно, ужь не живешь ли ты домкомъ... Чай, на ярманкѣ накупила по хозяйству... Чтожь, въ гости-то позовешь насъ, что ли?... Да полно! ну, чего пузыришься? ишь, огрызается какъ!... говорятъ, не съѣдимъ, не тронемъ, — поглядѣть только хотѣлось...

И онъ обхватилъ ее еще крѣпче руками.

— Ишь, взаправду, чего набрала, замѣтилъ старикъ, подбираясь къ мѣшку: — а еще милостинку собираешь.... Эхъ ты.... жиловина! да тебѣ старой эвтаго и въ годъ не съѣсть....

Всѣ эти замѣчанія, хохоть, насмѣшки толпы, обступившей парня и нищенку, остервенили донельзя Архаровну. Куда дѣвались ея несчастный видъ и обычное смиреніе! она ругалась теперь на всѣ бока, билась, скрежетала зубами и казалась настоящей вѣдьмой. Разумѣется, чѣмъ далѣе длилась эта сцена, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе раздавался хохоть, тѣмъ тѣснѣе становился кружокъ зрителей. Наконецъ кто-то ринулся изъ

толпы къ парню и, ухвативъ его за плечи, крикнулъ, что́ было силы: — «Эй, Петруха, мотри, укуситъ.... пусти!!...» Парень отскочилъ, толпа завывала еще громче, услышавъ страшныя ругательства, которыми старуха начала осыпать ее. Наконецъ Архаровна встала. Повязка сползла съ головы ея, сѣдые волосы рассыпались въ безпрядкѣ по лохмотьямъ, лицо ея, искривленное бѣшенствомъ, стало вдругъ такъ отвратительно, что нѣкоторые отступили даже назадъ. Она подобрала не оправляясь всѣ свои покупки въ суму, взяла ее въ обѣ руки, забросила съ необыкновенною легкостію на плечи и, осыпавъ еще разъ толпу проклятіями, поплелась твердымъ шагомъ къ городу. Все это исполнено было такъ неожиданно, что всѣ опѣшили отъ удивленія; густой оглушительный хохотъ раздался уже тогда въ толпѣ, когда старуха совсѣмъ исчезла изъ виду....

Хмѣльной старичишка, пріѣхавшій съ молодымъ парнемъ, готовился было начать рассказъ о встрѣчѣ своей съ Антономъ какому-то мельнику (что дѣлалъ онъ безъ исключенія всякій разъ, какъ на сцену появлялось новое лицо), когда къ кружкѣ ихъ подошелъ человѣкъ высокаго роста, щегольски одѣтый. Все въ немъ съ перваго раза показывало зажиточнаго фабричнаго мужика. На немъ была розовая ситцевая рубаха, подпоясанная низехонько пестрымъ гаруснымъ шнуромъ, съ привѣшеннымъ къ нему за ремешокъ мѣднымъ гребнемъ; на плечахъ его наброшенъ былъ съ невыразимою небрежностію длинный — пре-

длинный синій кафтанъ со сборами и схватцами. Зеленые замшевыя рукавицы, отороченныя красной кожей, высокая шляпа, утыканная алыми цвѣтами съ кулича, и клѣтчатый бумажный платокъ, который тащилъ онъ по землѣ, довершали его нарядъ.

— Здравствуйте, братцы! произнесъ онъ, приподымая легонько шляпу: — вотъ что: не здѣсь ли остановился троскинскій мужичекъ Антонъ?.... Онъ сюда лошадь пріѣхалъ продавать.... лошаденка у него пѣгая, маленько съ изъянцемъ.... Обѣщался я его провѣдать, да никакъ не найду: по всему низовью прошелъ — ни на одномъ постояломъ дворѣ нѣту....

— А какой онъ изъ виду? спросилъ кто-то.

— Такой сухолядый, долговязый, лѣтъ ему подъ пятьдесятъ.... съ просѣдью....

— Э! э! э! раздалось въ толпѣ: — да ужь не тотъ ли, братцы?

— Съ кѣмъ я повстрѣчался на дорогѣ? подхватилъ хмѣльной старичишка: — говорю, мотри, Ванюха, мужикъ бѣжитъ.... и то, говоритъ....

— Ну, братъ, живо перебилъ третій: — съ нимъ неспорое дѣло попритчилось....

— Что ты? какое дѣло?

— Да зѣвуна далъ: у него кобылку-то подтибрили, увели, нынѣче ночью и увели....

— Неужто правда? вскричалъ фабричный, ударяя объ полы руками.

— Не встать мнѣ съ этого мѣста.... спроси хошь у ребятъ, вотъ те Христось, правда....

— Да кто жь это? какъ?...

— А Богъ ихъ знаетъ! увели да и все тутъ!

— Гдѣ жь онъ, самъ-отъ?

— Разъискивать побѣждалъ лошадь.... Маненько, братъ, и не захватилъ ты его....

— Я встрѣлся съ нимъ на дорогѣ, началъ было снова старичишка: — бѣжить, бѣжить... такой-то, право, мужикъ любопытный!...

— Эко дѣло! э! произнесъ съ истиннымъ участіемъ фабричный: — да расскажите же, братцы, какъ бѣда-то случилась?

Всѣ разомъ принялись кричать, рассказывать; хозяинъ перекричалъ, однако, другихъ и съ разными прибавленіями, оправдывавшими его кругомъ, рассказалъ парню обо всемъ случившемся.

— Ну, пропалъ! совсѣмъ запропастилъ сержа свою голову, твердилъ тотъ, хмурясь и почесывая съ досадою затылокъ: — теперь хоть смерть принять ему, — все одно.

— А что онъ тебѣ братъ али сродственникъ какой?

— Нѣтъ не сродственникъ: землякъ; да больно жаль мнѣ его, пуще брата.... т. е. вотъ какъ жаль!... мужикъ-то такой добрый, славный, смирный!... Его совсѣмъ, какъ есть, заѣстъ теперь управляющій.... Эка, право, горемычная его доля!... да что толковать! совсѣмъ пропалъ онъ безъ лошади....

— Знамо, въ крестьянскомъ житѣ лошадь дѣло велико: есть она — ладно, нѣтъ — ну, вистимо, плохо.

— А какой мужикъ-то, продолжалъ землякъ Антона, садясь на лавочку и грустливо качая головою: — какой мужикъ! охъ, жаль мнѣ его....

— А мы, братъ, не посѣтуй, признаться, чай-ли, вотъ и хозяинъ говорилъ, будто онъ чело-вѣкъ недобрый какой.... И Господь знаетъ, отчего это намъ на разумъ пришло.

— Хоть вѣрьте, хоть нѣтъ, я не про то его хвалю, что землякъ онъ мнѣ.... да вотъ, братцы, спросите.... Съ этими словами указалъ онъ на мужика въ красной александровской рубахѣ, подходившаго къ ихъ кружку. — Знаешь, Пантюха, крикнулъ онъ ему, когда тотъ могъ слышать: — знаешь, бѣда какая.... подь скорѣй сю-да....

— Ну, что?

— Вѣдь у нашего Антона лошадь-то увели.

— Ой-ли?

— Ей Богу, правда. Вотъ здѣсь и молодцы всѣ знаютъ.... А я думалъ, братъ, на радость приве-сти тебя къ землячку... Эка бѣда!...

И онъ повторилъ Пантюхѣ все слышанное имъ отъ дворника.

— Ну, пропалъ, совсѣмъ пропалъ мужикъ, произнесъ тотъ, послѣ нѣкотораго молчанія: — нивѣсть, что съ нимъ станется. Никита заѣстъ его... Эка, право, мужикъ-ать этотъ лихобойный, несчастный!

— Да кто у васъ Никита-то?

— Управляющій.

— Что жь ему заѣдать его? вѣдь лошадь не господская, — мужицкая.

— А то, что онъ послалъ его продавать ее: податей заплатить нечемъ.

— Э! вотъ оно что... Стало, мужикъ добрѣ бѣдный?

— Какой бѣдный! совсѣмъ раззоренный; а все черезъ него же, управляющаго... Этакаго-то Господь послалъ намъ звѣря...

— Драчливъ, что ли?

— Такой-то колотырникъ, такъ-то дерется, у-у-у! бѣда! отвѣчалъ Пантюха, махнувъ рукой и сядь на лавку подлѣ товарища: — и не то, чтобы за дѣло: за дѣло бы еще ничто, пущай себѣ; а то просто, здорово живешь, казнить нашего брата...

— Что и нашъ, вѣрно, перебилъ ярославецъ, молчавшій все это время: — у насъ вотчина-то большая, управляющій-то изъ нѣмцевъ, такой же вотъ бѣдовый! ни Богу, ни людямъ, ни намъ, мужикамъ... смерть!... Разъ вотъ такъ-то иду я и, признаться, не запримѣтилъ, — шапки ему не снялъ. Ну, хорошо: какъ подошелъ онъ ко мнѣ, да какъ хватить меня вотъ въ это само мѣсто. Ну, хорошо: я ему и скажи въ сердцахъ-то: Карлъ Ивановичъ, за что, молъ, ты дерешься? какъ онъ, братцы, хлысть меня въ другую. Ну, хорошо. Я опять: Бога, молъ, не боишься ты, Карлъ Ивановичъ... какъ почелъ таскать, такъ я индо и свѣта не взвидѣлъ: такой-то здоровый, даромъ что нѣмецъ... А спроси, за что билъ, я чай, и самъ

не знаетъ ; такое знать ужъ у него сердце .. ретивъ , больно ретивъ...

— Поди жь ты ! иной баринъ не такъ спѣсивъ : мужичка жалѣетъ...

— Эти то , что изъ нашего брата да еще изъ нѣмцевъ—хуже , замѣтилъ старикъ :—особливо , какъ господа дадутъ имъ волю да сами не живутъ въ вотчинѣ : бѣда ! того-и-смотри , начудятъ такого , что ввѣкъ поминать станешь . Не изъ тучки , сказывали намъ старики наши , громъ гремитъ : изъ навозной кучки... Скажи , братъ , на милость , за что жь управляющій-то вашъ зло возымѣлъ такое на землячка... Антономъ звать , что ли ?

— Думаетъ , онъ понесъ на него жалобу барину въ Питеръ...

— А вотъ что ! э ! ишь ! слышалось въ толпѣ , которая все плотнѣе и плотнѣе окружала разговаривающихъ .

— А жалобу-то не онъ совсѣмъ и понесъ , коли на прямыя денежки отрѣзать , по душѣ сказать . Она пошла отъ всего міра , —онъ виновнымъ только остался .

— Какъ такъ ?

— Да вотъ какъ . Старый баринъ нашъ померъ , тому лѣтъ пять будетъ . Никита и остался у насъ управляющимъ . По настоящему дѣлу , ему не слѣдъ было бы ; да такъ ужъ старый баринъ пожелалъ : онъ , вишь , выдалъ за него при живности своей свою любовницу . Ее-то онъ жаловалъ , она и упросила .

— Стало, любилъ ее баринъ?

— А такъ-то любилъ, что и сказать мудрено. У нихъ, вишь, дочка была.... она и теперь у матери, да только въ загонѣ больно: отецъ, Никита-то, ее добрѣ не любитъ.... Ну, какъ остался онъ у насъ такъ-то старшимъ послѣ смерти барина, и пошелъ тяготить насъ всѣхъ.... и такая-то жисть стала, что, кажись, бѣжалъ бы лучше: при баринѣ было намъ такъ-то хорошо, знамо, попривыкли, — а тутъ пошли побранки да побои, только и знаешь... а какъ разлутуется.... бѣда! бьетъ, колотитъ, бывало, и бабъ и мужиковъ, обижательство всяко творитъ....

— Ну, а молодые-то господа?

— Молодые господа наши, сынъ да дочь, въ Питерѣ живутъ.... Мы ихъ николи и въ глаза-то не видали.... Вистимо, братцы, кабы они здѣсь жилу или понавѣдывались, примѣрно, хошь на время, такъ ина была бы причина: у насъ господа, по отцу, добрые, хорошіе, грѣхъ сказать, чтобы зла кому пожелали, дай имъ Господь за то много лѣтъ здравствовать. Вотъ мой братъ былъ въ Питерѣ и говоритъ: господа важные!... Да гдѣ жъ имъ самимъ до всего доходить! вотчинъ у нихъ много: и то сказать, всѣхъ не объѣдишь. Живутъ они въ Питенбургѣ, — господа! они рады бы, можетъ статья, особливо баринъ, въ чемъ помочь мужикамъ своимъ, да, вишь, отъ нихъ все шито да крыто. Имъ сказываютъ, то хорошо, другое хорошо, знатно, молъ, жить вашимъ хрестьянамъ. Ну, и ладно: они тому и вѣ-

рятъ. А господа хорошіе, грѣхъ сказать. Кабы они вѣдали, примѣрно, что мужички въ обидѣ живутъ отъ управляющаго да нужду всячески терпятъ, такъ, вистимо, того бы не пустили.... Управляющему, знамо, какое до насъ дѣло? нешто мы его? дана ему власть надъ нами—и творитъ, что ему задумается, наровитъ, какъ бы послѣднее оттянуть отъ мужичка... И добро бы, братцы, человѣкъ какой былъ, самъ господинъ али какого дворянскаго роду, что ли: все бы, кажись не такъ обидно терпѣть; а то вѣдь самъ такой—же сермяжникъ, ходитъ только въ барскомъ кафтанѣ да бороду брѣетъ.... а господа души, вишь, въ немъ не чаютъ: они нашего мужицкаго дѣла не разумѣютъ, все сполняютъ, что ему только поволится.... Ну, какъ почалъ онъ такъ—то обижать насъ, видимъ, плохо: вотъ вся деревня наша и сговорилаь написать жалобу молодому барину въ Питеръ.... время было къ самому розговенью.... а сговорившись-то, и собрались такъ-то ночью въ ригу, всѣ до единого въ-росхмѣль, какъ теперь помнится, а рига такая—то большая, за барскимъ садомъ стоитъ.... Былъ съ нами и Антонъ....

При этомъ имени въ толпѣ произошло движеніе. Нѣкоторые изъ слушателей наклонились еще ближе къ рассказику, и почти въ одно и то же время со всѣхъ концовъ послышалось «ну, ну!»

— Онъ, нужно сказать, продолжалъ фабричный: — изо всего нашего Троскина одинъ только грамотѣ-то изналъ... ужь это всегда, коли гра-

мотку написать али псалтырь почитать надъ покійникомъ, его, бывало, и зовутъ... ну, его и засадили: пиши, говорятъ, да пиши, подложили бумагу. Онъ и написалъ. Спроворили дѣло.... Ну, хорошо, послали въ Питеръ. Никто и не пронюхалъ, зарокѣмъ было — бабамъ не сказывать, и дѣло-то, думали, споро; анъ вышло не такъ.... У нашего управляющаго, Никиты Федорыча, въ Питерѣ есть братъ, такой же правный; ходитъ онъ за бариномъ. Ну, вистимо, что говорить, сила! и другіе-то люди изъ тамошнихъ всѣ ему сродни, заодно. Какъ пришло наше письмо туда, извѣстно, не прямо къ барину: къ людямъ сначала попало; швацаръ какой-то, свѣдали мы опосля, принялъ. Барину онъ ужъ какъ-то тамъ передаетъ... У меня братъ въ Питенбургѣ-то у господъ бывалъ: въ одной, говоритъ, прихожей, только-то народу и-и-и.... Знамо, гдѣ ужъ тутъ дойти? Народъ все проворный, не то, что нашъ братъ, деревенскій. Ну, братцы, какъ получили они себѣ письмо, должно быть, и смекнули, съ кой сторонки.... Бумага али другое что неладно было, а только догадались: возьми они его, утай отъ барина да и довѣдайся, что въ немъ писано; а мы, вишь, писали, что управляющій и бьетъ-то насъ незаконно, и всякое обижательство творитъ.... Они видятъ, плохо пришло Никитѣ: возьми да и отошли письмо-то назадъ къ нему, да еще и свое приписали... Вотъ разъ призываетъ насъ какъ-то управляющій, — этому года четыре будетъ, — эвтакъ обѣ утро, та-

кой-то осерчалый, сердитый; а намъ не вдумѣкъ, и въ мысляхъ не держали, чтой-то за дѣло.... «Ахъ, молъ, вы такіе да сякіе; я васъ, говоритъ, посвойски! я жъ вамъ задамъ! Кто, говоритъ, писалъ на меня жалобу?» да какъ закричитъ, такъ вотъ по закожью-то словно морозомъ проняло: знамо, не свой братъ, подитка, сладъ съ нимъ. Маненько мы поплошали тогда, сробѣли, ну, а какъ видимъ, дѣло-то больно плохо подступило, — не слобровать, доканаеть! всѣ въ одинъ голосъ Антона и назвали. Своя-то шкура дороже: думали, тутъ, того-и-гляди, пропадешь за всѣхъ.... Ну, вистимо, пришло Антону куды какъ жутко: ужъ чего-то онъ съ нимъ, съ сердешнымъ, не дѣлалъ, какъ не казнилъ, Господь одинъ знаетъ... Былъ у Антона братъ, Ермолай, женатый парень: того въ первое некрутство записалъ; а Антона на барщину, да на барщину безъ отмѣны.... Землица-то у него, какъ и у всѣхъ насъ, плохая была: ну, вистимо, какъ рукъ не стало на нее, не осилилъ, и вовсе не пошло на ней родиться.... Тутъ, вишь, братни-на семья на рукахъ осталась: двое махонькихъ ребятенковъ, — не въ подмогу, а все въ изъянъ да въ изъянъ....

— Знамо, ужъ какая тутъ подмога — баба съ ребятенками, сказалъ, вздыхая, толстоватый ярославецъ: — эка, мужикъ бѣдный, право!...

— Это еще не все, братцы, продолжалъ фабричный, постепенно воодушевляясь: — куды!

онъ въ отмѣску ему и землю-то у него ту отнялъ!...

— Какъ! и землю отнялъ, землю!! крикнули многіе.

— Да, отнялъ и вырѣзалъ ему что ни на есть плошную во всей вотчинѣ: суглинокъ.... Хлѣба у Антона съ перваго же года и не стало; а жилъ онъ, нужно сказать, прежде не хуже другихъ.... Была у него при покойномъ баринѣ добрая *кулига* (*) сѣна, и той не оставилъ ему Никита: жирно больно живешь, говоритъ.... Видитъ Антонъ, нечѣмъ кормить скотинку, а нужда пришла, крайность: онъ и давай продавать, сердешный, то лошадку, то корову, то овцу.... и.... что бы вы думали?...и тутъ-таки донялъ его Никита: не пушаетъ его въ городъ, да и полно. Что ты станешь дѣлать? Продавай, говоритъ, въ деревнѣ.... извѣстно, какой ужъ тутъ торгъ! мужички же неимущіе, денегъ нѣту, — отдавать сталъ за безцѣнокъ. Пришло Антону день ото дня плоше да плоше. Вистимо, мужичекъ не грибокъ: не растетъ подъ дождемъ.... долго ли раззорить его? Такъ-таки совсѣмъ и раззорилъ его, довелъ до толѣва, что не осталось у него въ домѣ ни полщепочки, живетъ какъ бы день къ вечеру, и голодную собаку нечѣмъ стало изъ-подъ лавки выманить....

— Знамо, какое ужъ тутъ житье! проти жара и камень треснетъ....

— Я чай, и самъ-то ужъ онъ не радъ, что грамотѣ гораздъ...

(*) *Кулига* — частица, участокъ.

— Эхъ! Богъ правду-то видитъ, да, видно, не скоро ее сказываетъ! замѣтилъ кто-то въ свой чередъ.

— И такой-то человѣкъ этотъ Никита, сказалъ фабричный: — что хошь бы разъ забылъ свою злобу. Вотъ—нагдысь сказывалъ мнѣ нашъ же мужикъ — приходитъ къ нему нынѣшнюю весну Антонъ попросить осины — избенку поправить. Ужъ онъ его корилъ, корилъ, все даже припомнилъ.... опричь того и осины не далъ.... Вистимо, одно въ одно, до того дошелъ теперь Антонъ, что хошь ступай сумой трясси, т. е. совсѣмъ, какъ есть, сгибъ человѣкъ.... Ужъ такъ-то, право, жаль мнѣ его....

— Какъ же не жаль! началъ опять ярославецъ: — охъ, хо!.. ты же, братъ, говоришь, мужикъ-атъ добрый....

— Ужъ такой-то добрый.... простой.... бывало, какъ жилъ-то хорошо, всякаго готовъ уважить... простыня мужикъ.... чрезъ простоту свою да доброту и протрадалъ болѣе.... добрая была душа....

— Охъ, что-то теперь съ нимъ станется? вѣдь лошадь ты, братъ, говоришь, у него была послѣдняя?

— Послѣдняя....

— Вотъ-то-то.... мерзлой рожѣ да мятель въ глаза.... плохо ему.... и врядъ ему найти....

— Гдѣ, гдѣ теперь найти! и Господь знаетъ, куды загнали лошадь....

— Право, кабы зналъ, пособилъ бы ему, ей

Богу бы пособилъ, сказалъ ярославецъ. — Послушай, братъ хозяинъ, полно тебѣ жидоморничать! ну, что ты съ него возьмешь? ей Богу, грѣхъ тебѣ будетъ! отдай ему полушубокъ... э! не видалъ, что ли, полушубка ты крестьянскаго?... слышишь, мужикъ бѣдный, неимущій.... право, отдай... этимъ, братъ, не разживешься... пра, отдай!...

Оба фабричные и бѣольшая часть присутствующихъ изъявили то же мнѣніе. Хозяинъ отмалчивался.

Сухощавое лицо его выражало совершенное невниманіе къ тому, что говорили вокругъ него; ни одна черта не обозначила малѣйшаго внутренняго движенія. Наконецъ онъ медленно приподнялся съ своего мѣста, погладилъ бороду, произнесъ съ озабоченнымъ видомъ: «пропусти-те-ка, братцы....» подошелъ къ воротамъ, окинулъ взоромъ небо, которое начинало уже посылать крупныя капли дождя, и, бросивъ полушубокъ Антона къ себѣ на плечи, вошелъ въ избу.

Брань и ругательства сопровождали его.

Холодный осенній дождь—*забойный*, какъ называютъ его поселяне—полилъ сильнѣе и сильнѣе. Въ одно мгновеніе вся окрестность задернулась непроницаемою его сѣтью и огласилась шумомъ потоковъ, которые со всѣхъ сторонъ покатились, клубясь и журча, къ рѣкѣ. Мужички поднялись съ лавки и подошли къ воротамъ.

— Вотъ тебѣ и ярманка! сказалъ толстый мельникъ, выставляя свои сапоги подъ жолобъ: —

ишь, какое Господь посылаетъ ненастье! Хорошо еще, что я не поторопился: того-и-гляди, муку бы вымочилъ...

— Ишь, дядя Трифонъ, погляди-ка, какъ народъ-то бѣжить по горѣ, произнесъ молодой парень, схватясь за бока: — вонъ, вонъ, по горѣ.... небось, дождемъ-то знатно пронимаетъ...

— Что за напасть, братцы, такая: вотъ почитай мѣсяцъ цѣлый, какъ дождь льетъ безперечь.... теперь, того-и-гляди, морозъ. Долго ли до бѣды! какъ разъ озими обледе нѣютъ.... вымочки пойдутъ....

— Да, погрѣшились, знать, передъ Господомъ Богомъ: и прошлаго года было куды съ хлѣбами-те плохо; а какъ нынѣшній пойдетъ такой же, такъ и совсѣмъ бѣда....

— Что-то теперь съ землячкомъ твоимъ станетъ? гдѣ-то онъ, сердешный? сказалъ ярославецъ, подходя къ одному изъ фабричныхъ, прислонившемуся къ завалинѣ: — вотъ ему куды, чай, какъ плохо: ишь чичеръ, сиверца пошла какая....

— А что случилось! перебилъ сѣдой старикашка, проходя въ это время мимо: — бѣжить себѣ да бѣжить.... какъ когда я его встрѣлъ, такъ вотъ и дуетъ, чай.... такой-то мужикъ любопытный!...

— Пошелъ, старый! не тебя спрашиваютъ... Эхъ, жаль мнѣ его, ужь такъ-то, право, жаль! прибавилъ фабричный, обращаясь къ ростовцу.

— И полушубка-то на немъ нѣтъ.... у хозяина, у подлой души, за долгъ оставилъ.... чай, такъ-то иззябъ, сердешный....

— Какъ не прозябнуть! ишь, какая пошла погода, все хуже да хуже, индо въ дрожь кинуло... и вѣтрено какъ стало... такъ съ ногъ и ломить....

— Чай, промокъ?...

— Какъ не промокнуть! говорятъ, въ одной рубахѣ пошелъ.... аль не слышишь?...

— Ишь, кругомъ, братцы, какъ есть обложило: на долго, знать, будетъ дождь....

— Пойдемте въ избу: и здѣсь донимать начинается.... смерть.... ишь, зѣлоко добрѣ....

И толпа повалила грѣться.

VIII.

НИКИТА ФЕДОРЫЧЪ.

Несмотря на раннюю пору и сильный морозный вѣтеръ, обращавшій лужи въ гололедь, трюскинскій управляющій, Никита Федорычъ, былъ уже давно на ногахъ. Исполненный благодарности къ молодымъ господамъ своимъ, которые такъ слѣпо довѣряли его честности свое состояніе, такъ безусловно поручали ему страшную обузу управленія полураззореннаго имѣнія, онъ старался всѣми силами если не вполне оправдать ихъ довѣріе, то, по крайней мѣрѣ, не употреблять его во зло. И могъ ли онъ въ такомъ случаѣ щадить свои силы и здоровье? долженъ ли потакать той гнусной лѣни, которая, Богъ вѣсть

за что и почему, досталась въ удѣлъ русскому человѣку?... Съ обязанностію управляющаго соединяется всегда столько хлопотъ, труда, попеченій, отвѣтственности!... Нѣтъ, Никита Ѳедорычъ не могъ дѣйствовать иначе. Еслибъ даже находился онъ при другихъ обстоятельствахъ, т. е. не пользовался бы такимъ безграничнымъ довѣріемъ господъ или былъ поставленъ судьбою самъ на ихъ мѣсто, и тогда, въ этомъ можно смѣло ручаться, нимало не утратилъ бы ни благороднаго своего рвенія, ни дѣятельности, ни той ничѣмъ несокрушаемой энергіи, которая такъ рѣзко обозначалась въ его сѣрыхъ, блистающихъ глазахъ: онъ слишкомъ глубоко сознавалъ всю важность такой должности, онъ какъ будто нарочно рожденъ былъ для нея.

Имѣть подъ надзоромъ нѣсколько сотъ бѣдныхъ крестьянскихъ семействъ, входить въ мельчайшія ихъ отношенія, чуютъ сердцемъ ихъ потребности и нужды, обладать возможностью, иногда словомъ или даже движеніемъ, обращать ихъ частныя горести въ радость, довольствоваться умѣренно ихъ трудами, всегда готовыми къ услугамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдать за ихъ благополучіемъ, спокойствіемъ, — словомъ, быть для нихъ, бѣдныхъ и безотвѣтныхъ, отцомъ и благодѣтелемъ — вотъ какая доля досталась Никитѣ Ѳедорычу! вотъ чему онъ такъ горячо могъ сочувствовать и сердцемъ и головою.

И — Боже! — какъ былъ счастливъ троскинскій управляющій! Какъ легко довелось ему стать въ

положеніе такого человѣка! Есть люди, которые съ дѣтства готовятся для какого нибудь назначенія, работаютъ денно и нощно, истощаютъ всѣ силы и средства свои — и все-таки не достигаютъ того, чтобы обнаружить свои труды и мысли на дѣлѣ, тогда какъ онъ.... Стоило только Аннушкѣ, теперешней супругѣ управляющаго, замолвить слово старому барину, а уже Никита Федорычъ стоитъ лицомъ къ лицу съ своей задушевной цѣлью и дѣйствуетъ. Впрочемъ, сказываютъ, все это случилось передъ самою кончиною барина.

Итакъ, Никита Федорычъ, несмотря на раннюю пору и стужу, былъ уже на ногахъ. Онъ успѣлъ побывать на скотномъ дворѣ, заглянулъ въ клѣтъ, гдѣ стояли три тучныя коровы, принадлежавшія супругѣ его, Аннѣ Андреевнѣ, — посмотрѣлъ, достаточно ли у нихъ мѣсива, погладилъ ихъ, — потомъ прикрикнулъ на старую скотницу Феклу, хлопотавшую подлѣ тощихъ барскихъ телокъ, жевавшихъ, по какому-то странному вкусу, имъ только свойственному, отлежалую солому. Далѣе заглянулъ онъ въ ригу, гдѣ нѣсколько мужиковъ обмолачивали господскую рожь. Исполнивъ это, Никита Федорычъ направился къ собственному своему *огородишку*, какъ называлъ онъ его, т. е. огромному пространству отлично удобренной и обработанной земли, на которомъ виднѣлись въ изобиліи яблони, груши, лень, ульи, и гдѣ рѣпа, морковь, лукъ и капуста терпѣли крайнюю обиду, ибо служили только

жалкимъ украшеніемъ. Тутъ онъ совсѣмъ захопотался съ мужиками, которые окутывали ему на зиму яблони и обносили огородъ плотнымъ заборомъ и канавой. «Экой проклятый народъ! твердилъ онъ, размахивая толстыми своими руками: — лѣнтяй на лѣнтяѣ! только вотъ и на умѣ у него, какъ бы отхватить скорѣе свои нивы, завалиться на печку да дрыхнуть безъ просыпу.... до чужаго дѣла ему и нуждушки нѣтъ.... Бестія народъ, лѣнтяй народъ, плуть народъ!...»

Время, вотъ видите ли, подходило къ обозамъ. Никита Федорычъ нарочно нагналъ всю барщину, думая живѣе отдѣлаться съ своимъ огородомъ, чтобы потомъ, сообщая, дружнѣе, всѣмъ міромъ, приняться за господскую молотьбу; но міръ почему-то медленно и нѣхотя подвигалъ дѣло, и это обстоятельство приводило бѣднаго управляющаго въ такое справедливое негодованіе. Пожуривъ, какъ водится, лѣнтяевъ, снабдивъ ихъ при случаѣ полезными совѣтами и поучительными истинами, Никита Федорычъ поплелся черезъ пустынный барскій дворъ прямо къ конторѣ. Но даже и здѣсь не дали ему покоя. Не успѣлъ онъ сдѣлать двухъ шаговъ, какъ Анна Андреевна высунула изъ окна больное, желтое лицо свое, перевязанное бѣлою косынкой, по случаю вѣчнаго флюса, и прокричала пискливымъ, недовольнымъ голосомъ: «Никита Федорычъ! а! Никита Федорычъ! ступай чай пить! что это тебя, право, не дожدهшься! да ступай же скорѣе!... полно тебѣ переваливаться!...»

— Иду, иду, барыня! успѣешь еще.... иду... проговорилъ заботливо супругъ.

Тутъ замахнулся онъ было въ разсѣянности на пѣтуха, взгромоздившагося на сосѣдній заборъ и неожиданно продравшаго горло, но, къ счастью, спохватился заблаговременно: пѣтухъ былъ его собственный; онъ кашлянулъ, плюнулъ и, окинувъ еще разъ дворъ, вошелъ къ себѣ въ сѣни.

Квартира его занимала часть стараго флигеля, построеннаго, какъ водилось въ прежніе годы, для помѣщенія гостей, имѣющихъ обыкновеніе пріѣзжать въ провинціи на недѣлю, а иногда и болѣе, нимало не заботясь о томъ, пріятно ли это, или нѣтъ хозяину. Но теперь не оставалось и тѣни тѣхъ крошечныхъ уютныхъ комнатокъ съ ситцевымъ диванчикомъ, постелью, загроможденною перинами, умывальникомъ подлѣ окна, съ вѣчно висѣвшимъ надъ нимъ пестрымъ полотенцемъ — узаконеннымъ годичнымъ приношеніемъ трудолюбивыхъ деревенскихъ бабъ. Слѣды комнатокъ обозначались лишь на внутренней стѣнѣ всего зданія желтоватыми полосами отъ перегородокъ, замѣненныхъ двумя капитальными стѣнами, съ сѣничками по срединѣ, раздѣлявшими флигель на двѣ равныя половины. Надъ дверьми одной стороны сѣней висѣла черная доска съ надписью: «*Контора*»; надъ дверьми другой не было никакой надписи, — да и не надо было: всякій зналъ очень хорошо, что тутъ жилъ Никита Федорычъ. Нельзя пропустить безъ

вниманія промежутка между двумя этими половинами, т. е. сѣничекъ: они также имѣли свое особое назначеніе, хотя также не видно было никакой надписи: здѣсь, въ лѣтнее время, Никита Ѳедорычъ производилъ судъ, или, лучше сказать, расправу, надъ провинившимися крестьянами, порученными его надзору и истинно безукоризненной справедливости.

Квартира управляющаго состояла изъ темной прихожей, въ то же время кухни, и трехъ большихъ свѣтлыхъ комнатъ. Въ первой изъ нихъ, какъ прежде другихъ бросающейся въ глаза, хозяинъ и хозяйка старались завсегда соблюдать чистоту и порядокъ. Предметы роскоши также имѣли здѣсь мѣсто.

Въ самомъ свѣтломъ и видномъ углу блисталъ ярко вычищенный образъ въ богатой серебряной ризѣ, которымъ покойный баринъ, въ качествѣ посажонаго отца, благословилъ жену бывшаго своего камердинера; подлѣ него, на старинной рѣзной горкѣ, находился разрозненный фарфоровый сервизъ, или, лучше сказать, нѣсколько разрозненныхъ сервизовъ, вѣроятно, тоже подаренныхъ въ разныхъ случаяхъ старымъ бариномъ смазливой Аннѣ Андреевнѣ.

Въ остальныхъ углахъ и вдоль стѣнъ были установлены въ рядъ разнокалиберные, разнообразныя диваны, кресла, стулья, иные изъ краснаго дерева съ позолотою, другіе обтянутые полинявшимъ штофомъ, которыми владѣлъ Никита Ѳедорычъ, должно быть, вслѣдствіе духов-

наго завѣщанія послѣ барины или чрезъ излишнюю къ нему благосклонность покойника. Двѣ другія комнаты были почти вплотную заставлены пожитками, перинами, холстинами, сундуками и всякимъ другимъ добромъ обоихъ супруговъ, не выключая, разумѣется, и широкой двухспальной постели, величественно возносившейся поперекъ дверей. Но туда изъ постороннихъ никто не заглядывалъ: Никита Ѳедорычъ почему-то не допускалъ этого; а слѣдовательно и намъ нѣтъ до нихъ никакой надобности.

— У-уфъ, матушка Анна Андреевна! умаялся совсѣмъ, съ этимъ проклятымъ народомъ! произнесъ Никита Ѳедорычъ, саясь къ окну, въ широкія старинныя кресла. — Ну, барыня—сударыня, продолжалъ онъ: — наливай—ка теперь чайку.... смотри, покрѣпче только, позабористѣе.... Эй, ты, ваша милость, троскинскій бурмистръ! поди—ка, братъ, сюда! сказалъ онъ, обращаясь къ необыкновенно толстому, неуклюжему ребенку лѣтъ пяти, сидѣвшему въ углу подъ стѣнными часами и таскавшему по полу котенка, связаннаго веревочкою за зданія ноги: — экой плуть! зачѣмъ привязалъ котенка? брось его: того—и—гляди, глаза еще выцарапаетъ....

Ребенокъ, страдавшій англійскою болѣзнію, согнувшей ему дугой ноги, всталъ на четвереньки, поднялся, кряхтя и побрякивая, на ноги и, переваливаясь, какъ селезень, подошелъ къ отцу.

— Ну, ну, скажи—ка ты мнѣ, молодецъ, продолжалъ тотъ, глядя его съ самодовольной ми-

ной по головѣ: — я бишь забылъ, какія деньги ты больше-то любишь — бумажки или серебро?...

Это былъ всегдашній, любимый вопросъ, который Никита Федорычъ задавалъ сыну по нѣскольку разъ на день.

— Бумажки! отвѣчалъ, отдуваясь, ребенокъ.

— Ха, ха, ха!... Ну, а отчего бы ты скорѣе взялъ бумажки?

— Легче носить! отвѣчалъ троскинскій бурмистръ такимъ голосомъ, который ясно показывалъ, что уже ему надоѣло повторять одно и то же.

— Ха, ха, ха!... Ну, ну, поди къ матери! она тебѣ сахарку дастъ. Пряничка ѣлъ сегодня?

— Нѣтъ, сказалъ ребенокъ, глядя изподлобья на мать.

— Врешь: ѣлъ, канашка, ѣлъ.... плутяга....

— Полно тебѣ его баловать, Никита Федорычъ! чтò это ты, въ самомъ дѣлѣ, балуешь его? подхватила Анна Андреевна: — чтò изъ него будетъ?... и теперь никакъ неладишь....

— Ну, ну, пошла, барыня! вымолвилъ мужъ, громко прихлебывая чай: — будетъ онъ у меня погляди-ка какой молодецъ.... ха, ха, ха!... Ваня! шепнулъ онъ ему, подмигивая на сахарницу: — возьми потихоньку — ишь, она тебѣ не дастъ.... Ну, матушка Анна Андреевна, продолжалъ онъ громко: — видѣлъ я сегодня нашихъ коровокъ: ну, ужь коровы, нечего сказать, коровы!!...

— Мнѣ кажется только, замѣтила супруга: — Оекла стала что-то не радѣть за ними.... Ты бы хоть разочекъ постращаль ее, Никита Оедорычъ.... даромъ что ей 60 лѣтъ, такая-то мерзавка, право....

— Небось, матушка, плохо смотрѣть не станетъ: еще сегодня задалъ ей порядочную баню... Ну, видѣлъ также, какъ нашъ огородишко огораживали.... велѣлъ я канавкой обнести: надежныѣе; неравно корова забредетъ или овца.... съ этимъ народцемъ никакъ не убережешься.... я опять говорилъ имъ: какъ только поймаю корову, овцу или лошадь, себѣ беру, плачь не плачь, себѣ беру... не пущай... и вѣдь сколько уже разъ случалось такая оказія! боятся, боятся недѣлю, другую, а потомъ, глядишь, и опять... Ну, да ужъ я справлюсь.... Налей-ка еще чайку....

— Мнѣ говорила наша попадья, что ярманка была очень хорошая, начала Анна Андреевна: — и дешево, говоритъ, очень дешево продавали всякій скоть.... Вотъ ты обѣщаль тогда купить еще корову: жаль, что прозѣвали; а все черезъ тебя, Никита Оедорычъ, все черезъ тебя... Впрочемъ, ты вѣдь скоро въ городъ пошлешь: такъ тогда еще можно будетъ.

— Нѣтъ, я въ городъ не скоро пошлю, отвѣчалъ, какъ можно равнодушнѣе, супругъ.

— Какъ! а оброкъ-то барскій когда жъ пошлешь на почту? возразила та сердито.

— Онъ еще не собранъ; да хоть бы и весь былъ, торопиться нечего, подождутъ! Братъ Те-

рентій Федорычъ пишетъ: что барину теперь не нужны деньги.... Этакъ станешь посылать-то безъ разбору, такъ, чего добраго, напляшешься съ ними; повадятся: давай да давай.... я вѣдь знаю нашего молодца. Вотъ Терентій Федорычъ пишетъ, что онъ опять сталъ ѣздить на игру. Какъ напишетъ, что проигрался да къ горлу пристало, тутъ ему и деньги будутъ; а раньше не пошлю, хоть онъ себѣ тамъ тресни въ Петербургѣ-то! Меня не учить, барыня - сударыня: я вѣдь знаю, какъ съ ними справляться, съ господами-то. Нѣтъ у меня денегъ, написалъ ему, да и баста! паръ, молъ, сударь, не запаханъ, овсы не засѣяны, греча перепрѣла—вотъ тебѣ и все! Покричитъ, покричитъ, да и перестанетъ. Развѣ они дѣло разумѣютъ? имъ что гречь, что овесъ, что пшеница—одно да одно; а про чечевицу и не спрашивай.... Имъ вотъ только шуры-муры, рюши да трюши, да знай денежекъ посылай: на это они лакомки... вотъ съ ними такъ куды мастера справляться... Э, матушка! знаю я ихъ, голубчиковъ: не въ первый разъ вести съ ними дѣло.... вотъ потому-то и оброку не пошлю.... не зачѣмъ!...

— Такъ-то ты всегда, проговорила, ворча, хозяйка:—когда это до нашего добра, такъ ты всегда кобенишься.... Денегъ, небось, жаль на корову, оттого и въ городъ не посылаешь....

— Да, жаль, жаль! оттого и не посылаю...

— Жаль! то-то.... а отъ кого и въ люди-то пошелъ? отъ кого ихъ добылъ, деньги-то?...

— Ну, ну.... пошла, барыня.... э! смерть не люблю!...

Тутъ, безъ сомнѣнія, возникла бы одна изъ тѣхъ маленькихъ домашнихъ сценъ, которыя были такъ противны Никитѣ Федорычу, еслибъ въ комнату не вошла знакомая уже намъ Фатимка. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, при случаѣ, что лицо этой дѣвочки поражало сходствомъ съ лицомъ жены управляющаго, и особенно дѣлалось это замѣтнымъ тогда, когда та и другая находились вмѣстѣ. Сходство между ними было такъ же разительное, какъ между одутловатымъ лицомъ самого Никиты Федорыча и наружностію троскинскаго бурмистра. Тѣ же черты, несмотря на разницу лѣтъ и всегдашній флюсъ Анны Андреевны, который сильно вытягивалъ ихъ; разница состояла исключительно въ однихъ лишь глазахъ: у жены управляющаго были они сѣры и тусклы, у Фатимки черны, какъ уголья, и сыпали искры. Впрочемъ, сходство между ними должно было приписывать одной игрѣ природы, ибо Фатимка, или, какъ называли ее въ деревнѣ, *Горюшка*, никакимъ образомъ не приходилась сродни Никитѣ Федорычу.

— Ну, что? спросилъ онъ ее.

— Мельникъ-съ пришелъ, отвѣчала она робко.

— Ахъ, я бишь совсѣмъ забылъ... да, да... скажи, что сію минуту выйду въ контору.

— Что тамъ еще? отозвалась Анна Андреевна.

— Должно быть, матушка, насчетъ пошлины,

сказалъ супругъ смягченнымъ голосомъ: — мужиковъ пришелъ просить на подмогу....

Никита Федорычъ хлопотливо покрылъ недопитый стаканъ валявшимся поблизости календаремъ, искоса поглядѣлъ на жену, хлопотавшую подлѣ самовара, потомъ, какъ бы черезъ силу, ворча и потягиваясь, отправился въ контору.

Косвенный взглядъ этотъ и суетливость не ускользнули, однако, отъ Анны Андреевны, подозрительно слѣдившей за всѣми его движеніями. Только что дверь въ комнату захлопнулась, она проворно подошла къ сыну и, глядя его по головкѣ, сказала ему, вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ:

— Ванюша.... ты умница?

— Умница.

— Сахару хочешь.... голубчикъ?

— Кацу.

— Ну, слушай, душенька: я тебѣ дамъ много, много сахару. Ступай, потихоньку—смотри же, потихоньку—къ тяткѣ, посмотри, не дастъ ли ему чегонибудь мельникъ.... Ступай, голубчикъ.... а мамка много, много дастъ сахарку за то.... и пряничка отрѣжетъ.... да, смотри, только не сказывай тяткѣ, а посмотри, да и приходи скорѣе ко мнѣ.... а я ужъ тебѣ сахару приготовлю...

— Ты обманешь....

— Нѣтъ, душенька: вотъ посмотри... и сюда сахарокъ положу. Какъ придешь, такъ и возьми его...

— Ты мало положила.... еще....

— Экой!... ну, вотъ еще кусочекъ....

— А еще положи....

— Довольно, душечка: брюшко заболить....

— Нѣтъ, еще.... еще, а то не пойду! закричалъ ребенокъ, топая ногою.

— Ну, ну.... на вотъ тебѣ еще два куска, отвѣчала мать, боязливо взглянувъ на дверь: — ступай же теперь....

Ванюша сползъ со стула и потащился изъ комнаты, оборачиваясь безпрестанно къ матери, которая одной рукой указывала ему на порогъ, другою на кучку сахара

— Здравствуй, братъ Аксентій! сказалъ управляющій, подходя къ мельнику и глядя ему пристально въ глаза.

— Здравствуйте, батюшка Никита Ѳедорычъ! отвѣчалъ тотъ, низко кланяясь.

— Чтò скажешь? а?

— Да, такъ и такъ, къ вашей милости, батюшка, пришелъ.

— Ну, ну, ну.... проговорилъ заботливо управляющій и сѣлъ на лавочку.

— Чтò, батюшка, Никита Ѳедорычъ, началъ мельникъ, переминаясь, но совсѣмъ тѣмъ бросая плутовскіе взгляды на собесѣдника каждый разъ, какъ тотъ опускалъ голову, моргалъ или поворачивался въ другую сторону: — признаться сказать.... вы меня маненько обиждаете....

— Какъ такъ?

— Да какъ же, батюшка, прошлаго года, какъ я поступилъ къ вамъ на мельницу, такъ вы тогда, по нашему уговору, изволили сверхъ комплекта получить съ меня 250 рублей. Это у насъ было по уговору, чтобъ согнать стараго мельника... Я про эвти деньги не смѣю прекословить: много благодаренъ вашей милости; а ужъ насчетъ того.... сдѣлайте божескую милость, сбавьте съ меня за.... вино.

— Э, ге, ге, ге! такъ вы вотъ зачѣмъ, батюшка, изволили пожаловать! произнесъ управляющій тономъ человѣка, возмущившагося неблагодарностію другаго: — э! я тебѣ позволилъ держать вино на мельницѣ, беру съ тебя сотню рублейшковъ, а ты и тутъ недоволенъ, и этого много!... Да ты знаешь ли, рыжая борода, что за это бѣда? Вино не позволено продавать нигдѣ, кромѣ кабаковъ; а ужъ я такъ только по добротѣ своей допустилъ это тебѣ. А ты и тутъ корячишься.... Еще нынѣшнею весною допустилъ тебя положить съ нашихъ мужиковъ лишній пятакъ съ воза, — и это ты, видно, тоже забылъ? а? забылъ, что ли?...

— Нѣтъ, батюшка Никита Федорычъ, мы много благодарны вашей милости за твою ласку ко мнѣ; да только извольте разсудить, еслибъ, примѣрно, было такое дѣло на другой мельницѣ, въ Ломтевкѣ или на Емельяновкѣ, такъ я бы слова не сказалъ, не пришелъ бы тревожить изъ-за эвтаго: тамъ, извольте ли видѣть, батюшка, мѣсто-то приточное, по большой части народъ-то бываетъ вольный, богатый, до вина-то охочій;

а вотъ здѣсь, у насъ, такъ не то: мужички бѣдные, плохонькіе.... винца-то купить не на что... а мнѣ-то и не приходится, батюшка Никита Федорычъ....

— Ахъ ты, бестія, бестія! говорилъ управляющій, качая головою: — ну, что ты мнѣ пришелъ турусы-то плестъ? а? Выгодъ тебѣ нѣтъ!... Ахъ, ты, борода жидовская!... Да хочешь, я тебѣ по пальцамъ насчитаю двадцать человѣкъ изъ трокинскихъ мужиковъ, которые безъ просыпу пьянствуютъ.... хочешь?...

— Что говорить, батюшка! есть пьющіе; да только супротивъ Емельяновки-то того.... а явашей милости, пожалуй, перечить не стану: готовъ заплатить.... да только, право, маненько какъ будто обидно станетъ....

— Полно тебѣ, старая харя! возразилъ, смѣясь, Никита Федорычъ: — меня, братъ, не проведешь... Да ну, принесть, что ли, деньги-то?...

— Есть, батюшка, отвѣчалъ тотъ, охорашиваясь.

— То-то, выгоды тебѣ, вѣрно, нѣтъ—вотъ оно что! Вино-то почему берешь?

— Да по десяти съ полтиной, батюшка-съ!

— А сколько воды-то подливаешь? спросилъ лукаво управляющій.

Мельникъ улыбнулся, почесалъ голову и поклонился.

— Давай-ка, давай! что толковать! продолжалъ Никита Федорычъ, вставая и подходя ближе къ мельнику.

Тотъ вынулъ изъ-за пазухи тряпицу, въ которой были деньги, и сталъ считать.

Въ это время дверь конторы скрипнула.

Никита Федорычъ дернулъ мельника, набросилъ на деньги его шапку и проворно побѣжалъ въ сѣни. Вскорѣ вернулся онъ, однако, совсѣмъ успокоенный: за дверью никого не оказалось.

— Вотъ такъ-то лучше, говорилъ онъ, кладя деньги въ карманъ:—а насчетъ дароваго лѣса я уже писалъ барину.... сказывалъ, что плотину сшибло наводкомъ... онъ непременно пришлетъ разрѣшеніе выдать.... Ну, доволенъ, что ли, борода?....

— Благодарствуйте, батюшка Никита Федорычъ! готовъ и впередъ служить вашей милости, какъ угодно....

— Ну, то-то же, смотри у меня...

— Никита Федорычъ! произнесъ мельникъ, взявшись за шапку: — къ вамъ еще просьбица есть....

— Чтò такое?

— Да вотъ, батюшка, у васъ здѣсь мужичекъ находится, Антономъ звать: прикажите ему отдать мнѣ деньги. Съ самой весны почитай молоть онъ у меня — по-сю-пору не отдаетъ; да еще встрѣлся я какъ-то съ нимъ — на ярманку вы его, что ли, посылать изволили — такъ еще грубіянить зачалъ, какъ я ему напомнилъ.... Ужъ такой-то мужикъ пропастный, батюшка!

— А! хорошо, хорошо, вымолвилъ съ разстановкою управляющій: — я этого еще не зналъ...

Ну, да ужь заодно, не миновать ему поселеній! полатится, каналья, полатится за все.... Эй! Фатимка! произнесъ онъ, отворяя дверь.

Фатимка прибѣжала.

— Ступай сейчасъ въ крайнюю избу, къ Антону: скажи, чтобы шелъ сюда...

— Да онъ еще не возвращался съ ярманки, возразилъ мельникъ:—я уже заходилъ къ нему...

— Какъ! и нынче еще не возвращался? вчера и третьяго-дня тоже!! ну, да ничего, тѣмъ лучше. Ступай, да, смотри ты, бѣгомъ у меня, зови сюда жену его... Я жь имъ покажу!... ступай!

Фатимка побѣжала.

— А ты, Аксентій, ступай пока домой: я съ нимъ раздѣлаюсь.

Въ сѣняхъ Никита Оедорычъ встрѣтилъ Ванюшу, который сосалъ пальцы, выпачканные сахаромъ.

— А нутка-сь, бурмистръ, сказалъ отецъ, подымая сына на руки: — хошь ли быть троскинскимъ управляющимъ? ха, ха, ха!

— Кацу, живо отвѣчалъ мальчишка.

— Ха, ха, ха!... Ну, а что бы ты сталъ тогда дѣлать?

— А вотъ.... вотъ.... выскѣ бы Михешку кузнецова....

— Ха, ха, ха! ай да бурмистръ!... ну, а за что бы ты его выскѣ?

— У него, отвѣчалъ Ваня гнусливо: — у него, вишь бабка свинчатка есть: онъ мнѣ ее не даетъ...

— Ха, ха, ха!.. Пойдемъ, пойдемъ: Расскажи—

ка это матери.— Анна Андреевна! а, Анна Андреевна! послушай-ка, что говоритъ нашъ молодчикъ... ха, ха, ха!... ну-ка, Ваня, скажи же мамкѣ, за что бы ты высѣкъ Михешку-то кузнецова...

Но, къ крайнему удивленію Никиты Ѳедорыча, жена его не обнаружила на тотъ разъ ни малѣйшаго удивленія къ необыкновенной остротѣ любимаго чада. Она сердито поправила косынку, перевязывавшую больную щеку, и сухо сказала супругу:

— Полно пустяки-то врать! Зачѣмъ приходилъ къ тебѣ нынче мельникъ?

— Эка тебѣ, барыня-сударыня, приспичило! Плотина повредилась — такъ мужичковъ просилъ... вѣдь я тебѣ уже сказывалъ...

— Ахъ, ты безсовѣстный, безсовѣстный! закричала она, всплеснувъ яростно руками:— такъ-то ты? обманывать меня хочешь? Ты думаешь, что я не узнаю, что онъ тебѣ денегъ далъ?... Ты отъ меня прячешь, подлая душа! Развѣ забылъ ты, черезъ кого въ люди пошелъ... черезъ кого нажился?... кто тебя человѣкомъ сдѣлалъ?...

— Что ты орешь, вѣдьма! вскричалъ, въ свою очередь, Никита Ѳедорычъ, дѣлая нѣсколько шаговъ къ женѣ: — молчи!! Теперь стараго барина нѣтъ: я тебѣ властитель, я тебѣ мужъ! шутить не стану, смотри ты у меня! Да, получилъ деньги, не показалъ тебѣ, не хотѣлъ говорить, да и не дамъ ни полушки—вотъ тебѣ и знай... да не кричать!

— Разбойникъ! завопила жалобно Анна Андреевна, ложась на диванъ и ударяясь выть: — ты меня погубить хочешь, зарѣзать, обокрасть!.. Не жена я тебѣ, холопу проклятому.... Охъ, ахъ!

— Варвара пришла-съ, произнесла Фатимка, войдя въ комнату.

Услыша вопли Анны Андреевны, она быстро обернулась въ ту сторону: видно было по первому ея движенію, что она хотѣла къ ней броситься; но взглядъ Никиты Федорыча тотчасъ же осадилъ ее назадъ: она опустила глаза, въ которыхъ заблестали слезы, и проворно выбѣжала въ сѣни.

Управляющій вышелъ изъ комнаты, сильно хлопнувъ дверью.

Трепещущая отъ страха, Варвара стояла въ сѣняхъ и, закрывъ лицо разодраннымъ рукавомъ рубахи, тяжело всхлипывала. Услышавъ шаги Никиты Федорыча, она мгновенно открыла лицо свое, на которомъ изображались слѣды глубокаго отчаянія, простерла руки и съ крикомъ повалилась къ нему въ ноги.

— Батюшка! батюшка! не погуби! твердила она, рыдая и орошая грязный полъ и сапоги управляющаго потоками слезъ: — не погуби... насъ... сиротъ горемычныхъ...

— Ступай-ка сюда! сюда!! произнесъ Никита Федорычъ, топнувъ ногою.

Онъ указалъ ей на контору.

Оба вошли.

Фатимка, притаясь въ темномъ углу сѣней, глядѣла съ какимъ-то страхомъ на всю сцену; но только что скрылась Варвара, она, какъ котенокъ, выпрыгнула изъ своей прятки, подбѣла къ дверямъ конторы, легла наземь и приложила глаза къ скважинѣ.

Каждый разъ, какъ голосъ Никиты Федорыча раздавался громче, блѣдное личико ребенка судорожно двигалось; на немъ то-и-дѣло пробѣгали слѣды сильнаго внутренняго волненія. Наконецъ все тѣло ея разомъ вздрогнуло; она отскочила назадъ; изъ глазъ ея брызнули въ три ручья слезы. Ухватясь рученками за грудь, чтобы перевести дыханіе, которое давило ей горло, она еще разъ окинула сѣни съ видомъ отчаянія, опустила руки и со всѣхъ ногъ кинулась на дворъ. Такъ обогнула она флигель, потомъ опять перелѣзла черезъ заборъ и, очутясь въ крестьянскихъ огородахъ, пустилась все прямо, по задмамъ деревни.

У крайнихъ избъ, за ригами, между обвалившимися плетнями, стояла толпа дѣвчонокъ и ребятшекъ. Завидя ее, всѣ въ одинъ голосъ принялись кричать: «Горюшка идетъ! Горюшка! Горюшка!»

Тутъ Фатимка, какъ быsobравшись съ послѣдними силами, пустилась, какъ стрѣла, и, размахивая отчаянно рученками, прокричала задыхающимся голосомъ: «бѣда съ Варварой!»

Въ то самое мгновеніе въ толпѣ раздались дѣтскій вопль и слова: «ой, мамка! мамка, мамка!»

Въ то же время изъ среды ребятишекъ выбѣжала рыженькая, хромая дѣвочка, уже знакомая читателю, и поскакала навстрѣчу Фатимкѣ, вертась на одной ножкѣ и пронзительно взвизгивая: «Горюшка! Горюшка!...»

— Полно тебѣ, Анютка: услышутъ! проговорила та, удерживая ее за руку и торопливо подбѣгая къ Аксющкѣ и Ванюшкѣ, племянникамъ Антона, которые ревѣли въ два кулака: — ну, Ваня, — ну, Аксюшка, продолжала она, обхвативъ ихъ рученками: — бѣда! бѣда пришла теткѣ Варварѣ... бѣда! *Быкъ-отъ* и дядю вашего хочетъ, вишь, куды-то отправить... я все, все слышала... все въ щелочку глядѣла... Не кричите: неравно услышатъ... право, услышатъ...

И все это проговорила она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Блѣдныя ея щоки разгорѣлись; она живо при каждомъ словѣ размахивала руками, непрерывно поправляя длинныя пряди черныхъ своихъ волосъ, которыя то-и-дѣло падали ей на лицо.

Аксюшка положила свой кулачекъ въ ротъ и, удерживая всхлипыванія, еще пуще зарыдала.

— Ой, дядя Антонъ, дядя Антонъ! бормоталъ, заливаясь, Ванюшка: — куда ты ушелъ? Онъ бы не далъ бить тетку Варвару...

— Вотъ что! сказала вдругъ Фатимка, выпрямляясь и становясь посередь толпы: — вотъ что! Ваня, Аксюшка, всѣ, всѣ... побѣжимте туда... берите всѣ камни: швырнемъ ему въ окно... я по-

кажу, въ какое... мы его испугаемъ! Кто изъ васъ мѣтокъ?...

— Я! я! я! закричало нѣсколько тоненькихъ голосковъ, и множество худенькихъ рученокъ замахали въ воздухѣ.

— Я! я, Горюшка! я! звончѣе всѣхъ визжала хромая Анютка, принимаясь снова кричать и кривляться вокругъ Фатимки.

— Полно тебѣ, дура! эка безстыжая!... молчи!...

— Я пойду! я мѣтокъ! вскричалъ Ванюшка, торопливо утирая слезы: — я пойду!...

И онъ бросился уже подымать камень; но камень пришелся не по силамъ: Ванюшка залился снова слезами.

— Ничего, Ваня, ничего, продолжала, съ тѣмъ же волненіемъ, Фатимка: — побѣжимте скорѣе... тамъ много камней у забора... скорѣе, скорѣе, а то будетъ поздно... ложитесь всѣ ползкомъ на-земь, а нето увидитъ... скорѣе, скорѣе...

Хромая Анютка принялась было опять за свои прыжки, но на тотъ разъ со всѣхъ сторонъ посыпались на нее брань и ругательства: она поневолѣ легла на-земь и ползкомъ потащилась за всѣми вдоль плетня на брюхѣ... А, между тѣмъ, Никита Ѳедорычъ давнымъ-давно отпустилъ жену Антона. Бабы, глядѣвшія изъ оконъ и видѣвшія, какъ прошла она мимо деревни, перестали даже толковать объ этомъ предметѣ и перешли уже совсѣмъ къ другому. — Никита Ѳедорычъ одинъ-одинешенекъ расхаживалъ теперь вдоль и

поперекъ по конторѣ, заложивъ руки назадъ, опустивъ голову: казалось, онъ погруженъ былъ въ горькое, тревожное раздумье. Сцена, которую сдѣлала ему Анна Андреевна, возмущала его кроткую душу. Наконецъ онъ какъ будто бы принялъ какое-то твердое намѣреніе, ударилъ себя руками по поламъ архалука, закинулъ голову назадъ и направился къ двери.

Въ эту самую минуту верхнее слуховое окно конторы зазвенѣло, разлетѣлось вдребезги, и нѣсколько увѣсистыхъ камней упали ему чуть-чуть не на носъ.

Никита Федорычъ обомлѣлъ; съ минуту стоялъ онъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ, потомъ со всѣхъ ногъ кинулся въ сѣни и, метаясь изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлый, закричалъ, что было мочи:

— Эй! кто здѣсь? кто здѣсь? Степанъ! Дормидонъ! эй, Фатимка!... эй, черти!...

Никто не отвѣчалъ.

Никита Федорычъ остановился и сталъ прислушиваться... Волненіе его мало по малу утихло, когда онъ убѣдился, что кругомъ его никого не было. Онъ осторожно вышелъ изъ сѣней, еще осторожнѣе обогнулъ флигель и не безъ особеннаго смущенія, похожаго отчасти на страхъ, поглядѣлъ черезъ заборъ.

Но каково же было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ собственное чадо.

— А! такъ это ты, пострѣлъ? закричалъ онъ.

выпрямляясь и грозя сыну:—погоди! я тебя выучу бить стекла!... ступай сюда!...

— Нѣтъ, тятинька, нѣтъ, отвѣчалъ троскинский бурмистръ, подбѣгая къ отцу: — это ребятишки... сейчасъ убѣжали... я ихъ видѣлъ...

— Какіе ребятишки?

— Деревенскіе-съ... я знаю, кто камнемъ-то бросилъ, тятенька... это не я-съ... не я-съ.

— Ну?

— Это, тятинька-съ.... какъ бишь его?... Ванюшка... антоновъ... не я, тятинька... я самъ видѣлъ...

— А!!... ну, хорошо... э... э! э! да это того самого... э!!... хорошо, я съ нимъ тотчасъ же раздѣлаюсь... Пойдемъ, Ванюша: холодно тебѣ...

Сказавъ это, Никита Федорычъ перекинулъ черезъ плетень толстыя свои руки, обхватилъ ими сына, поднялъ его на плечи и съ торжествующимъ видомъ направился къ дому.

IX.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

....Трое сутокъ бѣгалъ Антонъ, розыскивая повсюду свою кляченку. Все было напрасно: она не отыскалась. Въ горѣ своемъ не замѣчалъ бѣднякъ студенаго дождя, лившаго ему на голову съ того самого времени, какъ покинулъ онъ городъ, ни усталости, ни холода, ни голода... Безъ полушубка, безъ кушака и шапки, потерянныхъ гдѣ-то ночью, метался онъ, какъ угорѣ-

лый изъ деревни въ деревню, спрашивая у встрѣчнаго и поперечнаго о своей пѣгой кобылкѣ. Никто ничего не зналъ; никто даже не далъ ему разумнаго отвѣта. Кто молча отворачивался за недосугомъ, кто равнодушно отсылалъ его дальше, а кто попросту отзывался смѣшкомъ на его оторопѣвшія, нескладныя рѣчи.

Впрочемъ, и то сказать надо, что еслибъ Антону посчастливилось даже отыскать конокрада, послѣдствія были бы не лучше: у него не было денегъ.

Мужички, провожавшіе его за ворота постоянного двора, были совершенно правы, рѣшивъ въ одинъ голосъ, «что не найти-де ему лошади, коли алтынъ нѣтути: попусту только измается, сердешный...»

Полный нѣмага отчаянія, которое, постепенно возрастая въ немъ, жгло ему сердце и туманило голову, Антонъ бросилъ наконецъ свои поиски и направился къ дому.

Когда онъ ступилъ на троскинскія земли, была глухая, поздняя ночь, одна изъ тѣхъ несчастныхъ осеннихъ ночей, въ которыя и подъ теплымъ кровомъ и близъ родимаго очага становится почему-то тяжело и грустно.

Лдяной, порывистый вѣтеръ рѣзалъ Антону лицо и поминутно посылалъ ему на голову потоки студеной воды, которая струилась по его изнуреннымъ членамъ. Бѣднякъ то-и-дѣло попадалъ въ глубокія котловины, налитыя водою, или вязнулъ въ глинистой почвѣ полей, размы-

той ливнемъ. Густой туманъ усиливалъ мракъ ночи: въ двухъ шагахъ ни зги не было видно, такъ что иногда ощупью приходилось отыскивать дорогу.

Когда вѣтеръ проносился мимо и протяжное его завываніе на минуту смолкало, окрестность наполнялась неровнымъ шумомъ падающаго дождя и глухимъ журчаніемъ потоковъ, катившихся по проселкамъ.

Казалось, не было уголка на бѣломъ свѣтѣ, гдѣ бы въ это время могло свѣтить солнышко и согрѣвать человека. Съ каждымъ шагомъ впередъ, все темнѣй становилось въ душѣ мужика. Вскорѣ почувствовалъ онъ подъ ногами покатость горы, по которой дней пять тому назадъ подымался на пѣгашкѣ: смутно и какъ бы сквозь сонъ мелькнуло въ головѣ его это воспоминаніе.

Откинувъ дрожавшими руками мокрые волосы отъ лица, вперилъ онъ тогда помутившійся взоръ къ селу и значительно прибавилъ шагу.

Такимъ образомъ, спустя нѣсколько времени, очутился отъ посередь улицы. Но здѣсь было такъ же мрачно, какъ въ полѣ. Темнота ночи сливала всѣ предметы въ одну неопредѣленную, черную массу; слышно только было, какъ шипѣла вода, скатываясь съ соломенныхъ кровель на мокрую землю.

Вытянувъ шею впередъ, Антонъ продолжалъ идти, ускоряя все болѣе и болѣе шагъ...

Вдругъ, посреди завыванія непогоды, разда-

лась рѣзкая, звонкая стукотня въ чугунную доску....

Сердце мужика вздрогнуло. Онъ остановился, какъ вкопанный, и поднялъ голову: передъ нимъ везносился старый флигель, вмѣщавшій контору и квартиру управляющаго.

Пока онъ силился припомнить, какимъ случаемъ попалъ сюда, въ сторонѣ послышались шаги и почти въ ту же минуту грубый, сиповатый голосъ прокричалъ: «кто тутъ?»

Голосъ показался Антону чей-то знакомый. Онъ невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Какого тутъ дьявола еще носить? кто тутъ? произнесъ тотъ же голосъ ближе, — и Антонъ увидѣлъ передъ собою двухъ человѣкъ съ дубинками.

— Чтò ты, лѣшій, не откликаешься? повторилъ громче прежняго одинъ изъ караульщиковъ, стучая дубинкою по грязи: — аль оглохъ? слышь, тебя спрашиваютъ?...

Антонъ молчалъ, потирая руками мокрую свою голову.

— Стой!! закричали въ одинъ голосъ караульщики и кинулись на него.

Тотъ безъ всякаго сопротивленія дался имъ въ руки. «Управляющій.... дома?....» спросилъ онъ глухо.

Но едва успѣлъ онъ произнести это, какъ одинъ изъ мужиковъ тотчасъ же выпустилъ его и, засмѣявшись, сказалъ товарищу:

— Дядя Дорофей! поглядь-ка, да вѣдь это нашъ Антонъ!...

— Ой ли?...

— Вотъ те Христось... отсохни руки и ноги...

— Эй, свать! крикнулъ Дорофей, также выпусткая Антона и принимаясь его ощупывать: — какого лѣшаго тебѣ здѣсь надѣть?... что съ тобой?... аль съ ума спятилъ?... Безъ шапки, въ такую-то погоду.... какого тебѣ теперь управляющаго?... Изъ города, что ли, ты?...

— Изъ города... проговорилъ Антонъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

— Эхва! такъ ты теперь-то управляющаго хватился!.. ну, братъ, раненько! погоди, вотъ тебѣ ужотко еще будетъ... Экъ его, какъ накатился!... Оедька! знать, свать-то выпимши добре: ишь, лыка не вяжетъ.... Что те нелегкая дернула? продолжалъ Дорофей, толкая Антона подъ бокъ: — а тутъ-то безъ тебя что было... и-и-и...

— Что?...

— Да, теперь небось что?... что?... ишь, у те языкъ-отъ словно полѣно въ грязи вязнетъ... а еще спрашиваешь, что? Подитка домой: тамъ те скажутъ—что? Никитка-то нынче въ обѣдъ хозяйку твою призывалъ... и-и-и... ишь, дьяволъ обрадовался городу, словно голодный Кирюха пудовой краяхъ... приставь голову-то къ плечамъ, старый чортъ! ступай домой, что на дождѣ-то стоишь!...

— Эхъ, фаля! вотъ погоди, погоди, что-то еще завтра будетъ тебѣ!... да что жъ ты ничего не ба-

ишь, аль совсѣмъ те ошеломило?... Антонъ, а Антонъ! свать!...

— А!?...

Дорофей и Оедька залились во все горло.

— Слышь, что ли? произнесъ первый, дергая его за руку:—полно тебѣ зубъ-то объ зубъ щелкать! ступай домой, пра, ступай домой... слышь, что те говорятъ?...

Но Антонъ уже ничего не слышалъ. Съ остервенѣніемъ оттолкнулъ онъ наконецъ караульщиковъ и кинулся стремглавъ къ сторонѣ околицы.

— Антонъ! эй, Антонъ! кричали ему въ слѣдъ мужики: — экой лѣшій! Что съ нимъ, право, по-притчилось?...

— А что попритчилось, примолвилъ Дорофей: запилъ! вотъ-те и все тутъ. Экой, право, чортъ!... должно быть, деньги-то всѣ окончилъ... Поди жь ты, Оедюха, а, кажись, прежде за нимъ такого дѣла не важивалось. Управляющаго, слышь, захотѣлось ему ночью... знать, ужь больно онъ его до-нимаетъ... Ну, да пойдѣмъ, Оедюха: я индо весь промокъ... така-то стытъ-погода пошла...

— Пойдемъ, дядя Дорофей!... Постучимъ еще въ доску да завалимся спать: смерть иззябъ...

И оба скрылись въ темнотѣ.

Немного погода, рѣзкіе, звучные удары въ чугунную доску далеко разнеслись по окрестности, заглушая на минуту завываніе вѣтра и шумъ бури, которая, казалось, усиливалась часъ отъ часу.

Антонъ, между тѣмъ, продолжалъ бѣжать, какъ полоумный. Поровнявшись съ первыми избушка-

ми, онъ круто своротилъ къ огородамъ и пустился задами деревни. Тутъ шагъ его сдѣлался тверже и медленнѣе.

Когда онъ приближался къ тому мѣсту, гдѣ нѣсколько дней тому назадъ поднялъ платокъ, ему вдругъ почудилось, что кто-то мелькнулъ мимо него поперекъ дороги. Онъ остановился и оглянулся въ ту сторону. Въ эту самую минуту сильный порывъ вѣтра раздвоилъ тучу, и блѣднымъ свѣтомъ озарилась та часть поля. Антонъ явственно различилъ тогда въ бѣломъ пятнѣ неба, надъ поверхностію межи, профиль старухи. Согнувшись въ три погибели, она ковыляла, размахивая сучковатою своею клюкою, которой ощупывала дорогу...

Антонъ тотчасъ же узналъ Архаровну.

Всѣ розказни и слухи о богатствѣ ея разомъ прихлынули ему въ голову. Ему пришло въ голову, что она можетъ пособить ему. Секунду спустя кинулся онъ вслѣдъ за побирешкой, нѣсколькими прыжками нагналъ ее и крикнулъ задыхающимся голосомъ :

— Помоги, коли хочешь спасти душу христіанскую отъ грѣха — дай денегъ.

— Касатикъ! касатикъ! могла только проговорить побирешка :—Христосъ съ тобой... ой!.. да это... ты родной... Антонъ Прохорычъ... какія у меня деньги!.. Христосъ съ тобой!!..

— У тебя есть! всѣ сказываютъ! прибавилъ онъ.

— Чтó съ тобой дѣлать, завопила старуха : —

вишь ты какой странный... аль руку на себя поднять хочешь, что ли, прости Господи!... Деньги... у меня въ березникѣ... въ кубышкѣ... зарыты...

— Веди туда! крикнулъ мужикъ: — веди!... скорѣе!...

Старуха отправилась, поспѣшно подняла клюку; онъ уцѣпился ей за полу, и оба быстрыми шагами пустились по дорогѣ къ рощѣ.

Пока еще тянулся проселокъ, они шли ходко; но какъ только старуха свернула на пашню, Антонъ началъ уже съ трудомъ поспѣвать за ней. Ночь стала опять черна, и дождь, ослабѣвшій было навремя, полилъ вдругъ съ такой силой, что онъ едва могъ различать черты своей спутницы. Глинистая почва пашни прилипла къ ихъ ногамъ тяжелыми комками и еще болѣе затрудняла путь; время отъ времени они останавливались перевести духъ.

Наконецъ старуха свела его въ глубокую межу, на днѣ которой бѣжалъ, журча и клубясь, дождевой стокъ; съ обѣихъ сторонъ поднимались черныя, головастыя дуплы ветелъ; мѣстами тянулись сплошною стѣною высокіе кустарники; коегдѣ бѣлый стволъ березы выглядывалъ изъ-за нихъ, какъ привидѣніе, протягивая впередъ свои угловатыя худощавыя вѣтви. Дорога часъ отъ часу становилась затруднительнѣе: ноги поминутно встрѣчали камни или скользили въ тинѣ; иногда цѣлыя груды сучьевъ, сломанныхъ вѣтромъ, заслоняли межу.

Подобно несмѣтному легіону духовъ, вѣтеръ

проносился съ одного маху по вершинамъ деревьевъ, срывая миллионы листьевъ и сучьевъ, потомъ вдругъ, какъ бы встрѣтивъ въ сторонѣ препятствіе, возвращался съ удвоенною силой назадъ, покрывая землю глыбами смоченныхъ листьевъ. Тогда грохотъ бури смолкалъ на минуту, и снова слышались журчаніе истоковъ и однообразный шумъ дождя, который падалъ полосами на деревья и скатывался на дорогу.

— Ой, погоди, касатикъ! дай вздохнуть... надѣть еще въ оврагъ спускаться, сказала старуха.

Антонъ молча остановился.

Немного погодя, они, въ самомъ дѣлѣ, начали спускаться по крутому, каменистому скату въ оврагъ. Очутившись на днѣ, Антонъ поднялъ глаза кверху: окраины пропасти вырѣзывались такъ высоко на небѣ, что едва можно было различить ихъ очертаніе.

Нѣсколько разъ Антону приводилось проползати подъ стволами деревьевъ, опрокинутыми тамъ и сямъ поперекъ пропасти, загроможденной повсюду камнями. Старуха, повидимому, хорошо знала дорогу: та ни разу не оступилась, не споткнулась, несмотря на то, что шла бодрѣе прежняго и уже не упиралась болѣе своею клюкою.

Затесавшись наконецъ вмѣстѣ съ Антономъ въ густую чашу кустарниковъ, изъ которой выходъ казался невѣроятнымъ, она неожиданно остановилась, рванулась впередъ и закричала хриплымъ своимъ голосомъ:

— Ребятунки! сюда, родимые!...

Одуматься не успѣлъ Антонъ, какъ уже почувствовалъ себя въ рукахъ двухъ дюжихъ молодцовъ. Движимый инстинктивнымъ чувствомъ самоохраненія, онъ бросился было впередъ; но желѣзныя руки, обхватившія его, предупредили это намѣреніе и тотчасъ же осадили назадъ.

— Куда! сказалъ одинъ изъ нихъ, вплетая свою ногу въ ноги Антона:—куда! небось, не уйдешь, и здѣсь подождешь!...

— Ермолаюшка, касатикъ, заговорила старуха: — погоди, не замай его, родимый: вѣдь это братъ твой, Антонъ... охъ, рожонный! ужь такой-то, право, колотырный... пристаешь, вишь, пособи ему, дай денегъ.

Услыша это, Ермолай отступилъ назадъ и крикнулъ:

— Антошка, ты ли?...

Но, такъ какъ Антонъ не отвѣчалъ, онъ быстро подошелъ къ нему, взялъ его обѣими руками за плечи, глянулъ ему въ лицо и потомъ, упершись кулаками въ бока, залился дребезжащимъ смѣхомъ.

— Антошка! чортъ! какимъ те лѣшимъ принесло сюда?... Петруха! пусти его. Небось, не уйдетъ: онъ съ-родни!...

Петруха пристально посмотрѣлъ въ лицо мужику и тотчасъ же выпустилъ его, примолвивъ, однако, грубо товарищу:

— Что жь, что онъ братъ тебѣ: коли пришелъ вывѣдать, такъ все одно ему...

— Да что жь ты ничего не говоришь, словно пень? продолжалъ Ермолай, обращаясь къ брату, который не двигался съ мѣста:—зачѣмъ пожаловалъ сюда, чего те отъ насъ надо?... да говори же, дьяволъ! аль взаправду глотку-то заколотили тебѣ на деревнѣ?

— Дай ему опомниться, касатикъ ты мой! видно, запужалси больно, подхватила старуха, нагибаясь и кладя что-то наземь:—вотъ иду я такъ-то, родной, изъ ихняго Троскина...

— Ну, что? спросили въ одно время Петръ и Ермолай.

— Да вотъ, отвѣчала она, понизивъ голосъ:— всѣ курочки у мужичка сволочила... Ну, вотъ такъ-то, продолжала она громко:—иду я, а онъ, окаянный такой, какъ кинется ко мнѣ: денегъ, говоритъ, давай!... такой-то пропастный!...

— Э! ге... ге... такъ ты, видно, горемыка! воскликнулъ Ермолай:—что, братъ, знать, не по вкусу пришли дубовы-то пироги съ березовымъ масломъ!... Да что жь ты взаправду ничего не говоришь? ай не радъ, что встрѣлся?..

— Радъ не радъ, произнесъ другой, подходя къ мужику:—тебѣ отсель не выйти...

— Братцы! началъ вдругъ Антонъ, какъ бы пробудясь отъ сна:—мнѣ надо денегъ!... лошадь увели намедни... послѣднюю лошадь... оброкъ платить нечѣмъ, прибавилъ онъ черезъ силу.

— Такъ ли? слыхалъ я про эвто, да...

— Такъ, родной, перебила старуха:—по міру почитай пустилъ его управитель-то...

— Ну , а ребята мои живы? спросилъ неожиданно Ермолай.

— Живы... да ѣсть нечего , отвѣчалъ мрачно Антонъ: — пособи́те, братцы, хоть сколько нибудь дайте денегъ! примолвилъ онъ голосомъ отчаянія.

— Мы вѣдь недавно, всего, кажись, три недѣли, сюда подоспѣли... Вотъ парнюхъ старуху свою хотѣлось провѣдать... да мѣсто вышло податно, такъ остались зимовать... а то бы я навѣстилъ тебя: на ребятокъ поглядѣть хотѣлось... мать-то ихъ добре померла... Такъ что жъ ты, Антонушка , къ намъ, что ли?..

— Послѣднюю лошадь увели, началъ снова Антонъ: — подушныхъ платить нечѣмъ... денегъ мнѣ надо...

— Эхъ-ма! пособить-то те можно, да вотъ, вишь, какое дѣло : деньги-то у насъ не то что свои, не то что чужія. Онѣ у насъ теперь въ карманѣ, такъ, стало, наши. А вотъ маленько прежь сего ихъ держалъ у себя за пазухою купецъ, ѣхавшій съ ярманки: мы къ нему, знашь, тово : подились, дискать, добрый человѣкъ! Онъ на насъ съ окрикомъ, мы погрозили порядкомъ: деньги-то съ бумажникомъ онъ намъ и швырнулъ въ лицо, а самъ давай Богъ ноги... Ну, ты теперь нашъ, все узналъ. Помочь-то тебѣ мы поможемъ, да только ни гу-гу; а то вѣдь бѣда! Купецъ-то ночью насъ не разглядѣлъ , да и лыжи отсюдова наострилъ далеко: такъ никто не узнаетъ , коли ты не проболтаешься. Мы теперь зайдемъ въ кабакъ вмѣ-

стѣ, что недалеко отсюда, а тамъ ладимъ тебѣ на разживу, да и разойдемся на разныя стороны... А что ты, Антошка, бывалъ у Бориски рыжака, пивалъ у него когда?

— Нѣтъ.

— Ну, стало, не знаетъ тебя рыжій?

— Не знаетъ.

— Ну и ладно, идемъ... А ты, матушка, здѣсь оставайся.

— Вистимо, родной... васъ поджидать стану... смотри только, касатикъ, его-то отъ себя не пущайте ..

— Небось, не уйдетъ! отвѣчалъ тотъ: — ну, идемте, ребята.... мотри же, Антонушка, опростоволосишься, вотъ те Христосъ, поминай какъ звали!...

Бродяги допили штофъ, подняли кверху дубинки и, сказавъ еще что-то шопотомъ старухѣ, пропустили Антона впередъ и начали выбираться изъ оврага....

.....

Кабакъ, куда направлялись они, стоялъ одиноко на распутьи, между столбовой дорогой и глубокимъ узкимъ проселкомъ. Сдѣлавъ два или три поворота, проселокъ исчезалъ посреди горныхъ, кочковатыхъ полей и пустырей, разстилавшихся во всѣ стороны на неоглядное пространство. Ни одно деревцо, ни одна башенка не оживляли ихъ. Обнаженнѣе, глуше этого мѣста трудно было сыскать во всей окрестности.

Зданіе кабака соотвѣтствовало, какъ нельзя

лучше, печальной мѣстности, его окружавшей: оно состояло изъ старинной двухъ-этажной избы съ высокою кровлей, исполосованной по всѣмъ направленіямъ темно-зеленымъ мхомъ и длинными щелями. На верхушкѣ ея торчала откосо рыжая, изсохшая сосенка; худощавыя, изсохшія вѣтви ея, казалось, звали на помощь. Стѣны избы были черны и мрачны; промежутки между бревнами, сѣро-грязноватаго цвѣта, показывали, что мохъ уже давнымъ-давно истлѣлъ. Новенькое сосновое крылечко, прилаженное ко входу избы, еще болѣе выказывало ея ветхость. Его гладенькіе вылущенные столбики, бѣлый, лоснящійся навѣсъ съ вычурами, тоненькія перилы такъ рѣзко бросались въ глаза своимъ контрастомъ съ остальною частію кабака, что невольно напоминали уродливое сочетаніе безобразнаго старика съ свѣженькой молодой дѣвушкою.

Зданіе, подобно многимъ въ этомъ родѣ, было окружено съ трехъ сторонъ навѣсами, дававшими тотчасъ же знать, что радушіе хозяина не ограничивалось одною лишь косушкой: тутъ находился и постоянный дворъ; польза соединялась, слѣдовательно, съ пріятнымъ. Такимъ образомъ, проходимцу или извозчику предстояло чрезъ это истинно благотѣльное соединеніе выпить вмѣсто одной косушки, уже необходимой для подкрѣпленія силъ, еще двѣ лишнія: одну, какъ водится, послѣ ужина, припасеннаго

про случай стряпухою цаловальника, другую — при разставаньи, подъ утро.

По мѣрѣ того, какъ темнота ночи разсѣявалась, черная профиль высокой кровли кабака и сосны, усѣянной заночевавшими на ней галками, вырѣзывалась рѣзче и рѣзче на сѣроватомъ, насмурномъ небѣ. Кругомъ тишина была мертвая. Несмотря, однакожь, на ранній разсвѣтъ, въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, пока еще смутно мелькавшемъ сквозь полосы тумана, свѣтился огонекъ. Послѣ нѣкотораго вниманія можно даже было довольно четко различить длинную тѣнь человека, ходившаго взадъ и впередъ по избѣ. Вскорѣ тѣнь эта скрылась. На крылечкѣ показался тогда высокій мужчина въ длиннополомъ кафтанѣ на лисьемъ мѣху. Сначала нагнулся онъ на перилы и, приложивъ ладонь ко лбу въ видѣ зонтика, долго глядѣлъ на большую дорогу; потомъ, сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, незнакомецъ сошелъ внизъ. Видно было, однако, что и здѣсь остался онъ недовольнымъ: простоявъ еще нѣсколько времени, махнулъ онъ наконецъ съ досадою рукой и опять поднялся на крылечко. Находясь, должно быть, подъ вліяніемъ нетерпѣливаго ожиданія и не довѣряя, вѣроятно, своей зоркости въ первыхъ двухъ попыткахъ, онъ сѣлъ на ступеньки, подперся ладонью и снова принялся глядѣть въ туманную мглу, окутывавшую мѣстность.

Но вотъ уже потянулся туманъ въ вышину. Глубокія колеи дороги, налитыя водою, отрази-

ли восходъ, а онъ все еще не покидалъ своего мѣста и не сводилъ глазъ съ дороги.

Пахнетъ ли вѣтерокъ по влажной землѣ, пронесется ли въ воздухѣ стая галокъ, онъ быстро подымаетъ голову, прислушивается.

Терпѣніе его, казалось, наконецъ истощилось: онъ вскочилъ на ноги и проворно вошелъ въ сѣни кабака. Тутъ, попрежнему, увидѣлъ онъ рыжаго цаловальника, лежавшаго навзничъ между двумя бочками, устланными рогожей. Въ углу на полу храпѣли два мужика и мальчикъ лѣтъ 13, батракъ хозяина. Дверь налѣво въ кабакъ была заперта на замѣкъ.

Человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ прошелъ поспѣшно сѣни и вступилъ въ избу направо. Онъ, повидимому, былъ чѣмъ-то сильно встревоженъ.

Слабый свѣтъ догоравшей свѣчки, смѣшиваясь съ бѣлымъ свѣтомъ утра, набрасывалъ синевато-тусклый отблескъ на лицо нѣсколькихъ мужиковъ, спавшихъ на нарахъ. На лавкѣ подлѣ стола, покрытаго скудными остатками крестьянскаго ужина, сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, бородатый человѣкъ, котораго по одеждѣ легко можно было принять за купца. Опершись одною рукою на столъ, другою на лавочку, онъ храпѣлъ на всю избу. Незнакомецъ прямо подошелъ къ нему и дернулъ его за руку. Потерявъ равновѣсіе, купецъ свалился на лавку и захрапѣлъ еще громче.

— Матвѣй Трофимычъ! сказалъ съ досадою незнакомецъ, принимаясь будить его: — Матвѣй

Трофимычъ! проснись, эй!... до сна ли теперь? да вставай же... ну...

— Мм... а что, братъ пріѣхалъ? отозвался купецъ, торопливо протирая глаза.

— Какой пріѣхалъ! слышь, Матвѣй Трофимычъ... мнѣ все думается, не бѣда ли какая случилась съ братомъ...

— Гм! произнесъ Матвѣй Трофимычъ, приподнимаясь: — давно бы надо здѣсь быть... вѣчоръ еще... сколько, бишь, сказывалъ онъ верстъ отъ города до Марина?

— Да никакъ 20 или 22, говорилъ.

— Эхъ, напрасно, право, мы съ нимъ тогда не поѣхали: получка денегъ не Богъ знаетъ сколько взяла бы времени!... да дѣлать нечего, подождемъ еще, авось подѣдетъ...

— Мнѣ все думается, не прилучилось бы съ нимъ бѣды какой: поѣхалъ онъ съ деньгами... долго ли до грѣха?... такъ индо сердце не на мѣстѣ... Слышалъ ты, мужички вѣчоръ разсказывали, здѣсь и въ частую бываетъ неладно... Одинъ изъ Ростова, помнишь, такой дюжій, говорилъ, вишь изъ постоялаго двора, да еще въ ярманку, вотъ гдѣ мы были-то, у мужичка увели лошадь.

— Ой ли?...

— То-то, Матвѣй Трофимычъ, ты спалъ, а я слышалъ...

— Авось Богъ милостивъ... охъ... хе, хе...

Въ то время въ избу вошелъ цаловальникъ.

Закинувъ коренастыя руки свои назадъ за шею, онъ протяжно зѣвнулъ и сказалъ, потягиваясь:

— А что не пріѣзжалъ еще вашъ товарищъ?...

— Нѣтъ, братъ, не ѣдетъ, да и полно, отвѣчалъ высокій: — я ужъ поджидалъ, поджидалъ, глаза высмотрѣлъ... Побаиваемся мы, не случилось бы съ нимъ бѣды какой... ѣхалъ ночью, при деньгахъ былъ... того-и-гляди, на грѣхъ мастера нѣтъ...

— Что случится! запоздалъ, должно быть...

— У васъ вотъ, говорятъ, на дорогахъ-то шалать больно... Вотъ объ эвтомъ-то мы и сумѣваемся...

— Что говорить, случалось, всяко бываетъ; да ужъ что-то давно не слыхать. Намедни вотъ, сказываютъ, бабу, вишь, какую-то обобрали... а то не слыхать... кажись, смирно стало...

— О-охъ, бѣда, да и только! Ужъ не съѣздить ли мнѣ въ Марино... далече отселева станетъ?

— Верстъ 17 безъ малаго... Да вы не ѣздите, обождите... Господь милостивъ... о!... о!...—Цаловальникъ зѣвнулъ.—Эй, Пахомка, что ты, ко-сой чортъ! крикнулъ онъ, выходя въ сѣни и толкнувъ подъ бокъ ногою мальчика: — вставай, пора продрать буркулы-те... время кабакъ отпирать: день на дворѣ...

Матвѣй Трофимычъ сѣлъ снова на лавочку и задремалъ. Товарищъ его вышелъ на крылечко и снова принялся глядѣть на дорогу.

Вскорѣ кабакъ ожилъ. Зазвенѣли стаклянки, за-

шумѣлъ народъ, все пришло въ движеніе. Работница-стряпуха затопила печь, мужики завозились подъ навѣсами, и немного погода послышались уже громкія восклицанія и удалая пѣсня.

Человѣкъ въ длиннополомъ кафтанѣ продолжалъ глядѣть съ тѣмъ же притупленнымъ вниманіемъ на дорогу.

Вдругъ онъ поднялся, взбѣжалъ на крыльцо и вытянулъ впередъ шею, какъ бы слясь приблизиться къ увидѣнному имъ вдаль предмету. Но лицо его, обнаружившее радость, мгновенно нахмурилось. Обманутый ожиданіемъ, онъ печально отошелъ назадъ. На дорогѣ показались три пѣшихъ человѣка.

Когда подошли они ближе, купецъ невольно обратилъ на нихъ вниманіе. Двое изъ нихъ были покрыты грязными лохмотьями; лица ихъ были тощи и изнуренны; щетинистые, взъерошенные брови и бакены придавали имъ видъ суровый, дикій. Наружность третьяго путника особенно поразила купца. Это былъ высокій, сгорбленный мужикъ лѣтъ шестидесяти, покрытый сѣдиною, съ лицомъ известковаго, болѣзненнаго цвѣта. Онъ какъ будто удрученъ былъ какимъ-то сильнымъ недугомъ. Голова его нѣсколько висѣла на бокъ; огромныя, коренастыя руки старика какъ-то безжизненно болтались, при каждомъ шагѣ, вдоль угловатыхъ костлявыхъ ногъ, перепутанныхъ разодранными ону-

чами, покрытыми грязью. Онъ, казалось, совершенно безчувственъ былъ къ стужѣ, которая багровила ему грудь и плечи, едва прикрытыя лохмотьями крестьянской рубашки.

Приблизясь къ кабаку, товарищи старика оглянулись сначала на всѣ стороны, потомъ взяли его подъ руки и поспѣшно вошли въ кабакъ, не заглянувъ даже на сидѣвшаго незнакомца. Купецъ, поглядѣвъ въ раздумьи еще нѣсколько минутъ на дорогу, тоже вошелъ въ кабакъ. Въ головѣ его невольно мелькнуло какое-то подозрѣніе...

Большая часть мужиковъ, заночевавшихъ у цаловальника, находились уже тутъ; нѣкоторые изъ нихъ стояли посередь избы и о чемъ-то горячо спорили, другіе сидѣли на лавочкѣ за большимъ столомъ. Въ углу, подлѣ сороковой бочки, уставленной разнокалиберными мѣдными воронками, за небольшимъ столикомъ сидѣли, по обѣимъ сторонамъ Антона, братъ его Ермолай и Петрушка. Передъ нимъ стояли штофъ и стаканы. Ермолай, положивъ локти на столъ и запустивъ ладони въ черные свои волосы, глядѣлъ безпечно въ окно; но усилія, съ какими расширялъ онъ глаза, непрерывное движеніе мускуловъ на узенькомъ лбу его и легкое наклоненіе головы свидѣтельствовали, что онъ жадно вслушивался въ то, что говорилось вокругъ. Антонъ и другой его товарищъ сидѣли насупясь и молчали.

Немного спустя, цаловальникъ подошелъ къ купцу.

— Ну, что? сказалъ онъ: — видно, братъ-ать не ѣдетъ...

— Нѣтъ, не ѣдетъ, отвѣчалъ тотъ, бросивъ косвенный взглядъ на уголъ, гдѣ сидѣли бродяги: — я ужь, право, думаю, бѣда случилась... онъ былъ при деньгахъ... поѣхалъ ночью...

Движеніе Ермолая и товарища его, который быстро поднялъ голову, не ускользнуло отъ купца. Сердце его колотило такъ сильно, что онъ нѣсколько секундъ не могъ произнести слова; оправясь, онъ продолжалъ, однако, стараясь принять, по возможности, спокойный видъ:

— Ты же, братъ, рассказывалъ, что у васъ здѣсь какую-то бабу обобрали на дорогѣ... точно, мѣсто глухое.... чего добраго, ограбятъ еще...

Рѣчь замерла у него на устахъ. Взглядъ, брошенный Ермолаемъ на дверь и на товарищей, усиливалъ въ немъ подозрѣніе; все говорило ему, что тутъ крылось что-то недоброе. Онъ какъ бы нехотя приподнялся съ своего мѣста и, толкнувъ локтемъ цаловальника, вышелъ съ нимъ въ сѣни.

— Слушай, братъ хозяинъ, сказалъ онъ торопливо: — мнѣ сдается, бѣда прилучилась... Видалъ этихъ трехъ, что сидятъ въ углу подлѣ бочки?

— Какже... а что?

— Сдѣлай милость, продолжалъ купецъ убѣдительнымъ голосомъ: — ради Господа Бога, не выпускай ты ихъ, развѣдаемъ сперва, что они за люди... тебѣ будетъ не въ обиду... ишь, они какими недобрыми людьми выглядятъ... и тотъ, что съ ними, старикъ-атъ... въ одной рубахѣ... точно, право, бродяги какіе... не пущай ты ихъ... я пойду разбужу товарища... мнѣ, право, сдается, они...

И купецъ, не докончивъ рѣчи, опрометью кинулся въ избу.

Цаловальникъ, страстный охотникъ до всякихъ свалокъ и разбирательствъ, и которому уже не впервые случалось накрывать у себя въ заведеніи мошенниковъ, тотчасъ же принялъ озабоченный видъ, пріободрился и, кашлянувъ значительно, вошелъ въ кабакъ.

Ермолай и его товарищи успѣли опорожнить въ то время штофъ и сбирались въ путь.

— Хозяинъ, сказалъ онъ, подходя бодро къ цаловальнику: — что съ насъ?

— Штофъ, что ли? спросилъ тотъ, окидывая взоромъ столъ и въ то же время Антона, сидѣвшаго недвижно, какъ и прежде.

— Да, братъ, штофъ, отвѣчалъ Ермолай, на дѣвая одною рукою шапку, другою подавая красную ассигнацію: — эхъ, жаль, время не терпитъ, а то бы знатную у тебя выпивку задали...

— А вамъ нешто къ спѣху? продолжалъ рыжій Борисъ, которому красная бумажка показа-

лась что-то подозрительною въ рукахъ такого оборванца: — вы отколь?...

— А мы, братъ, сдалече, копальщики, идемъ съ заработокъ... домой, отвѣчалъ, нимало не смущаясь, Ермолай и въ тоже время подалъ знакъ Петру, указавъ на брата.

Но, замѣтивъ усилія, съ какими Петръ приподнималъ Антона на ноги, цаловальникъ спросилъ:

— А что́ это у васъ товарищъ-атъ... кажись, разнемогся...

— Да.... на дорогѣ изъ Тулы.... что-то животы подвело, отвѣчалъ Петръ, подбираясь съ Антономъ къ двери.

— Хозяинъ! давай-ка скорѣй сдачу, сказалъ Ермолай нетерпѣливо.

Но купецъ, сопровождаемый нѣсколькими мужиками, загородилъ имъ дорогу. Въ числѣ мужиковъ находился маленькій ростовецъ, тотъ самый, что́ встрѣтился съ Антономъ на ярмаркѣ. Увидя его, онъ растопырилъ руки и произнесъ радостно:

— А! здорово, братъ! какъ тіе Богъ милуетъ?... Вотъ не чаялъ встрѣтить! Ну, что́ нашель лошадь?

Антонъ вздрогнулъ.

— Развѣ ты его знаешь? спросилъ удивленный купецъ.

— Какже! отвѣчалъ ростовецъ, подходя ближе къ Антону: — да вѣдь это, братцы, тотъ самый мужичекъ, что́ сказывалъ я вамъ вѣчоръ,

у кого лошадь-то увели. — Ну, братъ, ужь какъ же твой землякъ-то убивалси!...

Нѣсколько мужиковъ встали съ своихъ мѣстъ и подошли съ участіемъ къ Антону.

— Мы на другой день нашли его лошадь, отвѣчалъ, оторопѣвъ, Петръ: — насилу откупились....

— Ой-ли?

— Да тебѣ-то что? сказалъ Ермолай, толкнувъ плечомъ ярославца и сился пробиться къ двери. — Видно было, что ему становилось уже неловко.

— Ты, братъ, мотри, не пихайся! не къ тебѣ слово идетъ....

— Стой, молодецъ! произнесъ вдругъ цаловальникъ, удерживая бродягу: — какъ же ты говорилъ мнѣ, вы съ заработокъ шли.... а вотъ онъ его видѣлъ (тутъ Борисъ указалъ на ростовца и потомъ на Антона) съ лошадью на ярманкѣ и сказывалъ, мужикъ ихъ пахатный.... помнится, еще изъ ближайшей деревни....

— Какже, изъ Троскина какого-то, замѣтилъ ростовецъ: — а что?

— Что жъ ты бабушку путаешь? воскликнулъ Борисъ, подступая къ Ермолаю: — какой же онъ копальщикъ!

— Да чего тебѣ отъ насъ надо? крикнулъ Ермолай, врываясь силою въ двери.

— Нѣтъ, погоди.... постой.... эй, ребята! не пущайте его... сказывай прежде, что вы за люди....

— Разбойники, разбойники! завопилъ неожиданно купецъ, выхватывая изъ рукъ Ермолая зеленые замшевыя рукавицы, которыя тотъ не подумалъ второпяхъ спрятать: — братцы! вяжи ихъ!! братнины рукавицы!... знать, они его ограбили.... крути ихъ!...

— Эй.... держи! вяжи! держи! раздалось со всѣхъ сторонъ въ кабакъ, и толпа мужиковъ обступила бродягъ.

— Чего вы, дьяволы! ну, что! кричалъ Ермолай, становясь въ оборонительное положеніе: — ну, что вамъ надо!?...

— Откуда у тебя рукавицы? разбойникъ? произнесъ купецъ, хватая его за грудь.

— На дорогѣ нашелъ.

— Врешь, собачій сынъ! сказалъ цаловальникъ, вытаскивая въ эту самую минуту изъ-за пазухи Ермолая замшевый бумажникъ и показавъ его съ торжествующимъ видомъ бродягѣ: — а это что?...

Не прошло минуты, какъ уже Ермолай лежалъ въ саняхъ, связанный по рукамъ и по ногамъ. Петрушку также выводили изъ кабака. Проходя мимо товарища, онъ сказалъ дрожащимъ, прерывающимся голосомъ:

— Братцы.... отпустите меня.... за что вы меня тащите?... это вотъ онъ съ своимъ братомъ.... мужикъ тотъ... сѣдой-то.... обобрали купца.... отпустите!...

— Какъ! убили!! завопилъ купецъ, вбѣгая въ сѣни: — обобрали!...

И онъ кинулся, какъ полоумный, вонъ изъ избы.

— Эй, цаловальникъ! хозяинъ! закричалъ Матвей Трофимычъ рыжему Борису, все еще хлопотавшему подлѣ Ермолая: — посылай скорѣй въ ихъ вотчину.... въ накладъ не будешь.... скорѣй парня на лошади посылай въ ихъ деревню за десятскимъ.... за управляющимъ.... да ну, братъ, проворнѣй!...

Пока прикручивали Петра, въ дверяхъ кабака слышался страшный шумъ; въ то же время на порогъ показались нѣсколько мужиковъ, державшихъ Антона: ухвативъ старика кто за что успѣлъ, они тащили его по полу съ такою яростію, что даже не замѣчали, какъ голова несчастнаго, висѣвшая на бокъ, стучалась о-земь. Глаза Антона были закрыты, и только судорожное вздрагиваніе вѣкъ и лба свидѣтельствовало о его жизни. Сквозь стиснутые зубы и на блѣдныхъ губахъ его проступала кровь. Толстоватый ярославецъ, казалось, болѣе другихъ былъ въ бѣшенствѣ: онъ не переставалъ осыпая его ударами.

— Вяжи его, разбойника.... вяжи! кричалъ онъ, хриплымъ голосомъ: — вишь, какъ надулъ.... мошенникъ!... надулъ, собака!... а я-то, волкъ меня съѣшь, еще плакалъ было надъ нимъ... тащи его, разбойника!... вяжи его! вяжи!...

— Эй, Степка! бери скорѣй лошадь, валяй въ Троскино село, сказалъ цаловальникъ вбѣжавшему дворнику: — ступай прямо къ управляющему, зови его сюда.... да скажи, чтобъ слалъ

народу: разбойниковъ, вишь, поймали изъ ихъ вотчины.... ступай скорѣй!...

Тотъ опрометью кинулся подъ навѣсы.

Немного погодя, Степка мчался что есть духу по дорогѣ въ Троскино.

Рыжій Борисъ, Матвѣй Трофимычъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ мужиковъ стояли, между тѣмъ, на крылечкѣ, махали руками и кричали ему вслѣдъ:

— Ступай, не стой!... мотри, скорѣй!... зови управляющаго, зови народъ.... погоняй, не стой!!

XI.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Недѣлю спустя послѣ происшествія въ кабакѣ, на улицѣ села Троскина толкалась почти вся деревня: каждый, и малый и взрослый, хотѣлъ присутствовать при отправленіи разбойниковъ. Пестрая толпа изъ мужиковъ, бабъ, дѣвокъ, ребятъ и даже младенцевъ, которыхъ заботливыя матери побаивались оставить однихъ-одиношенькихъ въ качкахъ, окружала съ шумомъ и говоромъ двѣ подводы, запряженныя парюю тощихъ деревенскихъ клячъ. Въ телѣгахъ покуда никого еще не было. Прислонясь къ одной изъ нихъ, стояли другъ подлѣ дружки два сѣдыхъ старика въ рыжеватыхъ коротенькихъ полушубкахъ, туго подтянутыхъ ремнемъ; мѣдныя восьмиугольныя бляхи, пришитыя къ правой сторонѣ груди cadaго изъ нихъ, и обритыя бороды давали

знать, что это были никто иные, какъ наемные сотскіе изъ стана. Оба дружелюбно разговаривали съ молодымъ парнемъ, которому, въ качествѣ хозяина очередной подводы, слѣдовало везти конвойныхъ до ближняго острога. Поодаль отъ этой группы находился служивый этапной команды. Опершись на ружье и повернувшись спиною къ хозяину другой телѣги, малому лѣтъ 16, онъ то-и-дѣло поглаживалъ щетинистый усъ свой и вслѣдъ затѣмъ лукаво подмигивалъ близъ-стоявшимъ бабамъ. По другую сторону подводу сидѣли, прислоняясь на ось, кузнецъ Вавила и его помощникъ. Послѣдній расположился на кожаномъ мѣшкѣ, изъ котораго выглядывали желѣзные кольца и молоты; онъ свирѣпо почесывалъ затылокъ и, закинувъ голову назадъ, осматривался почему-то очень пристально въ небо, покрытое густыми, бѣловатыми тучами. Къ нимъ-то толпа и напирала сильнѣе всего.

Каждый старался просунуть голову, чтобы только хоть вскользь, да поглядѣть на новыя березовыя колодки, лежавшія грудой у ногъ Вавилы.

Высокій, плѣшивый старикъ, стоявшій впереди другихъ, не утерпѣлъ даже, чтобы не прикоснуться къ нимъ нѣсколько разъ ногою.

— Эки штуки! произнесъ онъ наконецъ, проворно отдергивая ногу.

— А чего надо? сказалъ сурово Вавила: — не видалъ, что ли?...

— Нѣтъ, не приводилось, отвѣчалъ тотъ съ сожалѣніемъ: — занято больно....

— А что, дядя Вавила, я чай, куды тяжелы станутъ? спросила, въ свой чередъ, красная, какъ макъ, и востроносая, какъ птица, баба, вытягивая впередъ длинную, костлявую свою шею.

— Вистимо, тяжелы.... попробуй, отвѣчалъ кузнецъ.

— Ну, ты что лѣзешь, нешто не видала? пошла! вотъ какъ двину! вымолвилъ высокій, плѣшивый старикъ, выжимая востроносую бабу изъ толпы и снова устремляя круглые свои глаза на колодки — предметъ всеобщаго любопытства.

— Гдѣ ты ихъ срубилъ, дядя Вавила? въ осинникѣ, что ли? вымолвила румяная, курносая дѣвка, повязанная желтымъ платкомъ, высунувъ голову изъ-за плечь сгорбленной, сморщенной старушонки.

— Тебѣ на што?...

— Эхъ, я чай, побредетъ теперь нашъ Аятонъ, замѣтилъ кто-то далѣе: — вотъ привелось на старости лѣтъ надѣть сапожки съ какой оторочкою!...

— Подѣломъ ему, мошеннику!... А разѣ кто велѣлъ ему на старости лѣтъ принять такой грѣхъ на душу? шуточное дѣло — человека обообразь!...

— Да, братцы, не думали, не гадали про него, началъ опять другой: — дались мы диву: чтой-то у насъ за воры повелись, того обообрали да другаго... вотъ намедни у Стегнѣя все полот-

но вытащили.... а это, знать, все они чудили....
Антонъ-ать, видно, и подсоблялъ имъ такія дѣла
править: знамо, окромя своего, некому провѣ-
дать, у кого что есть....

— Подѣломъ ему, мошеннику, подѣломъ!...
Что вы его, разбойника, жалѣете, братцы....

— Тетка Федосья! была ты ономнясь на ули-
цѣ, какъ провели ту побирушку-то, что къ намъ,
бывало, на деревню шлялась?...

— Нѣтъ, матушка, не привелось видѣть. Вѣдь
она, сказываютъ, мать тому бѣдному-то?

— Мать.... Трифонъ Борисовъ баилъ, ужь та-
кая-то, говоритъ, злыдняя, нивѣсть, какая злыд-
ная: руку, говоритъ, чуть было не прикусила
ему, какъ вязать-то ее зачали.

— Что ты?

— Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, коли не
сказывалъ.... Вотъ, тетка Федосья, и на умѣ ни
разу не было, чтобы она была таковская: по-
глядѣть, бывало, смирная.... еще и хлѣбушки
подашь ей, бывало....

Словомъ, всюду въ толпѣ, окружавшей под-
воды, раздавались толки и пересуды.

Но вдругъ толпа зашумѣла громче, и со всѣхъ
сторонъ раздались голоса: «ведутъ! ведутъ!»

На противоположномъ концѣ улицы показа-
лись тогда Ермолай, Петръ, Архаровна и Антонъ;
впереди ихъ выступалъ съ озабоченнымъ, но
важнымъ видомъ Никита Федорычъ, провожае-
мый сотскими и старостами. По обѣимъ сторо-

намъ осужденныхъ шли нѣсколько человѣкъ этапныхъ солдатъ въ полной походной формѣ, съ ружьемъ и ранцемъ. Позади ихъ валила толпа народа. Между нею и Антономъ, который шелъ позади товарищей, тащилась, переваливаясь съ ноги на ногу и припадая безпрестанно на колѣни, Варвара, сопровождаемая Ванюшею и его сестрою, ревѣвшими на всю деревню. Въ сторонѣ отъ всѣхъ бѣжала, то тискалась, то разсыпаясь, нискливая ватага дѣвченокъ и ребятишекъ. Рыженькая хромая дѣвочка, прыгая на одной ножкѣ и коверкаясь, какъ бѣсенокъ, опережала всѣхъ.

— Пошли прочь! крикнулъ сердито Никита Федорычъ, расталкивая мужиковъ и бабъ, тѣснившихся вокругъ телѣгъ: — чего стали?... пошелъ, говорю. Ну, ты, вставай да набей-ка имъ колодки, мошенникамъ! А вы смотрите, братцы, продолжалъ онъ, обращаясь ласково къ старикамъ сотскимъ и солдатамъ: — не зѣвайте, держите ухо востро.

Никита Федорычъ отошелъ нѣсколько въ сторону.

Вавила приступилъ немедленно къ исполненію приказанія.

Въ толпѣ воцарилось глубокое молчаніе, такъ что съ одного конца улицы въ другой можно было ясно слышать удары молотка, которымъ кузнецъ набивалъ колодки.

— Эхъ, братъ, Вавила! произнесъ бойко Ермолай, подставляя ногу: — вотъ гдѣ привелось

свидѣться!... Помнишь, кумъ, какъ пивали вмѣстѣ? лихой, братъ, былъ ты парнюха!

— Садись, мошенникъ! сказалъ ему Никита Федорычъ: — садись. Вотъ, погоди-ка, тебѣ покажутъ парнюху.

Ермолай съ помощію сотскихъ взгромоздился на телѣгу подлѣ Архаровны и Петра.

Когда очередь пришла Антону и Вавила, усадивъ его на ось телѣги, ударилъ въ первый разъ по колодкѣ, посреди смолкнувшей толпы раздался вдругъ такой пронзительный крикъ, что всѣ невольно вздрогнули. Почти въ то же время къ ногамъ Антона бросилась Варвара; мужики впили за ней Ваню и Аксюшку. Понява Варвары распадалась лохмотьями; волосы ея, выпачканные грязью, обсыпали ей спутанными комками лицо и плечи, еле-еле прикрытыя дырявою рубахой. Въ безпамятствѣ своемъ она ухватилась обѣими руками за ноги мужа, сляся сорвать съ нихъ колодки.

— Отецъ ты нашъ!... отецъ, батюшка!... ой, родные, спасите вы меня.... не пущайте его, роднаго сиротинушку, на кручину лютую.... на кого-то, отецъ, оставишь ты насъ горемычныхъ?...

Далѣе ничего нельзя было разобрать: протяжное рыданіе заглушило ея несвязаную рѣчь. Ваня и сестра его стояли неподвижно подлѣ дяди и обливались слезами.

— Эй, братцы! закричалъ снова Ермолай: — мотрите, по старой дружбѣ, не давайте моихъ

ребятъ въ обиду! они не причастны!... Эй вы, дѣвки! и юбки-голубки, сорочки-бѣлобочки! присовокупилъ онъ, подмигивая глядѣвшимъ изъ толпы дѣвкамъ: — мотрите, будьте имъ отцами!...

Антонъ, сидѣвшій по сю пору съ видомъ совершеннаго онѣмѣнія, медленно приподнялъ голову, и слезы закапали у него градомъ.

Тогда сосѣдъ его Степанъ Бичуга, стоявшій неподалеку, приблизился къ нему и, потупя голову, сказалъ:

— Эхъ, свать Антонъ, не тѣмъ, братъ, товаромъ ты торгъ повелъ.... жаль мнѣ.... право, жаль тебя....

— Да что, отвѣчалъ, всхлипывая, Антонъ: — вѣдь я, видно, родился горемыкой, такъ тому и быть.... Жаль ребятокъ. Вѣдь тутъ дѣло видимое: попался съ ворами — виновать, кругомъ виновать. Надо бы объявить по начальству; да какъ объявить? братъ родной! жаль стало.... Ну вотъ теперь и поминай какъ звали....

Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но только махнулъ рукой и обтеръ обшлагомъ сермяги глаза, покорясь своей горькой долѣ.

— Ну, сажай его! сказалъ Никита Федорычъ, указывая сотскимъ на Антона: — а вы-то чтожь стоите?... Садись да бери возжи... что рты-то разинули!... эй вы, старосты, оттащите ее... было ей время напрощаться съ своимъ разбойникомъ.... отведите ее.... ну!...

— Батюшка! вскричала Варвара, судорожно

протягивая руки къ мужу. — Ба... тю... шка!!...
охъ, Антонушка!... охъ!!!

И баба грохнулась со всѣхъ ногъ наземь.

— Эхъ-ма, тетка Варвара! началъ опять Ермолай, взмогся на перекладину телѣги: — полно! его не разжалобишь — онъ указалъ на Никиту Федорыча — ишь, онъ какъ пузу-то выставилъ...

— Трогай! закричалъ сердито Никита Федорычъ, махнувъ рукою мужикамъ, усѣвшимся на облучки подводъ. — Они ударили по лошадямъ, присвистнули, и телѣги покатились къ околицѣ.

Толпа кинулась вслѣдъ за ними; спереди всѣхъ подлѣ самыхъ колесъ скакала, вертась и коверкаясь на одной ножкѣ, рыжая, хромая Анютка....

— Прощайте, ребята, прощайте! кричалъ Ермолай, размахивая въ воздухѣ шапкой: — не поминайте лихомъ! Прощайте, братцы! прощайте! насъ не забывайте!!...

.....

Телѣги приближались къ околицѣ. Въ это время бѣлыя густыя тучи, висѣвшія такъ неподвижно на небѣ, какъ бы разомъ тронулись, и пушистыя хлопья перваго снѣга повалили, кружась и вертась, на землю. Въ мигъ заблѣла улица Троскина, кровли избушекъ, старый колодезь, а наконецъ и поля, разстилавшіяся далеко-далеко вокругъ всей вотчины. Холодный вѣтеръ дунулъ сильнѣе, и снѣжная сѣть заколыхалась, какъ тяжелое необъятное покрывало.

Никита Федорычъ закутался плотнѣе въ свой

архалукъ и обернулся къ околицѣ; но ничего уже не увидѣлъ управляющій: даже крайнія избы села едва замѣтно мелькали сквозь пушистыя хлопья валившаго отовсюду снѣга.

— Эки мошенники! произнесъ онъ, отряхиваясь и продолжая путь: — вѣдь вогъ говорилъ же я, что вся семья такая... недаромъ не жалѣлъ я ихъ, разбойниковъ.... Ну, славу Богу, насилу-то наконецъ отдѣлался!... Экъ подумаешь, право, заварили дѣло какое.... съ однимъ судомъ недѣлю цѣлую почитай провозились... Ну, да ладно... теперь, по крайней мѣрѣ, и въ поминѣ ихъ не будетъ!...

Размышляя такимъ образомъ, Никита Федорычъ не замѣтилъ, какъ подошелъ къ конторѣ. Голосъ Анны Андреевны мгновенно вывелъ его изъ задумчивости.

— Никита Федорычъ! а, Никита Федорычъ! ступай чай пить, прокричала она, высовывая изъ форточки желтое лицо свое, перевязанное бѣлой косынкой: — ступай чай пить! полно тебѣ переваливаться-то!...

— Иду, иду, барыня-сударыня! отвѣчалъ супругъ съ достоинствомъ и вошелъ въ сѣни стараго флигеля, не замѣтивъ Фатимку, которая стояла за дверьми и, закрывъ лицо рученками, о чемъ-то разливалась-плакала.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНІЙ

А. А. ФЕТА.

I.

МЕТЕЛЬ.

Ночью буря разозлилась,
Крыша снѣгомъ опушилась,
И собаки по щелямъ.
Липнетъ глазъ отъ рѣзкой пыли,
И огни ужъ потушили
Вдоль села по всѣмъ дворамъ.
Лишь въ избушкѣ, за дорогой,
Одинокой и убогой,
Огонекъ въ окнѣ горитъ.
Въ той избушкѣ только двое.
Кто ихъ знаетъ, что такое
Братъ съ сестрою говоритъ:
«Помнишь то, что, умирая,
Говорили намъ родная
И родимый... отвѣчай.
Вотъ теперь, что день, то гонка,
И крикливаго ребенка,
Повѣкъ дѣвкою, качай.
И когда же вражья сила
Васъ свела? Вѣдь нужно жъ было

Завертѣться мнѣ въ извозъ!...
Иль отвѣтить не умѣешь?
Что молчишь и что блѣднѣешь?
Право, дѣвка, не до слезъ.»
«Братецъ милый, ради Бога,
Не гляди въ глаза мнѣ строго:
Я въ ночи тебя боюсь.»
«Хоть ты бойся, хоть не бойся,
А сойдуся, не безпокойся,
Съ нимъ посвойски разочтусь.»
Вѣтеръ пуще разыгрался...
Кто-то въ избу постучался.
«Кто тамъ?» братъ въ окно спросилъ.
«Я прохожій и отъ снѣга
До утра ищу ночлега.»
Чей-то голосъ говорилъ.
«Что жь ты руки-то поджала?
Люльку вдоволь, чай, качала.
Хоть грусти, хоть не грусти,
Нѣтъ меня, такъ нѣтъ и лѣни.
Побѣги проворнѣй въ сѣни
Да прохожагопусти.»
Чрезъ порогъ ступилъ прохожій.
Помолясь на образъ Божій,
Поклонился брату онъ;
А сестрѣ какъ поклонился,
Да взглянулъ, остановился,
Точно громомъ пораженъ.
Всѣ молчатъ... сестра блѣднѣетъ,
Никуда взглянуть не смѣетъ;

Изподлобья братъ глядитъ ;
Все молчитъ ; лучина съ трескомъ
Лишь горитъ багровымъ блескомъ ,
Да по кровлѣ вѣтръ шумитъ .

II.

ИЗЪ МУРА.

Прощай, Тереза! Печальные тучи,
Что томнымъ покровомъ луну облекли,
Еще помѣшаютъ улыбкѣ летучей,
Когда твой любовникъ ужъ будетъ вдали.
Какъ эти тучи, я долгою тѣнью
Мрачилъ твое сердце и жилъ безъ заботъ.
Сошлись мы — какъ вѣрила ты наслажденью,
Какъ вѣрила счастью, — о Боже! и вотъ
Теперь свободна ты, диво созданья:
Скорѣ тяжелый свой сонъ разгоняй;
Смотри, и луны ужъ прошло обаянье,
И тучи минуютъ... Тереза, прощай!

III.

Сядь у моря — жди погоды.
Отчего жъ не ждать?
Будто воды наши годы
Станутъ прибывать.
Поразвѣтъ пыль горячій,
Проминетъ бѣда,

И подъ камень подъ лежацій
Потечетъ вода.
И отступится кручина,
Что свекровь стара;
Накидаетъ намъ пучина
Всякаго добра.
Будто воды наши годы
Станутъ прибывать.
Сядь у моря — жди погоды.
Отчего жь не ждать?

IV.

ХИЖИНА ВЪ ЛѢСУ.

На лѣсъ насунулися тучи,
Морозить — трудно продохнуть;
Ни зги не видно, вихрь колючій
Сугробомъ переноситъ путь.

О, какъ онъ путнику несносенъ!
Но вотъ — надежда — огонекъ
Блеснулъ звѣздою изъ-за сосенъ:
Пріютъ знакомый недалёкъ.

Стучусь съ увѣренностью давней....
Знакомый голосъ за стѣной,
Какъ прежде лучъ, скользя межъ ставней,
Ложится яркой полосой.

«О, выйди! это я!»... Напрасно!...
Я слышу голосъ, вижу свѣтъ...

Все такъ безжизненно, безстрастно :
Отвѣта нѣтъ, привѣта нѣтъ!

Давно ль сюда рвался такъ жадно
Я съ одинокаго пути?
Здѣсь умирать такъ безотрадно
И силъ нѣтъ далѣе брести!

V.

*
* *

Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ,
Мать варила черешни вдали....
Мы съ тобой отворили калитку
И по темной аллеѣ пошли.

Шли мы розно. Прохлада ночная
Широко между нами плыла.
Я боялся, чтобъ въ помыслѣ смѣломъ
Ты меня упрекнуть не могла.

Какъ-то странно мы оба молчали
И страннѣй сторонились прочь....
Говорила за насъ и дышала
Намъ въ лицо благовонная ночь....

ЖЕНА ЧАСОВАГО МАСТЕРА.

РАЗСКАЗЪ

Н. Н. СТАНИЦКАГО.

Я шелъ по Невскому проспекту. Меня поразила огромная вывѣска часоваго мастера изъ Женевы. Вспомнивъ, что мнѣ нужно было починить часы, я зашелъ въ магазинъ, но въ немъ никого не нашелъ. За роскошнымъ прилавкомъ была дверь, драпированная бархатными занавѣсками. Она вела въ небольшую комнату, богато убранную, какъ мнѣ показалось въ зеркало, висѣвшее противъ самой двери. Я слышалъ чей-то разгоряченный голосъ и въ зеркалѣ увидѣлъ слѣдующую сцену: краснощокій полный мужчина, очень тщательно одѣтый, горячо говорилъ по французски женщинѣ, которая сидѣла на кушеткѣ, закрывъ лицо руками, и горько плакала.

Я кашлянулъ и увидѣлъ, какъ женщина съ испугомъ спрятала свое лицо въ подушку, лежащую на кушеткѣ, а краснощокій мужчина подбѣжалъ ко мнѣ, едва скрывая свое волненіе.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ онъ меня, при-
нужденно улыбаясь.

Я отдалъ починить часы и вышелъ. Проходя мимо окна, я увидѣлъ бѣлокурую женщину, прислонившуюся къ столу головкой; мнѣ показалось, что она все еще плакала. Стройная ея талія граціозно обрисовывалась въ этой позѣ. По ея простому и изящному туалету, я сейчасъ догадался, какой она націи. Мнѣ ужасно хотѣлось видѣть хорошенько ея лицо. Я старался обратить на себя ея вниманіе, вертѣлся у окна, и наконецъ я успѣлъ въ этомъ. Она довольно равнодушно смотрѣла на меня и съ замѣтной досадой отошла отъ окна. Меня поразило ея грустное и нѣжное лицо, съ длинными пепельными локонами.

Я долго прохаживался, думая еще разъ увидѣть ее... Дня три я только и думалъ о бѣлокурой женщинѣ и вечеромъ безъ церемоніи по цѣлымъ часамъ глазѣлъ въ ея окно. Комната, устланная мягкими коврами и убранная съ большимъ вкусомъ, освѣщалась матовой лампой, и яркій свѣтъ газа, выходящій изъ магазина, придавалъ ей особенный привлекательный видъ.

Разъ вечеромъ, по обыкновенію, я смотрѣлъ въ окно. Бѣлокурая женщина задумчиво сидѣла на кушеткѣ. Она печально склонила голову, и длинныя, прозрачныя пукли скрыли совершенно ея нѣжный и правильный профиль. На коврѣ у ея ногъ играли двѣ дѣвочки съ золотистыми кудрями. Повременамъ дѣти обнимали и съ любовью цаловали бѣлокурую женщину: тогда она нѣжно защищалась отъ шумныхъ ихъ ласкъ и,

грозя пальцемъ , указывала на магазинъ , гдѣ въ креслахъ дремалъ краснощокій мужчина съ газетой въ рукахъ.

Любопытные прохожіе , видя , что я стою у окна , начали тоже глазѣть. Вѣроятно , замѣтивъ толпу , обращавшуюся у ея окна , она встала и опустила стору. Я съ досадою растолкалъ любопытныхъ и хотѣлъ итти прочь , какъ вдругъ стора быстро поднялась. Я увидѣлъ краснощкаго мужчину , заботливо поправлявшаго занавѣски ; онъ что-то съ жаромъ говорилъ , обращаясь къ бѣлокурой женщинѣ. По испуганнымъ лицамъ дѣтей , я догадался , что онъ говорилъ. Не знаю , отчего , мнѣ стало вдругъ досадно на самого себя , и я подумалъ : что , если я буду причиной новыхъ ея слезъ ? и не помню , какъ очутился въ магазинѣ.

Меня встрѣтилъ краснощокій мужчина и просительно поклонился мнѣ.

— Мои часы готовы ? поспѣшилъ я спросить , хоть и помнилъ очень хорошо , что онъ обѣщалъ мнѣ ихъ черезъ недѣлю.

Часовой мастеръ спросилъ мою фамилію , сталъ рыться въ книгѣ и наконецъ объявилъ мнѣ , что черезъ недѣлю я могу получить ихъ.

Что дѣлать ! надо было итти , а мнѣ ужасно не хотѣлось итти : я видѣлъ въ зеркало бѣлокурую женщину , лежащую на кушеткѣ въ очень граціозномъ положеніи.

Я началъ прицѣниваться къ часамъ , какъ будто желая купить ихъ... Стукъ подѣхавшаго къ

магазину экипажа привелъ въ волненіе краснощокаго мужчину ; онъ остановился на половинѣ фразы, заглянулъ въ окно и самодовольно улыбнулся. Въ зеркалѣ же я видѣлъ совершенно противоположное впечатлѣніе, произведенное стукомъ подъѣхавшаго экипажа. Бѣлокурая женщина вскочила съ кушетки, потомъ опять сѣла и на прягла свой слухъ. Дѣти оставили свои игрушки и съ любопытствомъ глядѣли на нее.

Въ магазинъ вошелъ молодой человѣкъ, слышій въ то время въ Петербургѣ однимъ изъ первыхъ богачей и счастливцевъ въ женщинахъ, о чемъ, впрочемъ, можно было догадаться по самодовольному и гордому выраженію его лица. Онъ былъ высокъ, довольно полонъ, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, имѣлъ черные густые волосы, отличные зубы, круглыя его черты были правильны; однимъ словомъ, всѣ принадлежности красавца были соединены въ немъ. И онъ самъ, кажется, больше всѣхъ былъ увѣренъ въ несомнѣнныхъ своихъ тѣлесныхъ достоинствахъ.

Я не зналъ лично К*** (такъ его звали), но много слышалъ о его побѣдахъ и по этимъ рассказамъ имѣлъ нѣкоторое понятіе и о томъ, какой онъ человѣкъ.

Покровительно кивнувъ головой въ отвѣтъ на низкій поклонъ краснощокаго мужчины, онъ заглянулъ въ комнату.

Въ это время бѣлокурая женщина схватила дѣтей, прижала ихъ головки къ своей груди и,

оставаясь въ этомъ положеніи, съ ужасомъ чего-то ждала.

— Часы готовы? спросилъ К***.

— Сейчасъ! отвѣчалъ краснощокій мужчина по французски и крикнулъ въ комнату:

— Матильда!

Я не спускалъ глазъ съ зеркала. Меня бросило въ жаръ отъ отчаяннаго движенія, сдѣланнаго бѣлокурой женщиной.

К*** охорашивался у зеркала и, самодовольно улыбаясь, разглаживалъ свои черные бакенбарты.

— Матильда! грозно повторилъ краснощокій мужчина.

Матильда вскочила на ноги, поспѣшно поцаловала головки дѣтей и, оправляясь, пошла къ двери. Между тѣмъ, краснощокій мужчина, потерявъ терпѣніе и весь побагровѣвъ, кинулся къ двери. Они столкнулись и помѣнялись выразительными взглядами.

К*** очень любезно поклонился вошедшей Матильдѣ, она сухо отвѣчала на его поклонъ.

— Гдѣ часы г-на К***? спросилъ краснощокій мужчина.

— Они въ ящикѣ, Эдуардъ! съ досадою отвѣчала Матильда, указывая головой туда, гдѣ были спрятаны часы.

— К*** желаетъ видѣть! довольно выразительно подхватилъ Эдуардъ, а самъ кинулся ко мнѣ и, потирая руки, съ притворною улыбкою спросилъ:

— Ну-съ, что же вы желаете?

Разговаривая со мной, онъ бросалъ безпокойные взгляды на Матильду, которая рылась въ ящикѣ, ловко избѣгая взглядовъ К*** и на всѣ его нашептыванія лаконически отвѣчая: «да» и «нѣтъ».

— Эдуардъ! ихъ нѣтъ здѣсь, почти со слезами сказала она.

— Ахъ, извините, К***! воскликнулъ Эдуардъ и, обратясь къ Матильдѣ, указалъ на шкафъ, который стоялъ внѣ прилавка.

Матильда нерѣшительно подняла доску у прилавка и остановилась: графъ стоялъ такъ близко, что, проходя мимо, она непременно коснулась бы его.

Эдуардъ тревожно слѣдилъ за Матильдой.

— Скорѣе! ты заставляешь себя ждать! повелительно замѣтилъ онъ.

Матильда, какъ кошка, скользнула, и одинъ только локонъ, отлетѣвъ, слегка коснулся К***.

— *Charmante!* нѣжно прошепталъ К*** вслѣдъ Матильдѣ, которая быстро повернула голову и грустно-насмѣшливо улыбнулась.

Она открыла шкафъ и стала искать часы. Они лежали на самой верхней полкѣ. Матильда потянулась достать. Платье ея слегка затрещало. Она съ сердцемъ схватила табуретъ, ловко вскочила на него и достала часы. Мы всѣ трое не спускали глазъ съ Матильды. К*** подошелъ къ ней и подалъ ей руку; но Матильда небрежно кивнула ему головой, соскочила лего съ табурета и, скользнувъ за прилавокъ, съ шумомъ опустила

доску. Лукаво-гордая улыбка озарила ея грустное лицо. Отъ движенія или отъ внутреннихъ ощущеній, румянецъ показался на ея щекахъ и придалъ необыкновенный блескъ ея глазамъ.

Эдуардъ бросилъ гнѣвный взглядъ Матильду. Она подала часы К***. Снявъ перчатку и не безъ удовольствія посмотрѣвъ прежде всего на свою бѣлую, но толстую руку, К*** взялъ часы и въ тоже время прижалъ длинный пальчикъ Матильды, шепнувъ ей съ фамиллярной улыбкой:

— *Perfide!*

Отъ прикосновенія его руки Матильда вся вспыхнула и быстро выдернула свою руку... часы упали на стекло ящика, — трескъ смѣшался съ восклицаніемъ Матильды. Эдуардъ совершенно забылся, кинулся къ ящику и началъ горячо выговаривать ей.

К*** любовался волненіемъ Матильды, которая стояла блѣдная, опустивъ глаза; а Эдуардъ вертѣлъ часы, прикладывая ихъ къ уху, и вынималъ осколки стекла изъ ящика. Сцена была тяжелая. Я весь дрожалъ, глядя на Матильду. К***, кажется, тоже сжалился надъ ней и, указывая на дѣтей, робко выглядывавшихъ изъ дверей на свою мать, спросилъ:

— Это ваши малютки?

— Да, это мои дѣти, съ гордостью отвѣчалъ Эдуардъ и, обращаясь къ дѣтямъ, сказалъ: — Матильда! Луиза!

Дѣти спрятались. Эдуардъ приказалъ женѣ привести ихъ.

Я видѣлъ въ зеркало , какъ Матильда вытерла глаза и, взявъ дѣтей за руки , молча привела въ магазинъ.

Эдуардъ пропустилъ дѣтей черезъ прилавокъ, не подымая доски.

— Какія хорошенькія ! и которую зовутъ Матильдой?

И К***, лаская дѣтей , вопросительно глядѣлъ на мать , которая поправляла манжетку у рукава.

— Вотъ эту ! сказалъ Эдуаръ и указалъ на дѣвочку повыше ростомъ.

— Какъ похожа на мать ! сказалъ К***, и, взявъ за руку ребенка , онъ спросилъ : — ты любишь меня, Матильда ? и въ то же время бросилъ лукавый взглядъ на мать.

Мать вздрогнула.

Эдуардъ подошелъ ко мнѣ и довольно настойчиво спросилъ :

— Вы изволили выбрать, что вамъ нужно ?

Я былъ очень сконфуженъ этимъ простымъ вопросомъ , что-то пробормоталъ , неловко поклонился и вышелъ.

Когда я очутился на улицѣ , мнѣ стало досадно на себя, зачѣмъ я вышелъ изъ магазина. Вернуться было неловко. Я сталъ смотрѣть въ окно.

Эдуардъ и дѣти исчезли. Матильда одна оставалась съ К***, который совершенно лежалъ на прилавкѣ.

Мнѣ было смѣшно самому ; но я что-то странное чувствовалъ...

Матильда подняла стекло у ящика , вѣроятно,

чтобъ показать К*** часы, которые онъ требовалъ, и К*** поцаловалъ ея руку, которою она придерживала стекло. Матильда быстро опустила стекло, бросила сердитый взглядъ на К***, гордо вышла изъ магазина и въ отчаяніи бросилась на кушетку.

Эдуардъ какъ изъ земли выросъ и съ низкими поклонами проводилъ К*** изъ магазина. Сердце у меня забилося, когда Эдуардъ пошелъ въ комнату, гдѣ сидѣла Матильда. Она была въ сильномъ волненіи и безпрестанно мѣняла позы, какъ будто желая придать себѣ болѣе смѣлости. Мнѣ стало страшно, когда я увидѣлъ ихъ вмѣстѣ. Я кинулся въ магазинъ, самъ не зная хорошенько, что дѣлаю. Отворяя двери, я слышалъ слѣдующія слова;

— Сударыня! наша торговля не пойдетъ, если вы будете капризничать!...

Не очень ласково встрѣтилъ меня разгоряченный Эдуардъ.

— Да чего вы хотите отъ меня? рѣзко спросилъ онъ, не скрывая болѣе своей досады.

Я купилъ часы, очень дурные, заплатилъ довольно дорого и вышелъ изъ магазина.

Съ этого дня я началъ почти каждый день забѣгать въ магазинъ по вечерамъ и безпрестанно прохаживался около магазина, подсматривая за К***.

Въ Петербургѣ заговорили объ удивительной красавицѣ, недавно появившейся. Въ магазинѣ была давка отъ молодежи. Матильда безвыходно

была въ немъ; но я замѣтилъ, что хорошая торговля не очень радовала ее. Она примѣтно худѣла и была печальна.

Я смѣялся самъ надъ собою, иногда даже очень хладнокровно разсуждалъ, къ чему всѣ эти глупости. Но разсужденія мои оканчивались тѣмъ, что я бѣжалъ въ магазинъ, чтобъ хоть минуту посмотреть на Матильду.

При моемъ появленіи, Матильда весело улыбалась мнѣ, ласково кивала головкой, оставляла другихъ покупателей и занималась мною. Это мнѣ льстило. Я много накупилъ часовъ и портилъ ихъ нарочно, съ цѣлью имѣть предлогъ лишній разъ забѣжать въ магазинъ. Все это расположило Эдуарда ко мнѣ, и онъ сталъ встрѣчать меня тоже очень ласково и даже удалялся изъ магазина при моемъ появленіи. Я замѣтилъ разъ Матильдѣ, отчего не видать ей дѣтей, — она отвѣчала мнѣ печально, что ихъ отдали въ пансіонъ, и прибавила съ странной улыбкой, что ей кажется рано еще учить ихъ, но что дѣлать: ихъ отецъ такъ желаетъ...

Скоро произошли значительныя измѣненія въ магазинѣ. Матильда сидѣла на возвышеніи, особенно устроенномъ для нея, и вписывала въ книгу фамиліи покупателей. Туалетъ ея былъ великолѣпный, и, сидя на возвышеніи, она невольно напоминала мнѣ изящное произведеніе, выставленное на этажерку для эффекта.

Вполнѣ почувствовавъ глупость своего положенія, я далъ себѣ слово наконецъ выйти изъ

него , сталъ вести жизнь самую разгульную , съ утра до ночи проводилъ время въ шумной компаніи. Наружно я былъ веселъ , но , возвращаясь домой , чувствовалъ непреодолимую тоску.

Однакожь , я не ослабѣлъ въ моей рѣшимости , хотя и продолжалъ смѣяться надъ своей страстью. Разные слухи уже ходили по городу насчетъ Матильды и К*** , который по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ магазинѣ...

Разъ я поѣхалъ въ маскарадъ. Шумъ и жаръ разволновали меня; притомъ , я очень много пилъ вина за обѣдомъ , желая заглушить тоску , мучившую меня въ тотъ день. Мнѣ это не удалось. Къ довершенію тоски , я только получилъ старшую головную боль и , толкаясь въ шумной толпѣ , чувствовалъ сильное желаніе всю ее изувѣчить... вдругъ между колоннами мелькнуло очень знакомое мнѣ лицо. Эдуардъ endimanché стоялъ подъ руку съ маскою въ роскошномъ домино. Мнѣ не нужно было долго всматриваться: сердце сказало мнѣ , что это Матильда. Стройный ея станъ , ея маленькая ручка и пепельные волосы , — все это завертѣлось передъ моими глазами.

Домино и маска придаютъ какую-то восхитительную таинственность женщинѣ , особенно , если знаешь , что она хороша , и еще болѣе , если влюбленъ въ нее. Я спрятался за колонну , долго любовался Матильдою и удивлялся очень просто-душно , какъ это я давно съ ума не сошелъ отъ нея.

Они молчали. Эдуардъ тревожно глядѣлъ во

всѣ стороны. Матильда, печально наклонивъ голову, стояла подлѣ него. На лицѣ Эдуарда замѣтилъ я вдругъ вспыхнувшее волненіе. К*** былъ окруженъ толпою, изъ которой онъ старался высвободиться. Какъ бы въ насмѣшку, толпа остановилась у самой колонны. К*** дружески кивалъ головою Эдуарду и дѣлалъ страшныя усилія, чтобъ пробиться къ нему.

— Какая жара, какая тѣснота! бормоталъ К***, подходя наконецъ къ Эдуарду. — Вотъ это хорошая маска! прибавилъ онъ, небрежно разглядывая Матильду. — Съ кѣмъ это? спросилъ онъ, какъ будто не узнавая ея, и, не дождавшись его отвѣта, продолжалъ, грозя пальцемъ Эдуарду: — хорошо, вотъ я скажу вашей женѣ: вы дѣлаете ей невѣрности.

— Да это моя жена! самодовольно смѣясь, сказалъ Эдуардъ.

— А, а, а, Матильда, Матильда! это вы? Извините. Не угодно ли пройти по залѣ? спросилъ К***, подавая ей руку.

Матильда стояла, какъ статуя. Эдуардъ выпустилъ ея руку. К*** повторилъ свое предложеніе и въ то же время, не церемонясь, взялъ подъ руку Матильду и крѣпко сжалъ эту руку, какъ будто боясь, что Матильда убѣжитъ отъ него: они исчезли въ толпѣ.

Я задыхался отъ злобы. Эдуардъ усердно вытиралъ платкомъ свое полное, лоснящееся лицо; онъ пошелъ въ сѣни, я за нимъ. Я чувствовалъ желаніе нагрубить ему. Онъ взялъ по контра-

маркѣ свою шинель и салонъ Матильды, который передалъ лакею, щегольски одѣтому en bourgeois. Я чуть не закричалъ, увидавъ, что Эдуардъ уходитъ. Я спросилъ лакея, чей онъ; но лакей съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня, отвернулся и ничего не отвѣчалъ. Я кинулся въ залу отыскивать Матильду и скоро нашелъ ее: она разсѣянно слушала нашептываніе К***, тоскливо осматриваясь. Кровь бросилась мнѣ въ голову при мысли: что еслибъ она знала, гдѣ тотъ, котораго она ищетъ!

Я былъ въ совершенномъ отчаяніи; мнѣ хотѣлось плакать, кричать. Я рѣшительно не могъ видѣть К*** вмѣстѣ съ Матильдой. Но какъ отвлечь его отъ нея? Я задумался и вдругъ вскрикнулъ отъ радости: мнѣ пришла счастливая мысль... а господинъ, шедшій возлѣ меня, началъ извиняться, вѣрно, думая, что наступилъ мнѣ на ногу: могъ ли онъ знать, что еслибъ меня въ эту минуту кололи булавками, я бы не замѣтилъ и этого? Долго упрашивалъ я разныхъ масокъ оказать мнѣ услугу: поинтриговать К***: русскія дамы обижались, французженки осыпали меня островами; наконецъ одна маска-французженка выскочила изъ толпы, окружавшей ее, и громко закричала:

— Съ условіемъ: ужинъ и бутылку шампанскаго!

— Дюжину! радостно сказалъ я, и мы побѣжали по залѣ, сопровождаемые насмѣшками.

Я училъ свою маску, что и какъ говорить К***;

она слушала меня нетерпѣливо. Мы догнали К***. Я указалъ на него — маска моя воскликнула :

— Боже, это онъ! А, а, измѣнникъ! ты будешь наказанъ! стиснувъ зубы, пробормотала она и, обращаясь ко мнѣ, выразительно пожала мнѣ руку и прибавила: — будь покоенъ, онъ не уйдетъ отъ меня!

Она атаковала К*** и тащила его отъ Матильды. Онъ находился въ волненіи. Ему не хотѣлось оставить Матильду ; но то , что я научилъ маску сказать ему, было для него очень важно.

Я тихо шепнулъ Матильдѣ:

— Старайтесь оставить руку графа.

Матильда радостно вскрикнула.

Я отскочилъ назадъ, потому-что К*** повернулся къ Матильдѣ и спросилъ, что съ ней.

— На ногу наступили... я сяду ! сказала Матильда.

— Хорошо, хорошо...я сейчасъ приду, сейчасъ! сказалъ тревожно К***, сажая Матильду на стулъ, и почти силою былъ увлеченъ моей заговорицей.

Я кинулся къ Матильдѣ. Она радостно схватила меня подъ руку , и мы побѣжали. Много мы обѣжали залъ. Я подвелъ ее къ уборной , оставилъ ея руку , вѣжливо поклонился и сказалъ :

— Вы свободны.

Она пожала мнѣ руку и быстро сказала:

— Отъищите мнѣ мужа.

— Вашъ мужъ уѣхалъ домой, отвѣчалъ я.

— Не можетъ быть ! съ ужасомъ воскликнула

она и , взявъ меня за руку , умоляющимъ голо-
сомъ прибавила : — что же я буду дѣлать ?

Она дрожала, какъ дитя , заблудившееся въ
лѣсу.

— Вотъ деньги: купите въ уборной другое до-
мино, надѣньте сверхъ вашего: тогда мы можемъ
смѣло остаться здѣсь; мнѣ нужно съ вами гово-
рить, таинственно сказалъ я.

Черезъ пять минутъ Матильда явилась передо
мною въ простомъ домино и въ цвѣтной маскѣ.
Мы, какъ дѣти, бѣгали по залѣ , смѣялись. Мнѣ
сдѣлалось такъ весело и легко; она чуть не пры-
гала и отъ души смѣялась моимъ самымъ пош-
лымъ остроуміемъ. Мнѣ было не до остроумія.

Вдругъ мы увидѣли К***, съ злобнымъ лицомъ
бѣгущаго по залѣ. Веселость наша исчезла. Ма-
тильда крѣпко прижалась ко мнѣ и съ ужасомъ
сказала :

— Онъ меня ищетъ , онъ узнаетъ меня !

— Полноте ! развѣ вы забыли , что перемѣни-
ли домино? замѣтилъ я.

К*** заглядывалъ въ лицо каждой маскѣ. Онъ
пробѣжалъ мимо насъ , но вдругъ , какъ бы по
инстинкту , вернулся назадъ и началъ осматри-
вать Матильду съ ногъ до головы. Я шепнулъ ей:

— Ради Бога, не прячьтесь!

К*** презрительно посмотрѣлъ на меня , вѣро-
ятно, припоминая мои частыя встрѣчи съ нимъ
въ магазинѣ часоваго мастера, и кинулся дальше
искать Матильду.

Матильда сѣла на окно.

— Здѣсь дуетъ, замѣтилъ я.
— Мнѣ жарко,
— Тѣмъ опаснѣе: легче простудиться.
— О, я очень желала бы! съ непринужденною веселостью сказала Матильда.

— Развѣ вы не любите жизни?
— Нисколько!
— Вы еще молоды и хороши...
— Можетъ быть, потому-то я и ненавижу жизнь, съ горячностью перебила она меня и болѣе твердымъ голосомъ прибавила: — клянусь вамъ, мнѣ такъ тяжело въ эту минуту, что если бы вы хоть сколько нибудь были расположены ко мнѣ, то я увѣрена, что у васъ не дрогнула бы рука прекратить мои страданія!

Матильда такимъ голосомъ сказала это, что у меня волосы стали дыбомъ. Она тихо рыдала, прислонясь къ холодному стеклу.

— Матильда! полно-те, поберегите себя.
— Для чего? съ отчаяніемъ спросила она меня и съ сердцемъ рванула маску, но, опомнясь, поправила ее.

— А ваши дѣти? сказала я, случайно вспомнивъ о нихъ.

Матильда вздрогнула, тоскливо схватила себя за грудь, болѣзненно вздохнула и закашлялась.

Я дрожалъ; холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ. Кашель былъ подозрителенъ. Она долго-долго кашляла.

— У васъ кашель, вы простудились? сказалъ, самъ не зная, что говорю.

Матильда какъ-то странно засмѣялась, растегнула свое домино и, сложивъ руки на груди, съ минуту оставалась неподвижна.

Я замѣтилъ на ея, какъ паутина тонкомъ, носовомъ платкѣ кровь. Я догадался, что значитъ ея странный смѣхъ, и дрожа, умоляющимъ голосомъ сказалъ:

— Матильда, Матильда!

— А? что? съ испугомъ спросила она, какъ бы удивясь, что она не одна.

— О чемъ вы думали? тревожно спросилъ я.

— О своей родинѣ.

— Вы ее любите? вы скучаете по ней?

— Очень! да я здѣсь еще ни разу не чувствовала себя легко... мнѣ все холодно, мнѣ все скучно, я убѣжала бы куда нибудь, еслибъ не мои дѣти.

— Какимъ образомъ вы пріѣхали сюда? спросилъ я, полный участія къ судьбѣ этой молодой, но уже такъ несчастной женщины.

— Очень странно! Мы жили въ Женевѣ очень порядочно. Эдуардъ имѣлъ магазинъ, замужъ за него я вышла почти ребенкомъ, любила... нѣтъ, я такъ была молода, что всѣхъ тогда любила; но что было вѣрно, это то, что Эдуардъ меня любилъ... И вотъ у насъ уже было двое дѣтей; я жила довольно счастливо, въ кругу моихъ родныхъ. Вдругъ изъ Петербурга возвратился одинъ пріятель Эдуарда, тоже часовой мастеръ. Онъ привезъ огромный капиталъ. Это такъ поразило Эдуарда, что онъ спалъ и видѣлъ, какъ бы ѣхать въ

Петербургъ. Ни мои слезы, ни мои мольбы, ничто не дѣйствовало. Самолюбіе его было оскорблено: онъ считался извѣстнымъ мастеромъ въ Женевѣ — и четверти не имѣлъ того, что привезъ его пріятель, самый плохой мастеръ. Мы пріѣхали въ Петербургъ...

Матильда остановилась: вѣрно, ей трудно было высказывать свои страданія; но, собравшись съ силами, она продолжала:

— Я очень скучала: дѣла шли дурно, Эдуардъ сдѣлался страшно сварливъ. Я не узнавала его, Онъ сталъ бѣгать изъ дому: все ему не нравилось. И вотъ уже другой годъ, какъ я страдаю въ этомъ городѣ; но я уѣду... да, я не хочу здѣсь жить!

— Если вы не уѣдете отсюда, такъ будьте осторожны, замѣтилъ я.

— Но что же мнѣ дѣлать, когда Эдуардъ... начала отчаяннымъ голосомъ Матильда, но вдругъ остановилась и, какъ бы разсуждая сама съ собою, продолжала: — о, я знаю, я все вижу, какая ихъ цѣль; но они никогда не достигнутъ ея! нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно прибавила она.

— У васъ есть родные? спросилъ я.

— Да, отецъ и мать.

— Поѣзжайте къ нимъ или напишите имъ обо всемъ, чтобъ хоть они сюда пріѣхали.

— Они не повѣрятъ мнѣ! чего же лучше, я сама иногда едва вѣрю своимъ глазамъ! съ ужасомъ сказала она.

У меня неостало болѣе совѣтовъ для нея.

— Знаете ли, что? я вамъ все скажу... да, все... я не люблю его больше! со страхомъ сказала она.

— Кого? Эдуарда? спросилъ я, — и у меня невольно показалась улыбка.

Матильда приложила палецъ къ губамъ.

— Онъ не стòитъ васъ! вы женщина, для которой можно жизнь отдать.

Матильда принужденно засмѣялась и сказала:

— Странно! а Эдуардъ не хотѣлъ мнѣ пожертвовать своимъ капризомъ. Но этотъ капризъ дорого будетъ ему стоить!

Она произнесла такъ медленно и строго эту фразу, что я испугался.

— Матильда! если у васъ есть силы, то не тратьте ихъ на преступленіе, боритесь съ обстоятельствами до послѣдней капли крови: можетъ быть, вы останетесь побѣдительницей. О, Матильда! вы, вѣрно, непоняли жизни: иначе, вы не стали бы такъ легко предаваться отчаянію... Вы, вѣрно, никого не любили? вдругъ спросилъ я ее.

— Меня никто не любилъ, грустно отвѣчала она.

— А если бы вы узнали, что васъ любятъ истинно, и доказали бы вамъ это? въ волненіи спросилъ я.

— Вы, кажется, намѣрены мнѣ дѣлать объясненіе въ любви? насмѣшливо спросила Матильда.

— Я замолчу, если васъ это оскорбляетъ, грустно сказалъ я и повѣсилъ голову.

— Нѣтъ, говорите! говорите! быстро сказала

она: — развѣ можетъ оскорбить женщину, когда ее любятъ искренно? Мнѣ кажется, что тутъ нѣтъ ничего преступнаго.

И Матильда вопросительно глядѣла на меня.

Мнѣ было очень тяжело: я думалъ найти въ ней уже болѣе развитую женщину, а она еще была дитя.

Матильда подвинулась ближе ко мнѣ и вкрадчивымъ голосомъ сказала:

— Послушайте, я вамъ скажу все, что у меня на душѣ. Я такъ привыкла къ совѣтамъ, что, видите, я погибаю безъ нихъ. Въ дѣтствѣ я каждую мысль, каждое сомнѣніе повѣряла своей матери, которая сердилась страшно на меня, если я что нибудь скрывала отъ нея. Потомъ, когда я выросла, я прибѣгала за совѣтами къ моему наставнику. Ахъ, еслибъ онъ былъ здѣсь! со вздохомъ сказала она.

— Ну, что же? онъ сказалъ бы вамъ: «терпи, дитя мое!»

— О, я стала бы терпѣть, если бы онъ мнѣ только это сказалъ: мнѣ было бы легче.

Я улыбнулся.

— Чему вы смѣетесь? неужели вамъ меня не жаль? съ упрекомъ спросила она.

— Боже! да я готовъ все для тебя сдѣлать! сказалъ я съ жаромъ и схватилъ ея руку.

— А, это ужъ полное объясненіе! сказала она и съ сердцемъ отодвинулась отъ меня.

— Ну что же! да, я давно васъ люблю, я...

— Не говорите мнѣ про любовь. Я ненавижу

тѣхъ , кто мнѣ про нее говоритъ ! съ отвращеніемъ сказала она.

— Я, можетъ быть, напоминаю вамъ...

— Замолчите! ни слова о нихъ, если вы не хотите навести на меня тоску... Я хочу веселиться... да, я хочу !

И Матильда начала болтать и смѣяться. Мы забылись совершенно , болтали безъ умолку. Залы опустѣли, а мы все еще болтали и рѣшительно не замѣчали времени. Мы близко придвинулись другъ къ другу; ея рука была въ моей, другая лежала на спинкѣ стула. Матильда изрѣдка прислонялась къ ней, и я слегка прижалъ ее; мы сидѣли молча и только смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Извольте выходить : подъѣздъ запирають, сказалъ подошедшій къ намъ лакей.

Мы вздрогнули. Матильда прижалась ко мнѣ и съ ужасомъ сказала:

— Боже ! все пусто , мы одни!

Страхъ ея усилился, когда она заглянула въ окно.

— Какъ свѣтло ! О , уѣдьте скорѣе отсюда!

И Матильда пришла въ страшное отчаяніе.

— Я васъ довезу , не безпокойтесь.

— Нѣтъ, я не поѣду съ вами! рѣшительно сказала она.

Я улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ну , хорошо , я пойду пѣшкомъ, а вы поѣжайте въ моей каретѣ.

Матильда взяла меня за руку . Мы сѣли въ ка-

рету. Долго мы спорили, кому надѣть шинель, и наконецъ рѣшили раздѣлить ее пополамъ.

— Прощай, сказала Матильда, придвигаясь все ближе ко мнѣ: — я больше не хочу тебя видѣть! и не могу, потому что я...

Она сорвала маску и быстро поцаловала меня въ лобъ. Я вскрикнулъ. Матильда плотно прижалась въ противоположный уголъ кареты и горько заплакала.

Я не могъ слова произнести. Голова у меня страшно кружилась; я задыхался. Карета остановилась у дома Матильды.

— Боже! мы пріѣхали! въ отчаяніи воскликнулъ я и умолялъ ее хоть двѣ минуты подождать.

— Нѣтъ, не могу! вырываясь изъ моихъ объятій, сказала она и, бросивъ мнѣ въ лицо маску, выскочила изъ кареты.

Я хотѣлъ было кинуться за ней; но сонное лицо Эдуарда, круглое, какъ огромные часы на его вывѣскѣ, появилось у окна и вытаращило на меня глаза. Я спрятался въ карету. Долго я ожидалъ, воображая, что вотъ сейчасъ явится Матильда, сядетъ со мною, и мы поѣдемъ далеко, далеко...

Послѣ этой ночи Матильда исчезла изъ магазина. Эдуардъ грубо меня принялъ. Я не рѣшался болѣе зайти въ магазинъ, чувствуя, что пышныя его щоки могутъ еще сильнѣе зарумяниться. Я писалъ къ Матильдѣ и получилъ отъ нея слѣдующій отвѣтъ:

«Эдуардъ раздраженъ: берегитесь его, или,

лучше сказать, пощадите меня. Онъ хочетъ написать въ Женеву, что я... Я виновата, я забылась; но онъ вѣрить не хочетъ, чтобъ между нами не было серьёзной связи. Я всѣмъ пожертвую, чтобъ загладить свою вину: я посвящу себя дѣтямъ, которыхъ я выше всего люблю теперь! я хочу предостеречь ихъ отъ той участи, которая постигла ихъ мать... надѣюсь на ваше благородство, которое вы мнѣ доказали...» и проч.

Я прекратилъ всякія покушенія видѣть Матильду и скоро уѣхалъ въ деревню. Мнѣ сначала было тяжело и грустно; но съ чѣмъ нельзя свыкнуться? Возвратясь въ Петербургъ осенью, я узналъ, что магазинъ Эдуарда сдѣлался первымъ. Я слышалъ много о Матильдѣ и К^{***}, но не вѣрилъ. Однако, доказательства не замедлили подтвердить эти слухи: я встрѣтилъ Матильду въ великолѣпной каретѣ; она была вся въ бархатѣ и соболяхъ. Печально поклонился я ей; она спряталась отъ меня. Потомъ я встрѣчалъ ее на всѣхъ гуляньяхъ, въ театрахъ и не могъ не любоваться этой женщиной. Она была всегда одѣта богато, но съ такимъ вкусомъ, съ такой благородной простотой, что обращала на себя вниманіе всѣхъ. Мнѣ показалось, что это льстило ея самолюбію. Если бы не кашель, который поминутно душилъ ее, и страдальческій видъ, который принимало лицо ея во время этихъ припадковъ, то ее можно было бы почестъ за самую счастливую женщину...

Черезъ нѣсколько лѣтъ, путешествуя по Европѣ, я заѣхалъ въ Женеву. Меня поразила вывѣска одного часоваго мастера: имя его напомнило мнѣ многое — мою молодость, мою глупость! Я узналъ, что Эдуардъ, овдовѣвъ, вернулся на родину съ дочерьми, которыя слыли красавицами, и что магазинъ только подъ его именемъ, а онъ покоится на лаврахъ, вывезенныхъ имъ изъ Россіи.

Все это мнѣ разсказалъ хозяинъ отеля и съ восторгомъ прибавилъ:

— Господи, сколько въ вашей странѣ денегъ!

Вѣрно, вслѣдствіе этого восторга, при расчетѣ, онъ взялъ съ меня вдвое дороже, чѣмъ съ другихъ путешественниковъ.

ТЬМА.

(Изъ Байрона.)

И. С. ТУРГЕНЕВА.

Я видѣлъ сонъ... не все въ немъ было сномъ.
Погасло солнце свѣтлое, и звѣзды
Скитались безъ цѣли, безъ лучей
Въ пространствѣ вѣчномъ; льдистая земля
Носилась слѣпо въ воздухѣ безлунномъ.
Часъ утра наставалъ и проходилъ,
Но дня не приводилъ онъ за собою...
И люди, въ ужасѣ бѣды великой,
Забыли страсти прежнія... Сердца
Въ одну себялюбивую молитву
О свѣтъ робко сжались и застыли.
Передъ огнями жилъ народъ; престолы,
Дворцы царей вѣнчанныхъ, шалаши,
Жилища всѣхъ имѣющихъ жилища
Въ костры слагались... города горѣли...
И люди собирались толпами
Вокругъ домовъ пылающихъ, за тѣмъ,
Чтобы хоть разъ взглянуть въ лицо другъ другу.
Счастливы были жители тѣхъ странъ,
Гдѣ факелы вулкановъ пламенѣли...
Весь міръ одной надеждой робкой жилъ....

Зажгли лѣса; но съ каждымъ часомъ гасъ
И падалъ обгорѣлый лѣсъ; деревья
Внезапно съ грознымъ трескомъ обрушались...
И лица, при неровномъ трепетаньи
Послѣднихъ, замирающихъ огней,
Казались неземными... Кто лежалъ
Закрывъ глаза да плакалъ; кто сидѣлъ
Руками подпираясь, улыбался;
Другіе хлопотливо суетились
Вокругъ костровъ и въ ужасѣ безумномъ
Глядѣли смутно на глухое небо,
Земли погибшей саванъ.... а потомъ
Съ проклятьями бросались въ прахъ и выли,
Зубами скрежетали. Птицы съ крикомъ
Носились низко надъ землей, махали
Ненужными крылами... даже звѣри
Сбѣгались робкими стадами... Змѣи
Ползли, вились среди толпы, шипѣли
Безвредныя. Ихъ убивали люди
На пищу... Снова вспыхнула война,
Погасшая навремя... Кровью купленъ
Кусокъ былъ каждый. Всякій въ сторонѣ
Сидѣлъ угрюмо, насыщаясь въ мракѣ.
Любви не стало. Вся земля полна
Была одной лишь мыслью: смерти, смерти
Безславной, неизбѣжной... Страшный голодъ
Терзалъ людей, и быстро гибли люди...
Но не было могилы ни костямъ,
Ни тѣлу: пожиралъ скелетъ скелета...
И даже псы хозяевъ раздирали.
Одинъ лишь песъ остался трупъ вѣренъ,

КРАСИЛЬНИКОВЫ.

ПОВѢСТЬ

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО (псевдонимъ).

Посв. В. И. Далю-Луганскому.

Упрямаго не возьметъ ни отваръ, ни присыпка.

Горе что ногти растеть, а счастье что кудри сѣчется.

Пословицы.

Мы остановились въ уѣздномъ городѣ С., чтобы взглянуть на кожевенные заводы купца Красильникова. Нетрудно было отыскать домъ этого заводчика: лучшій во всемъ городѣ, онъ находится неподалеку отъ древняго собора, обезображеннаго пристройками — въ новѣйшемъ вкусѣ. Домъ Красильникова каменный, двухэтажный. Въ верхнемъ жильѣ его, на окнахъ съ зеркальными стеклами, стояли незатѣйливыя гипсовыя изображенія Вольтера, Суворова, Тальиони, зеленого попугая съ коричневымъ носомъ и разноцвѣтной кошки, у которой голова покачивалась при малѣйшемъ прикосновеніи. Въ среднемъ окнѣ виднѣлись дорогіе столовые часы, и на стеклѣ другаго были налѣплены вырѣзан-

ныя изъ голубой бумаги подобія лошади и чего-то такого въ родѣ буквы Ф, съ раздвоеннымъ нижнимъ концомъ и трехуголкой съ перьями наверху. Въ нижнемъ жильѣ въ окна были вдѣланы толстыя желѣзныя рѣшетки, а стекла выбиты. На цоколѣ краснымъ карандашемъ были написаны, въ нѣсколько рядовъ, бирочные знаки: кресты, кружки, черточки — эта открытая на весь міръ расходная книга прикащика, отпускавшего кому-то опойки.

Ворота были заперты. Я стукнулъ тяжелымъ желѣзнымъ кольцомъ о дубовое полотно калитки: раздался сиплый лай цѣпной дворняжки, и въ подворотнѣ показались три собачьи морды, которыя скалили на насъ зубы и заливались глухимъ ревомъ. Щеколда стукнула изнутри, и краснолицая, курносая дѣвка-чернавка, вершковъ четырнадцати въ отрубѣ, одѣтая въ засаленный московскій сарафанъ изъ ивановскаго ситца, просунулась до половины въ калитку и спросила насъ:

— Кого вамъ надать?

— Корнила Егорычъ дома?

— А отдыхаетъ: сейчасъ пообѣдали.

— Когда же его можно видѣть?

— А не знаю же я. Да вы отколева будете?

— Изъ П...

Я назвалъ губернскій городъ.

— По кожу, что ль, али по сало?

— Нѣтъ, а нужно такъ хозяина повидать. Когда же его застать-то?

— Не вѣду. Спрошать развѣ Марью Андревну, коли не започивала.

Она заперла калитку и ушла, — воротясь минутъ черезъ пять, снова просунулась въ калитку и сказала:

— Въ вечерню приходите, а не то завтра, послѣ ранней обѣдни.

— Ну, завтра, такъ завтра.

Мы съ путевымъ моимъ товарищемъ хотѣли уже направить стопы свои къ постоялому двору, на которомъ остановились, за неимѣніемъ въ С. гостинницы; но дѣвка еще спросила насъ, уже сама для себя, для удовлетворенія собственнаго любопытства:

— А вы сами-то изъ какѣхъ будете? прикащики, что ли, чьи?

— Нѣтъ.

— А кто же вы?

— Мы чиновники.

— Изъ судовъ, видно?

— Отъ губернатора.

Слово, мной сказанное, имѣло обычную въ уѣздномъ городѣ чародѣйную силу: не прошли мы ста сажень, какъ послышался за нами звонкій крикъ:

— А обождите-ка, воротитесь-ка: Корнила Егорычъ велѣлъ васъ кликнуть.

Босоногая дѣвка бѣжала во всю мочь. Ее перегоняли три собаки, и одна изъ нихъ успѣла мигомъ вцѣпиться въ полу моего спутника.

— Лыска! лыска! цыма-те! Экой пострѣлъ, кабанъ проклятой!

И, схвативъ валявшуюся на улицѣ слегу, дѣвка принялась колотить направо и налево вѣрныхъ стражей Корнилы Егорыча. Собаки завизжали и побѣжали на дворъ. Путеводимые своей спасительницей отъ ихъ ярости, мы взошли на дворъ и миновали парадное крыльцо, на которомъ обглоданные мослы и сбитое сѣно свидетельствовали о мѣстопробываніи враговъ нашихъ, и теперь еще изподтишка бросавшихся то мнѣ, то товарищу подъ ноги. Обогнувъ уголъ дома, взошли мы по заднему крыльцу, нагибаясь подъ протянутыя веревки, на которыхъ было развѣшано для просушки бѣлье. По всему двору крѣпко пахло кожей.

Темными закоулками провела насъ дѣвка-чернавка въ обширную комнату—«залу», и, сказавъ, что хозяинъ сейчасъ выйдетъ, оставила насъ однихъ.

По убранству комнаты видно было, что Корнила Егорычъ человѣкъ домовитый, и что, разбогатѣвъ, онъ изъ кожи лѣзъ, чтобъ на славу разукрасить жилище свое: денегъ не жалѣлъ, покупалъ все безъ разбору и платилъ въ-три-дорога, да все невпопадъ. Вотъ отдѣлалъ онъ стѣны подъ мраморъ, раззолотилъ карнизы, настлалъ дубовый мелкоштучный паркетъ, покрылъ его шелковыми коврами, надъ окнами развѣсилъ бархатные занавѣсы. А вотъ на стѣнѣ плохая литографія Василья Логинова, въ углу

клѣтка съ перепеломъ, а на окнахъ между кактусовъ и геліотроповъ стручковый перецъ да бальзаминъ. Вотъ въ гостиной мебель — за дорогую цѣну куплена она въ Петербургѣ да еще на перебой съ какимъ-то вельможей, — чехлы съ нея снимаются въ Свѣтлое Воскресенье да въ хозяйскія именины, а въ великолѣпныхъ лампахъ, разставленныхъ по столамъ и по угламъ, масла съ роду не было, да во всемъ С. и зажигать-то ихъ никто не умѣетъ.

Непривычно Корнилъ Егорычу ходить по своему мелкоштучному паркету, не умѣетъ онъ ни сѣсть, ни стать въ комнатахъ, строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ, робѣетъ онъ громко слово сказать въ виду своихъ дорогихъ мебелией. Душно ему въ своемъ домѣ, и сбылась надъ нимъ пословица, что своя воля страшнѣй неволи. Осторожно пробираясь между затѣйливыми диванами и креслами своихъ гостиныхъ, Корнила Егорычъ, какъ изгнанникъ, бѣжитъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ свой укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ, на теплой изразцовой лежанкѣ, онъ находитъ то удобство, котораго никогда не сыщеть въ своихъ разубранныхъ комнатахъ. Вотъ у лежанки стоитъ сосновый, крѣпкой водкой травленный столъ подъ ярославской салфеткой: на немъ счетная книга, псалтырь и «Московскія Вѣдомости»; у стола стулъ-складень: привыкъ къ нему Корнила Егорычъ, еще сидя въ чужой лавкѣ мальчишкой. Вотъ двуспальная кровать съ пу-

ховикомъ чуть не до потолка и съ дюжиною подушекъ : крѣпко спится здѣсь Корнилѣ Егорычу. Вотъ кафельная печь съ поливными фигурами балахонской работы: какъ баню, грѣетъ она за вѣтнѣй уголь хозяина, и пригляднѣе она ему, чѣмъ бѣломраморныя стѣны залы и бархатныя обои гостиной. А часовъ съ кукушкой, что повѣшены противъ кровати, не отдастъ онъ за двѣ дюжины такихъ дорогихъ столовыхъ часовъ, что красуются у середняго окошка въ гостиной. Добровольно, но съ досадой подчасъ, жметъ онъ въ тѣсной мурѣ своей — хватилъ бы все по боку, да и зажилъ бы, какъ хочется — нельзя! Какъ отъ людей отстать? попалъ въ стаю, такъ лай не лай, а хвостомъ вилай. Еще скрягой прозовутъ. Зато разъ отведена была у Корнилы Егорыча квартира губернатору, пріѣзжавшему на ревизію въ С. На прощаньи генералъ сказалъ хозяину: «Ну, Корнила Егорычъ, домикъ на славу отдѣлалъ — мебель-то хоть во дворецъ», — и счастливъ и доволенъ былъ Корнила Егорычъ и сторицею былъ вознагражденъ за тѣ невыносимо досадныя минуты, когда, проходя бочкомъ мимо своихъ мебели, думаетъ онъ самъ про себя: «и на какой шутъ, прости Господи, такіе стулья надѣланы? сѣсть нельзя порядкомъ — безъ снаровки провалишься совсѣмъ.»

Нѣтъ, не странно было мнѣ въ залѣ Корнилы Егорыча встрѣтить и логиновскую литографію, и стручковый перецъ, и перепела въ клѣткѣ изъ лутошекъ. Дороги они хозяину: добровольно-

му заточеннику въ его золотой тюрмѣ они вспоминали про былое, бѣдное, но свободное отъ несроднаго житья-бытья время, — время молодости, когда жилось веселѣе, а на свѣтѣ Божьемъ было просторнѣй и все смотрѣло на него яснѣе и радостнѣй. Кромѣ перепела да перца все остальное было здѣсь чуждо, несродно хозяину, здѣсь ему и свое не свое, здѣсь и самъ онъ, какъ на выставкѣ — міру напоказъ. Здѣсь у него ничего для себя, все для чужихъ; даже и гипсовыхъ Вольтера и попугая поставилъ онъ лицомъ на улицу. Тяжело хозяину въ своемъ углу жить, какъ на чужбинѣ.

По лицу вошедшаго къ намъ Корнилы Егорыча видно было, что чародѣйное слово «отъ губернатора» оторвало его отъ родной лежанки. Замѣтно было, что одѣвался онъ на скорую руку, но золотыхъ медалей не забылъ надѣть. Это былъ широкоплечій старикъ средняго роста, волосы его были почти совсѣмъ бѣлые, борода маленькая, клиномъ, глаза немного подслѣповатые, живые, выразительные. По суровому облику видно было, что это старикъ своеобразный, крутой; а смотрѣвшіе розсыпью глаза обличали въ немъ человѣка, который всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ, бѣгающемъ взорѣ виднѣлась какая-то грусть затаенная, и туманилось лицо Корнилы Егорыча горемъ душевнымъ, еще не выношеннымъ, не выстраданнымъ. День меркнетъ ночью, человѣкъ печалью, и горе, что годы, борозды по лицу проводить.

Казалось, что и Корнилъ Егорычу не годы убѣлили голову, а горе душевное, которое не молодить, а косицу бѣлить.

— Покорно просимъ, сказалъ Корнила Егорычъ: — извините, позадержалъ: соснуть было прилегъ.

И, при воспоминаніи о лежанкѣ, онъ зѣвнулъ, набожно перекрестивъ ротъ свой. Мы, въ свою очередь, извинились передъ нимъ въ томъ, что потревожили его, сказали свои имена и показали открытый листъ начальника губерніи, въ которомъ было сказано, что мы ѣдемъ для собранія статистическихъ свѣдѣній. Въ заключеніе всего я попросилъ хозяйскаго дозволенія посмотрѣть на кожевенный заводъ.

Безъ чашки чаю, безъ рюмки вина и безъ закуски не уйти никому отъ русскаго купца стараго покроя. Завѣтный обычай дѣловскихъ временъ, старинное хлѣбосоольство, не чуждъ былъ Корнилъ Егорычу. Появились на столахъ вино, закуска, разныя сласти. Прикащикъ, стриженный въ скобку, въ длиннополой суконной сибиркѣ съ борами назади и съ сильнымъ запахомъ кожи, подалъ чай. Шла у насъ рѣчь о торговлѣ.

— Кожа идетъ плохо, говорилъ Корнила Егорычъ:—въ прежніе годы въ одну Одессу мы ставили втрое больше, въ Ливурну оттуда возили, а теперь стало дѣло, да и шабашъ.

— Отчего же это, Корнила Егорычъ?

— Сырьемъ повезли. У иностранцевъ, я вамъ скажу, на этотъ счетъ золотыя руки—не нашимъ

чета. Нашъ братъ русакъ смѣткой взялъ, нѣмецъ—терпѣньемъ. Да къ нашей-то смѣткѣ горе привилось, да еще не одно, а цѣлыхъ три: вѣдь русскій человѣкъ на трехъ сваяхъ стоитъ: авось, небось да какъ нибудь. Намъ бы тѣпъ-ляпъ — и корабль, а тамъ—нѣтъ-съ, тамъ на этотъ счетъ все въ акурать. Къ примѣру хотъ кожа: что наша кожа? Вонъ на дворѣ партія юхты стоитъ — на урюпинскую заготовилъ — развѣляйте-ка возъ: тутъ подрѣзь, тутъ гниль мясная, а тутъ и все дырѣе. А все отчего? Все оттого, что платишь рабочему поштучно, онъ тебѣ и дѣлаетъ какъ нибудь, одно поровитъ: больше кожъ обрядить, да какъ пошелъ ножомъ валять съ плеча, такъ ему ужъ не до подрѣзей. Небось, говоритъ, хозяинъ не запримѣтитъ. А хозяинъ, нашъ братъ, не въ печку же бросить ему порченую кожу: авось, говоритъ, сбуду съ рукъ. Ну, и везешь на ярмарку. А какъ работникъ-то дѣлаетъ какъ нибудь да хоронится за небось, да какъ и хозяинъ-то на авоськѣ въ ярмарку выѣзжаетъ — добра немного. Что, надо правду говорить! А за границу-то наша кожа и нейдетъ, а сырье-то наше съ руками хватаютъ, да изъ него тамъ такую тебѣ кожу сдѣлаютъ, что нашей-то въ носъ бросится. Оттого, сударь, отъ самаго и стала наша кожа. Ну, вотъ красная юхта—это особъ статья, эта пойдетъ, завсегда пойдетъ: вѣдь у насъ, слава Богу, березы не занимать стать; а за границей-то, сказываютъ, каждый сучекъ на перечетѣ.

— Какъ же выдѣлка юфти зависить отъ березы?

— Березы нѣтъ — дегтю нѣтъ; а безъ дегтю хорошей юхты и иностранцамъ не сдѣлать, даромъ что у нихъ руки золотыя.

Перешелъ у насъ разговоръ къ смутамъ, возникавшимъ тогда на западѣ, и къ вліянію ихъ на торговлю.

— Въ Италіи, кажется, война будетъ, сказалъ я:—потребуется для войска кожа, попросятъ и нашей; теперь во всей Европѣ безначаліе, тамъ теперь не до выдѣлки кожъ.

— Пуда не попросятъ. Прошли бы туда наши кожи, какъ бы шла тамъ война по Божьему велѣнію, всталъ бы царь на царя, законъ на законъ. Тогда бы пошла. А теперь что тамъ? Развѣ законная война? Бунтъ богопротивный, междоусобица — подерутся и босикомъ!...

Таковы были рѣчи Корнилы Егорыча. А учился онъ за мѣдную полтину у приходскаго дьячка, а выѣзжалъ онъ изъ своего города только къ Макарью на ярмарку, да, будучи городскимъ головой, былъ раза два въ своемъ губернскомъ городѣ — ко властямъ на поклонъ. Кромѣ псалтыря, чети-минеи да «Московскихъ Вѣдомостей», онъ сроду печатнаго ничего не читалъ, а говорилъ, какъ книга, какъ человѣкъ бывалый. Природный, свѣтлый умъ старика бралъ свое. Заговорили о развитіи торговли и промышленности.

— Чтобы шло дѣло торговое ладно, сказалъ Корнила Егорычъ: — надо, чтобы не было ему

помѣхи, а второе дѣло, чтобы не помогали, на казенную форму не гнули. Вѣдь это не приказное дѣло: въ форменну книгу его не уложишь. Ну, а главная статья — снаровка: безъ снаровки хоть каждый день будь съ барышомъ, а вѣкъ проходишь нагишомъ. А всего-то главнѣе—Божья воля: благословить Господь—и въ отрепѣ деньги найдешь, а безъ Божьяго благословенья и корабли съ золотомъ ко дну пойдутъ.

— Такъ, Корнила Егорычъ, противъ этого и слова нѣтъ: Божье благословенье первое дѣло, но все-таки, кажется, вы еще одно забыли.

— А что же такое, отецъ мой?

— Просвѣщеніе.

Красильниковъ нахмурился, помолчалъ и потомъ повелъ рѣчь въ сторону:

— Просвѣщеніе! То есть, что въ книгахъ-то пишутъ? Эхъ, сударь! мало ли что пишутъ да печатаютъ! Вѣдь супротивъ печатнаго не совершь. Перо скрипитъ, бумага молчитъ да все терпитъ. Вотъ хоть, примѣру ради, промышленность, что ли? Пишутъ да печатаютъ, что въ гору пошла: рѣчи нѣтъ, прытко идетъ впередъ, широко шагаетъ, да не такъ, какъ пишутъ. Не въ ту силу говорю, что она тише идетъ супротивъ того, какъ печатаютъ: нѣтъ-съ, она и попрытче того идетъ,—а говорю я то, что пишутъ-то ину пору нескладно, неладно, словно чортъ шестомъ по Неглинной. Вотъ въ Вѣдомостяхъ разъ какъ-то я почиталъ о нашемъ уѣздѣ, пишетъ какой-то баринъ—вотъ этакій же видно, что вы: тоже

свѣдѣнья собиралъ—ишетъ онъ, что въ запрош-
лый годъ здѣсь и скота стало больше и промы-
селъ крестьянскій въ гору пошелъ ; а видно—де
это изъ того , что на базарахъ скота было боль-
ше да саней и всякаго крестьянскаго дѣла.

— Что же, Корнила Егорычъ ? Базарная тор-
говля, въ самомъ дѣлѣ, можетъ опредѣлить мѣру
крестьянской промышленности.

— Врядъ ли, сударь! По нашему, не такъ. Вотъ
хоть здѣсь сторона гужевая: отъ Волги четыре-
ста, отъ Оки двѣсти верстъ , рѣки , пристани да-
леко — все гужомъ. Вотъ въ запрошлой—то годъ
и уродилось много хлѣба , мужикъ и сталъ вол-
комъ выть, для того, что ему однимъ хлѣбомъ не
изжить, для того, что крестьянское житье день-
гу просить. Спаси Господи и помилуй всѣхъ
православныхъ христіанъ отъ неурожая , да из-
бави, Царю небесный , и отъ того, чтобы много-
то хлѣба родилось.

— Какъ такъ, Корнила Егорычъ ?

— Да такъ-съ. Мы, сударь , люди простые , да
шестой десятокъ на свѣтѣ живемъ — всего на-
смотрѣлись на свѣтѣ Божьемъ. Привелъ Господь
и голодъ изжить: макуху, дуранду, мезгу сосно-
вую ѣли. И урожай-то видалъ. Такъ я ужь и
знаю, что переродъ хуже недорода , что гужево-
му крестьянину не оттого бѣда , какъ не полно
гумно, а тутъ ему горе великое, какъ работы по-
дойдутъ , промыслу не хватить да на ту пору
хлѣбъ въ низкой цѣнѣ станетъ. Вотъ въ запрош-
лой-то годъ здѣсь хлѣбъ пополтинѣ былъ ассиг-

націями. Надо мужику за семью подушныя заплатить: ну, и вези три воза хлѣба верстѣ двѣсти до пристани, — вези для того, что по осени да по перевозимѣ покушниковъ-то ни души. Ну, и вези да гляди еще, сколько дорогой-то денегъ прохарчишь. Да что подати? Подати у насъ, слава Богу, не тяжелыя; да вѣдь не на однѣ подати деньги-то мужику бывають нужны: надо упряжь справить, кушакъ купить, шапку, женѣ платокъ, въ праздникъ винца хлѣбнуть, а тамъ свадьба, да родины, да крестины, попъ съ празднымъ придетъ — ему хлѣбъ-то хлѣбомъ, а деньги деньгами. Да какъ въ урожайный-то годъ хлѣбъ-то подешевѣетъ — знамо дѣло, и промыслы всѣ ухнутъ, и нѣтъ ихъ совсѣмъ, заработки пойдутъ дешевые, все отобьется отъ рукъ. Гдѣ тутъ мужику денегъ взять? А на ту пору стучитъ въ окно староста: давай, говоритъ, оброкъ. — Денегъ нѣтъ. — Давай, говоритъ, срокъ прошелъ, продай корову, коли денегъ нѣтъ, — ну и повелъ мужикъ тѣлку, повелъ другой сновотѣлу, повелъ третій быка. На базарѣ скотъ сосчитали, да вонъ въ Вѣдомостяхъ-то и написали: скота-де у нихъ стало больше. Прошелъ мѣсяцъ — другой, опять староста у окна — недоимку править. Денегъ нѣтъ, говоритъ мужичекъ. А староста ему въ отвѣтъ: у тебя двѣ телѣги — нову-то продай. Везетъ мужикъ телѣгу, везетъ другой сани, везетъ третій розвальни: на базарѣ ихъ сосчитали, а тамъ вотъ ваша-то милость, господа, что свѣдѣнья-то собираете, и напишите — промыслы-де

у нихъ въ гору пошли. Не въ ту силу говорю, что нашему мужику жизнь горемычная. Нѣтъ, ему житье приволье. Годъ на годъ не приходитъ: одно лѣто перетерпитъ, да на другое за три наверстаетъ. А въ ту силу говорю, что инныя книги-то помеломъ въ трубѣ писаны. Годъ-то перерода минетъ, на хлѣбъ станетъ цѣна, промыслы поднимутся, — ну, и справился мужичекъ: и скотомъ обзавелся, и сбруей, и всякимъ дѣломъ, и въ мошнѣ-то у него не пусто. Въ зимницѣ у него три, четыре коровушки, подъ навѣсомъ двѣ, три телѣги; а какъ староста подъ окно придетъ, такъ оброкъ-то заплатитъ онъ изъ залежныхъ. А на базарѣ-то и нѣтъ ни коровъ, ни телѣгъ, ни саней, что за прошлый годъ нужда вывозила: подмѣтятъ господа, что книги печатаютъ, да, не справясь со святцами, и бухъ въ большой, и скажутъ, гдѣ-нинаестъ, скота на Руси стало меньше: видно-де, падежъ былъ, да и промыслы упали, видно-де, народъ обѣднялъ. Обѣднялъ! Какже? Онъ лежитъ себѣ на печи да бражку тянетъ, и горя ему мало.

Странно показалось мнѣ уклоненіе Корнилы Егорыча отъ прямого разговора о просвѣщеніи. «Что бы это значило? думалъ я. Началъ онъ за здравіе, а свелъ за упокой.» Наклонилъ я снова рѣчь на прежній предметъ и коснулся того, что для истинныхъ успѣховъ торговли нужно купечеству учиться и учиться.

— Въ нивирситетѣ, что ли-съ? съ жаромъ возразилъ Красильниковъ. — Нѣтъ-съ, увольте, ваше

высокоблагородіе! Покорнѣйше благодаримъ—съ! Знаемъ мы ихъ! Это дѣло, сударь, ваше — барское, а нашему брату бородачу оно не по шерсти. Изъ нашего брата это вотъ тому, кто въ дворяне норовитъ дѣтей вывести, ну такъ; а намъ — нѣтъ-съ, увольте! Да и проку мало живеть, ей-Богу, мало. Дѣтъ, отецъ копятъ деньги, скопятъ капиталъ, заведутъ большія дѣла, миліонами ворочаютъ, а ученый сынокъ ихъ въ карты проиграетъ, на шампанскомъ съ гуляками пропьетъ, комедіанткамъ разбросаетъ али на вечеринки да на балы, да и пошелъ самъ подъ окошкомъ Христовымъ именемъ кормиться. Да это бы еще не бѣда. А какъ разумъ-то сгинетъ, какъ... А то вотъ еще у Прохора Андреевича у Крапивина—не изволите ли знать? въ П. суконная еще фабрика у него была—такъ у него сынокъ-то въ чинахъ былъ, въ каретахъ ѣздилъ, на дворянкѣ женился, да какъ профуфынился голубчикъ, такъ изъ ружья себя и застрѣлилъ. Вотъ те чины! Вотъ те и ученье! Душеньку-то свою не уберегъ, самому сатанѣ ее на руки отдалъ.

— Да не говорю я, Корнила Егорычъ, что купцы, выучившись, должны оставлять свое званіе и проматывать отцовскіе капиталы. Зачѣмъ? Истинное ученье научить быть бережливымъ, научить имѣть уваженіе къ тому сословію, къ которому принадлежишь, а не бѣгать изъ него. Теперь у насъ, слава Богу...

— Эхъ, не говорите вы мнѣ-то! Мнѣ-то этого не говорите. Нѣтъ-съ, купцу ученье — пагуба. У меня вѣдь у самого... Да позабавьтесь финичками-то, ваше высокоблагородіе, а вотъ икорки-то прикушайте: перваго, сударь, бѣгренья, изъ Уральска... А ты что, губы-то распустилъ, Петровичъ? что чашки-то не принимаешь? Давай еще чаю!... Да мадерцы-то еще рюмочку, ваше высокоблагородіе! Да Сережу кликни, Петровичъ!

Сережа, парень лѣтъ двадцати-трехъ, четырехъ, румяный, здоровый, съ богобоязненнымъ видомъ и тихой поступью, вошелъ въ комнату. Низко поклонясь, остановился онъ смиренно у притолоки, глядя изподлобья на своего родителя. Отецъ сказалъ ему:

— Вели-ка заложить сивую въ дрожки, а савраску въ бѣговые. Ты со мной на савраскѣ поѣдешь.

Я сталъ уговаривать Корнилу Егорыча самому не беспокоиться, а отпустить съ нами Сережу. Вегрустнулся, видно, по лежанкѣ Красильниковъ, согласился.

— Парень молодой, сказалъ онъ о сынѣ: — въ дѣлѣ еще мало толку смыслить. Оно толкъ-то есть, да не втолканъ весь. Молодъ, дурь еще въ головѣ — похулить грѣхъ, да и похвалишь, такъ Богъ убьетъ. Все бы еще порядиться да на рыскахъ. Ну, зеленъ виноградъ — невкусенъ, младъ человекъ — не искусенъ. Лѣтось женилъ: пора бы и умъ копить, — такъ нѣтъ. Ну да Господь мило-

стивъ: это еще небольшое горе... а вотъ какъ другое...

Взоръ Корнилы Егорыча помутился. Помолчавъ, онъ вздохнулъ и вполголоса промолвилъ:

— Господня воля: на волю Божью не подашь просьбу.

Въ это время вошелъ Сережа.

— Поѣзжай съ господами на заводъ, сказалъ ему отецъ: — покажи имъ все, какъ оно есть. Слышишь? Ну, чтоо сталъ? Пошелъ, дожидайся!

Онъ пошелъ было; но отецъ, воротивъ съ полдороги, сказалъ ему тихо:

— А Митьку въ сушильню. Слышишь? прибавилъ онъ громко.

— Слышу, тятенька!

— Ну, ступай, дожидайся на крыльцѣ. А послѣ заводу-то, ваше высокоблагородіе, просимъ покорно на чашку чаю. Сдѣлайте такое ваше одолженіе, не побрезгуйте убогимъ нашимъ угощеніемъ.

Мы дали слово и поѣхали.

Сережа, тихій смиренникъ на отцовскихъ глазахъ, не таковъ былъ на заводѣ. Съ нами обходился онъ подобострастно и насилу надѣлъ картузъ, заговоря со мной, но съ рабочими велъ себя круто и, притомъ, безтолково. Отрывисто покрикивая на нихъ ни за что, ни про что, сурово поглядывалъ онъ то на того, то на другаго, и пятились рабочіе, и прятались одинъ за другаго, искоса поглядывая на толстую суковатую палку, бывшую въ рукахъ Сережи. Но одинъ шальной

рабочій, вывернувшись изъ-за зѣльнаго чана, мазнулъ Сережу по спинѣ мѣшалкой, обмакнутой въ известковый подзѣлъ, и, сдѣлавъ свое дѣло, поворотилъ неровнымъ шагомъ вонъ. Рабочіе уступали ему дорогу и глазами говорили другъ другу: «ай да молодецъ!» Сережа, увлеченный разсказомъ о томъ, черезъ сколько перезоловъ проходитъ яловица прежде квасовъ, не замѣтилъ шальнаго рабочаго. Это былъ человѣкъ лѣтъ подлѣ тридцать, въ загрязненной, насквозь просаленной холщовой рубахѣ и дырявыхъ сапогахъ. Взъерошенная голова его, казалось, съ роду не была чесана, небольшая борода сваялась комками, блѣдно-желтое, худощавое лицо обрюзгло, ротъ глупо разинутъ; но въ тусклыхъ помутившихся глазахъ виднѣлось что-то невыразимо-странное, что-то болѣзненно-грустное, будто потухающій умъ послѣдней прощальной искрой свѣтился въ этомъ безсмысленномъ взорѣ.

Мы проходили чрезъ отдѣленіе, въ которомъ толкутъ корье. Неочищенную ивовую кору подбрасывали въ толчею. Путевой товарищъ мой замѣтилъ мнѣ при этомъ, что въ Бельгіи онъ видѣлъ особую машину, которая скоблитъ корье. Онъ сказалъ это по французски.

— *Les meilleurs cuirs-maroquins, qui se fabriquent...* проговорилъ за нами сильный голосъ.

Сережа быстро обернулся и закричалъ:

— Въ сушильню!

Оглянувшись, я увидалъ рабочаго, вымаравшаго Сережѣ спину.

— Нейду! не хочу! кричалъ онъ задорно.—Ты мнѣ не указъ: ты моложе меня. Наушникъ! подлецъ! Ты ее сгубилъ! ты убилъ мою...

— Митька! тятенькѣ скажу.

Митька вздрогнулъ. Понутивъ голову, онъ тихо поплелся было изъ толчеи, но быстро обернулся и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Сережа, голубчикъ! дай гривенничекъ.

— Въ сушильню, пьяница!

— Хоть на шкаликъ.

— Слушай, Митька! закричалъ Сережа, поднявъ свою суковатую палку: — право, тятенькѣ скажу: онъ тѣ такую баню задастъ, что до новыхъ вѣнниковъ не забудешь. Хоть бы при чужихъ-то людяхъ не срамилъ себя. Оедька! уведи его въ сушильню да на замокъ.

Но Митька самъ пошелъ. За дверьми онъ запѣлъ охриплымъ, невѣрнымъ басомъ:

Quande le vin de Champagne

Fait en echappant

Pan, pan.

La douce gaité me gange...

— А вотъ здѣсь дегтемъ бухтарму послѣ дубовъ мажутъ, говорилъ въ это время Сережа, переводя насъ въ другое отдѣленіе.

Вечеромъ у Красильниковъ я опять навелъ разговоръ на просвѣщеніе и доказывалъ, что купцамъ необходимо учиться. Заговорилъ наконецъ Корнила Егорычъ, сидя за пуншемъ.

— Не говорите про это, ваше высокоблагородіе, право, не говорите. Говорятъ люди: красна

птица перьемъ, человѣкъ ученьемъ ; говорятъ люди: ученье свѣтъ, неученье тьма... Врутъ люди!... Ученье прямое мученье, а нашему брату тяга!

Купецъ знай читать, знай писать, знай на счетахъ класть, и шабашъ — вдаль не забирайся!... Лучше не доучиться, чѣмъ переучиться. Вѣдь ученье-то, что дерево : изъ него и икона и лопата; али что ножикъ: иной его на пользу держать, а нашъ братъ себя же по горлу норовить. Намъ наука, что ребенку огонь. Это ужь такъ-съ, это ужь не извольте беспокоиться... Не мало изъ нашей молодежи промоталось и сгинуло совсѣмъ, — а все отчего? все отъ ученья, все моды проклятыя, все оттого, что за господами тянутся, имъ хотятъ въ версту стать. Нѣтъ-съ, былъ бы купецъ смышленъ, даромъ что не ученъ.

А нынче такъ вонъ не на ту стать пошло. Не то, сыновей, дочерей — то учать французскому, да на музыкѣ, да плясать. Выучатся дочки, да и не знаютъ, которой рукой слѣдуетъ лобъ перекрестить. У моего свояка у Петра Андреевича Кирпишникова есть ученая дочка: такъ что же вы думаете? имя-то святое, при крещеніи ей богоданное — Матреной зовутъ — на какое-то басурманское смѣняли, что и выговорить-то грѣхъ. За мужъ вышла за дворянина: промотался голубчикъ, такъ женился карманъ починить. Ну, стала дворянкой, да и пустилась во вся тяжкая: верхомъ, сударь, на лошади катается... тфу ты гадость какая!...

Вотъ и у меня Митька... погибъ, совсѣмъ погибъ, пропащій сталъ человѣкъ. А все ученье, все наука!... А парень-то какой былъ разумный, да тихой, да смирной, да разсудительной!... Что передъ нимъ вонъ хоть Сережка! дурь нагольная, право, дурь!... Сердце коломъ повернетъ, какъ вспомнишь... Охъ, Господи, Творецъ праведный!...

Да-съ, безъ дѣтей горе, а съ ними вдвое. Далъ мнѣ Господь двухъ сыновъ да одну дочь: Митька былъ отъ покойницы отъ первой жены, а Сережа да Настя отъ Марьи Андревны. Ну, дочь, известное дѣло, чужое сокровище: холь да корми, учи, стереги, да въ люди отдай, а сынъ домашній гость — корми да пой — себѣ пригодится. Да учи его, какъ онъ еще поперекъ лавки лежить, а выростетъ да во всю какъ вытянется, тутъ ужь не уймешь. Худъ сынъ глупый — и родной отецъ ему ума къ кожѣ не пришьетъ, а хуже того сынъ ненаказанный — онъ безчестье отцу. Легло безчестье и на мою сѣдую голову!.. Божья воля!...

Смышленъ росъ Митька мой, и отдалъ я его здѣсь въ уѣздное училище: ну, дома, у отца на глазахъ, баловаться не давалъ. И учился онъ бойко — три похвальныхъ листа получилъ. Выучился, сталъ въ гимназію проситься, реветъ мой парень: пусти да пусти. Хотѣлъ было я ему въ спину-то ремennую гимназію засыпать, да шуринъ уговорилъ, присталъ ко мнѣ, отдай ему Митю на руки. Попуталъ меня грѣхъ — послу-

шался шурина. Въ гимназіи учился онъ лѣтъ никакъ съ пять и росъ уменъ не по годамъ: бывало, лѣтомъ на побывку пріѣдетъ, такъ ужъ на что у насъ пятницкой протопопъ отецъ Никаноръ умная головушка, и тотъ не связывайся: загоняетъ въ пухъ, да все вѣдь по латынски. А благочестивый былъ какой: ни обѣдни, ни заутрени не пропуститъ; на крылосѣ какъ пѣлъ: голосъ-то, голосъ-то какой былъ! И смиренный былъ, что твоя красная дѣвка. Навострился и по заводу: ни корья, ни подзола при немъ, бывало, фунта не украдутъ, даромъ что не пріученъ былъ къ заводскимъ порядкамъ. И думалъ ли я, на него радуясь, что погибнетъ мой разумникъ, накроетъ горемъ старость мою?... Господи, Господи!...

А какъ ему ученья-то срокъ отошелъ, былъ я на ту пору въ губернскомъ городѣ: городскимъ головой служилъ здѣсь, такъ къ начальству съ подносомъ ѣздилъ. Сталъ у меня Митька проситься въ нивирситетъ еще доучиваться. Въ ногахъ валяется, разливается — плачетъ: пусти его еще въ ученье. Врешь, говорю, Митька, умнѣе не будешь: не пущу! — Чужало родительское сердце!... А изъ гимназіи-то какъ его выпускали, былъ онъ что ни на есть первый ученикъ, не то что своихъ, барчатъ-то всѣхъ за поясъ заткнулъ. — На экзаментъ мнѣ велѣли побывать, печатный билетецъ прислали: Митька рѣчь держалъ по французскому, говорилъ бойко, да не поймешь ничего. Его превосходительство гос-

подинъ губернаторъ изъ своихъ рукъ ему листъ да книгу пожаловалъ да, подозвавъ меня, изволилъ сказать: «у тебя, говоритъ, Корнила Егорычъ, не сынъ, а звѣзда.» А былъ на ту пору въ губернскомъ городѣ генералъ, надъ гимназіей-то наибольшій; онъ, слышь, допрашивалъ учениковъ-то, кто что знаетъ и куда кто хочетъ послѣ выучки итти. Полюбись ему мой Митька: бойко, слышь, ему изъ книгъ-то говорилъ. И спросилъ его генералъ: чей сынъ, откуда родомъ и куда хочетъ. А Митька ему и бухъ: «такъ и такъ, ваше превосходительство, сынъ я 2 гильдіи купца Корнилы Красиљникова, оченно бы хотѣлось въ нивирситетъ, да тятенька не пускаетъ...» Ладно, хорошо!... Вотъ сижу я у шурина, глядь, батюшки свѣты, губернаторскій лакей на дворъ, въ золотѣ весь... что за оказія?... «Гдѣ, говоритъ, Корнила Егорычъ?» — Здѣсь, говорю, я самый и есть. — «Ступай, говоритъ, къ генералу обѣдать.» — Поусомнился было я, думаю — прошибся лакей: видно, къ другому послали, а онъ промахнулся да ко мнѣ. Нѣтъ, ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ. Ну, честь не малая: что ни говорите, самъ губернаторъ обѣдать зоветъ: ты, говоритъ, Корнила Егорычъ приходи моего хлѣба-соли ѣсть. Пошелъ, благо день-то былъ скромный — вторникъ.

Посадилъ меня губернаторъ съ собой рядышкомъ; а тутъ еще сидѣлъ генералъ, что которому Митька-то мой полюбился, да губернаторша, да двѣ барышни — дочери губернатору-то — слав-

ныя такія изъ лица-то, только сухопароваты. А губернаторша сама изволила мнѣ въ тарелку похлебки налить, а губернаторъ самъ изволилъ изъ своихъ рукъ виномъ угощать. Вотъ оно что! И стали они всѣ меня улащать: «ты, говорятъ, Корнила Егорычъ, поперекъ Митьки не ходи: изъ мальчишки, говорятъ, будетъ путь большой—пусти его доучиться.» А генералъ-то, что Митьку полюбилъ, обѣщался ему замѣсто отца родного быть, какъ за своимъ дѣтищемъ, говоритъ, буду смотрѣть, баловать ему не дамъ, да и парень-то, говоритъ, онъ у тебя не баловникомъ смотритъ. — Ну, сами вы посудите, ваше высокоблагородіе, можно ли мнѣ было поперечить? Два генерала какъ съ ножомъ къ горлу пристали: пусти, да пусти Митьку доучиться! Да и губернаторша-то тоже: «ты, говоритъ, Корнила Егорычъ, не губи своего дѣтища рожонаго, не отымай у Митьки счастья. Богъ, говоритъ, за это тебѣ не попуститъ!» — Послушался. Больно не хотѣлось, чужало сердце бѣду, а послушался — нельзя... Начальство не свой братъ: вѣдь сто́я безъ шанки да переступая съ ноги на ногу, много не накалякаешься...

Собралъ я Митьку въ нивирситетъ. Марья Андревна, хоть и не родная мать, а въ гору было-такъ и руками и ногами: не пущу, говоритъ, Митеньку на чужую сторонushку. Ну, да что она? баба, а бабѣ плетъ—вотъ и все. Призвавъ Бога въ помощь, Николу на путь, снарядилъ я Митьку да на прощаньи, передъ благословенной ико-

ной, взялъ съ него крѣпкій зарокъ, чтобы послѣ выучки не ходилъ онъ ни въ афицеры, ни въ приказные, а былъ бы всю жизнь свою купцомъ и кожевеннымъ заводчикомъ. А Митька, ну ужъ двадцать-первой шелъ, парень былъ ужъ на полномъ смыслѣ: «не бойтесь, говоритъ, тятенька, никуда не пойду, буду вамъ на старость печальникъ, на поконъ души поминникъ, а выучусь, буду то и то, заведемъ мы съ вами на заводъ такое да этакое...» Да ужъ такъ красно говорилъ, что нехотя вѣрилось!...

Четыре года Митька въ нивирситетѣ выжилъ, учился въ первую статью, а въ праздники тамъ такіе или въ другіе гулящіе дни не то, чтобы мотался да бражничалъ, а все либо на фабрику какую, али на заводъ да на биржу; съ купечествомъ самымъ первостатейнымъ знакомство свелъ, пять поставокъ юхты мнѣ уладилъ да разъ сало такъ продалъ, что, признательно сказать, мнѣ бы и во снѣ-то этакъ не приснилось...

Нашего уѣзда помѣщикъ есть Андрей Васильичъ Абдулинъ—не изволите ли знать?еще у него конный заводъ въ деревнѣ есть, вотъ недалеко отъ Ѳедяковской станціи,—мимо проѣзжали.—У него сыночекъ есть Василій Андреичъ, вмѣстѣ съ Митькой учился, и ужъ такой былъ ему закадычный пріятель, ровно братъ родной. Митька мой у господина Абдулина и дневалъ и ночевалъ: учиться-то вмѣстѣ, видно, поваднѣй было. Охъ, пропадай они совсѣмъ, эти Абдулины!.. Заѣли вѣкъ у старика, погубили у него сына любимаго!...

А какъ отучился мой Митька, дали ему медаль золотую, не то, чтобы на шею, а такъ карманную, и въ газетахъ, сударь, припечатали, что выучился де такой-то Митька Красильниковъ въ кандидаты. Приѣхалъ домой, заводомъ занялся: то уладить, другое перемѣнить, то чанъ, то зольникъ, то что другое. Съ первоначалу я было побаивался: испортить, думаю. — Нѣтъ: лишковъ восемь копеекъ на рубль взялъ на салъ да семь копеекъ на юхтѣ. А все его разумомъ да старательствомъ. — Отецъ, вѣдь, кажется, отецъ, а ему молокососу — сыну-то родному — завидно было! Вотъ какой былъ умница! А ужъ бережливый какой былъ; только и терялъ деньги, что на книги; бывало, какъ мѣсяцъ прошелъ, такъ изъ Москвы коробъ съ книгами и шлютъ.

Пожилъ Митька у меня мѣсяцевъ съ восемь. На ту пору Андрей Васильичъ Абдулинъ собрался на теплыя воды жену лечить. Ёхалъ въ чужіе края со всей семьей. Сталъ у меня и Митька съ ними проситься. — Что же, подумалъ я, избнымъ тепломъ далеко не уѣдешь, вѣдь печка нѣжитъ, а дорога разуму учить, дамъ я Митькѣ партію сала, пускай продаетъ въ чужихъ краяхъ; а благословитъ Богъ, такъ и заграничный торгъ заведемъ... Тутъ ужъ никто меня не уговаривалъ — врагъ смутилъ!... Ужъ захочетъ кого Господь наказать, такъ и разумъ отыметъ и слѣпоту на душу нашетъ!...

Митька три года ѣздилъ, продавалъ юхту бродскимъ евреямъ, съ Лондономъ дѣла по салу

уладилъ, барыши большіе пошли — въ три-то года восемьдесятъ на рубль!... Не нарадовалось мое сердце!... Экой сынъ-то!.. Ужь на что московскіе купцы, и тѣ позавидовали... Всѣмъ сталъ знаемъ мой Димитрій Корнилычъ Красильтковъ!... А я? Чѣмъ бы Бога благодарить, колоколь бы вылить али иконостасъ поставить... согрѣшилъ, окаянный, возгордился: сталъ барыши считать да сыномъ хвалиться!... Думы-то были за морями, а горе-то неизбывное за плечами!... Наказалъ же, наказалъ меня праведный Судія за гордость богопротивную!... Гдѣ теперь мой разумникъ?... чѣмъ теперь похваюсь?... Не родиться бы ему!... Дай-ка мнѣ пуншу, Петровичъ, да покрѣпче налей!...

На четвертый годъ воротился онъ изъ-за моря. Господи, сколько было радости-то!... Письмо привезъ отъ купцовъ заграничныхъ: товару просятъ, Митьку хвалятъ. Ужь замышляли мы съ нимъ и корабль свой снарядить, да еще бы года три-четыре побылъ мой Митька въ разумѣ, и два снарядили бы... Думали въ Питерѣ свою контору завести, домъ купить, загадали въ Лондонѣ своего прикащика держать... И все тогда казалось мнѣ таково сбыточно, вотъ какъ теперь пуншу стаканъ выпить... Анъ нѣтъ, наше счастье что вода въ бреднѣ!... Величался я почетомъ своимъ и сыномъ разумнымъ, и не зналъ я себя счастливецъ!... Все суета!... Въ морѣ потопъ, въ пустынѣ звѣри, а въ мірѣ бѣды да напасти!...

Митькѣ былъ ужъ двадцать-девятый: давно

ему была пора и своихъ дѣтей наживать. Правду говорятъ, что и въ раю тошно жить одному; вѣдь семейная каша погуще кипитъ, а холостой вѣкъ проживетъ да умретъ, такъ и собака не взвоетъ. — Не за невѣстами дѣло стало: ротъ разинь, изъ любого дома бери. Первостатейные, миллионщики, фабриканты сами напрашивались съ дочками, письма даже писали. — Вотъ и сталъ я говорить Митькѣ, что пора ему законъ совершить, только выбирай, говорю, жену не глазами, а ушами, слушай, рѣчь разумна ли, узнавай, какова въ хозяйствѣ. Съ лица не воду пить: красота пригладится, щи не прихлѣбаются, а разумъ на всю жизнь пригодится. На богатство тоже глядѣть нечего было: у самихъ у насъ есть, славу Богу. А приданое что? Вѣдь въ потравѣ не хлѣбъ, въ долгахъ не деньги, въ приданомъ не животы...

Вотъ, сударь, говорю я такъ Митькѣ, а онъ какъ поблѣднѣетъ, да лицо-то все пятнами. Что за притча такая?... Пыталъ, пыталъ дней съ пять — не говоритъ... Ополовѣлъ инда весь, ходитъ повѣся голову, отъ ѣды откинулся, исхудалъ, какъ спичка. Я было за плеть — хоть и ученый, думаю, да все же сынъ, вѣдь съ роднаго отца воли не скинешь, поучу, умнѣе будетъ, — отцовски же побои не болятъ... Да что-то совѣстно стало: какъ-то рука не поднялась...

Той порой пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ Андрей Васильчъ Абдулинъ, домъ въ городѣ купилъ, вотъ рядомъ со мной. Митька у него и днюетъ и ночуетъ, отъ дѣла отсталъ, пріѣдетъ

на заводъ—смотришь въ оба, не видишь ничего; а рабочіе, сами изволите знать, народъ бестія — смекнули да и ну тащить добро по сторонамъ... Да что заводъ? Пропадай онъ совсѣмъ, гори огнемъ, сгинь все, что нажито!... Митька-то разумъ потерялъ — вотъ напасть-то! и кровавыми слезами ея не вымоешь!... Вѣрите ли вы Богу? Старикъ я, старикъ, а плакалъ, бабой ревѣлъ, и ему, сыну-то своему, рожденью-то своему, покорился, сударь!... да, покорился: слезами обливаясь, упрашивалъ, умаливалъ его рассказать мнѣ про кручину, что его обезумила!... Не вытерпѣлъ слезъ моихъ Митька!... сказалъ!... Ужъ лучше бы на ту пору у него языкъ отнялся!... Петровичъ, пуншу!... Да лей рому больше, собака!...

А у Андрея-то Васильича у Абдулина нѣмка, за дочерью его ходила, жила по найму, давали никакъ полторы тысячи, дѣвка безродная и откуда такая—Богъ вѣсть, такъ шаверь какая-то!.. Митька и бухнулъ мнѣ, что за моремъ слубился съ ней, и окромѣ ея ни на комъ не женится... Такъ меня варомъ и обдало!... Въ землѣ бы легъ да гробовой доской укрылся, только бы этого не слышать!... Въ умѣ ли ты? говорю ему. А онъ свое несетъ! Корнями, видно, обвела его, еретица, на богатство польстившись! Да чтобъ этому быть, чтобы я самъ свою бороду оплевалъ.... да весь родъ мой переведись.... по міру пойду, на гноищи среди улицы лягу, да не возьму на себя такого срама, такого покора отъ роду, отъ племе-

ни!... Слушай, говорю Митькѣ, вотъ тебѣ счеты: поѣзжай на Коренную, а оттолѣ прямо въ Нижній къ Макарью, а тамъ по осени въ степь за скотомъ. — Провѣтрится, думаю, дурь-то вытрясетъ. А поѣдешь, говорю, Москвой, такъ побывай у Архипа Иванаыча Подколесникова: у него дочка-то не нѣмкѣ чета: говоритъ тоже на всякихъ языкахъ, въ купеческомъ собраніи тоже пляшетъ да на музыкѣ-то играетъ позакатистѣй твоей нѣмки. А главное дѣло.—благочестивыхъ родителей дочь. — Митька было поперечить, а я ему: слушай, говорю, ты хоть и бариномъ смотришь, да съ меня воля не снята: возьму варовину — не пѣнай! — Замолчалъ.

Въ вечеру Андрей Васильичъ пришелъ. Съ первоначалу, такъ себѣ, о томъ, о семъ покадыкали. Потомъ свелъ онъ рѣчь на нѣмку, расхваливаетъ ее пуще Божьяго милосердія. Я слушаю, думаю: что еще будетъ? Говоритъ Андрей Васильичъ, что она-де и креститься можетъ, что господа-де женятся же на нѣмкахъ. — Смекнулъ я, къ чему онъ рѣчь клонить, говорю ему: господамъ и воля господская, а нашему брату то не указъ. Вы мой гость, Андрей Васильичъ, грубой рѣчи вамъ не скажу, а перестанемъ мы про нѣмку толковать... ну, ее къ бѣсу совсѣмъ!

«Да мнѣ, говоритъ, Димитрія Корнилыча жалко.» Вамъ жалко, а мнѣ вдвое жалчѣе: вѣдь я отецъ, хоть дѣтское сердце и въ камнѣ, да отцовское въ дѣткахъ; да знаете, говорю, Андрей Васильичъ,

русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай. — Ну, замолчалъ.

А Митька всю ночь проревѣлъ. Я ужь далъ волю: пусть проревется, думаю: легче будетъ. — Самого-то меня отъ хлѣба даже откинуло: отецъ вѣдь, каковъ ни будь сынъ—все болѣзнь утробы моей!...

Поутру пошелъ я въ садъ, обрѣзываю съ яблонь сухіе сучья у самага забора абдулинскаго. Слышу, митькинъ голосъ!.... Припалъ ухомъ къ забору — и нѣмкинъ голосъ!... Говорятъ не по русски!.. Изъ моего-то сада калитка есть въ абдулинской садъ: я въ нее—да свѣту и не взвидѣлъ: Митька съ нѣмкой обнявшись сидятъ, целуются да плачутъ!... Увидѣвъ меня, убѣжала нѣмка: знаетъ кошка, чье мясо съѣла; а Митька, какъ безумный, кинулся мнѣ въ ноги: «батюшка, говоритъ, положи гнѣвъ на милость: вѣдь мы повѣнчаны!...»

Остамѣлъ я совсѣмъ, какъ услыхалъ такую срамоту на мою сѣдую голову, въ глазахъ зеленъ ходенемъ заходила, къ сердцу какъ головня подкатилась!... На лежанкѣ очнулся, не помню, какъ и добрелъ!... Выдался денекъ! Пять лѣтъ на кости накиннулъ! Андрей-то Васильичъ хорошъ: пріятелемъ звался, хлѣбъ—соль со мной водилъ, денегъ займовалъ, — а посажоннымъ отцомъ у Митьки былъ. Гдѣ-то за моремъ свадьбу-то съиграли, безъ моего вѣдома, безъ родительскаго благословенья!... Вотъ они друзья-то!... За наше добро, да намъ же рожонъ въ ребро!... Да еще теперь

на меня же во всей бѣдѣ вину валить! Сына, слышь, я сгубилъ! — Ну, посудите вы сами, ваше высокоблагородіе, ну, я ли виноватъ?... Вѣдь я отецъ, вѣдь и змѣя своихъ дѣтей бережетъ!... Ученье, ученье всему виной!... Вѣдь не я же!..... Сerezка еще, слышь, виноватъ, да Марья Андревна, для того, что мнѣ на Митьку наговаривали!... Да!... И безъ нихъ бы самъ не догадался я, пуще всего!... Какже!.. Такъ вотъ! Языкъ-то безъ костей! Вотъ что!...

На другой день шелъ я отъ ранней обѣдни — нѣмка навстрѣчу идетъ. Не вытерпѣло сердце: я къ ней, ударилъ ее маленько. Митька откуда ни взялся тутъ же да отнимать вздумалъ. Сердце меня и взяло: я его въ сторону, а ее за кусу... Насилу отняли ее у меня... ужь очень распалился я...

Тяжела, видно, свекрова - то рука пришлась! зачахла нѣмка да черезъ мѣсяць и померла. — Ха, ха, ха!... Ну, слава Богу, подумалъ я, теперь у Митьки руки развязаны, пореветъ да и справится: былъ молодцу не укора, опять будетъ человѣкъ... Да бѣда не живетъ одна; ты отъ горя, оно тебѣ встрѣчу: придетъ чаша горькая — пей до дна...

На другой день похоронъ пришелъ Митька домой... Господи батюшка!... Никогда этого за нимъ не важивалось!... Вотъ горе-то неизбывное!... Митя, мой Митя!...

Крѣпись, Корнила!... Терпи моя голова, благо въ кости скована!... Эхъ, извѣдалъ бы кто

мое горе отцовское!... Глуби моря шайкой не вычерпашь, да и слезъ кровавыхъ отца роднаго не высушишь!... Пуншу, пуншу, Петровичъ!...

— Что же потомъ случилось съ вашимъ сыномъ? спросилъ я, послѣ долгаго молчанія.

— Не пытайте отца!... Горько!... Упился я бѣдами, охмѣлился слезами!... Петровичъ! лей до краевъ!...

*
* *

Одинъ, опять одинъ я. Разошлась
Толпа гостей, скучая. — Вотъ и полночь.
За тучами, клубясь, несутся тучи,
И тяжело на землю налегли
Угрюмо неподвижные туманы.
Не спится мнѣ, не спится... Нѣтъ! во мнѣ
Тревожныя, напрасныя желанья,
Неуловимо быстрыя мечты
И призраки несбыточнаго счастья
Смѣняются проворно... Но тоска
На самомъ днѣ встревоженнаго сердца,
Какъ спящая, холодная змѣя,
Покоится. Мнѣ тяжело. Напрасно
Хочу я разсмѣяться, позабыться,
Заснуть, по крайней мѣрѣ: духъ угрюмый
Не спить, не дремлетъ... странныя картины
Являются задумчивому взору.
То чудится мнѣ мертвое лицо, —
Лицо мнѣ незнакомое, нѣмое,
Все блѣдное, съ закрытыми глазами,
И будто ждетъ отвѣта... То во тьмѣ
Мелькаетъ образъ дѣвушки, давно
Мной позабытой... Опустивъ глаза
И наклонивъ печальную головку,
Она проходитъ мимо... слабый вздохъ

Едва замѣтно грудь приподнимаетъ...
То видится мнѣ садъ — обширный садъ...
Подъ липой одинокой, обнаженной
Сижу я, жду кого-то... вѣтеръ гонитъ,
По желтому песку сухіе листья...
И робкими, послушными роями
Они бѣгутъ все дальше, дальше, мимо...
То вижу я себя на лавкѣ длинной,
Среди моихъ товарищей... Учитель —
Краснорѣчивый, страстный, молодой —
Намъ говоритъ о Богѣ... молчаливо
Трепещутъ наши души... легкимъ жаромъ
Пылаютъ наши лица; гордой силой
Исполненъ каждый юноша... потомъ
Лѣтъ черезъ пять, въ томъ городѣ далекомъ,
Наставника я встрѣтилъ... Поклонились
Другъ другу мы неловко, торопливо
И тотчасъ разошлись. Но я замѣтить
Успѣлъ его смиренную походку
И робкій взглядъ, и старческую бѣдность...
То, наконецъ, я вижу домъ огромный
Заброшенный, пустой, — мое гнѣздо,
Гдѣ выросъ я, гдѣ я мечталъ, бывало,
О будущемъ, куда я не вернусь...
И вотъ я вспомнилъ: я стоялъ однажды
Среди высокихъ горъ, въ долину тѣсную...
Кругомъ ни травки... Камни все да камни,
Да желтый, мелкій мохъ. У ногъ моихъ
Бѣжалъ ручей, проворный, неглубокій,
И подъ скалой, въ расщелинѣ, внезапно
Онъ исчезалъ съ какимъ-то глупымъ шумомъ.

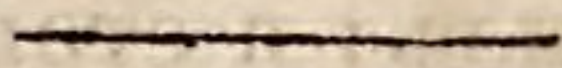
Вотъ жизнь моя! подумалъ я тогда.

.

Но гости тѣ... Кому изъ нихъ могу я
Завидовать? Гдѣ тотъ, который смѣло
И безъ обмана скажетъ мнѣ: «я жилъ»?
Одинъ изъ нихъ, добрякъ здоровый, глупъ,
И знаетъ самъ, что глупъ... ему неловко;
Другой сегодня счастливъ: онъ влюбленъ,
И свѣтелъ, тихъ и важенъ, какъ ребенокъ,
Одѣтый по воскресному... другой
Остричь или болѣзненно скучаетъ...
А тотъ себѣ придумалъ самъ работу,
Ненужную, безплодную, — хлопочетъ,
И радъ, что «подвигается впередъ»...
Тотъ — юноша восторженный, а тотъ —
Чувствителенъ, но мелокъ и ничтоженъ...

.

Мнѣ весело... но ты, межъ тѣмъ, о, ночь!
Не медли — проходи скорѣй и снова
Меня предай заботамъ милой жизни.

ОСЕННЯЯ СКУКА.

ДЕРЕВЕНСКАЯ СЦЕНА

Н. А. Н—ВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ :

ЛАСУКОВЪ, помѣщикъ.

АНИСЬЯ, домоправительница.

МАКСИМЪ, поваръ.

ЕГОРЪ, дворецкій,

МАЛЬЧИКЪ.

АНТИПЪ, кучеръ.

ДМИТРІЙ, портной.

ТАТЬЯНА, скотница.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ Ласуковкѣ, въ глухой осенній вечеръ.

(Театръ представляетъ комнату, выкрашенную синей краской. Двѣ двери, одна прямо противъ зрителей, другая направо. Диванъ и передъ нимъ круглый столъ, на которомъ стоитъ единственная сальная свѣча, сильно нагорѣвшая. На диванѣ пуховая подушка въ бѣлой наволочкѣ. На этомъ диванѣ дремлетъ *Ласуковъ*, худенькій старичокъ лѣтъ пятидесяти, сѣдой, со сморщеннымъ и болѣзненнымъ лицомъ. Въ передней, внутренность которой видна чрезъ полуотворенную дверь, спитъ, прислонивъ руки къ столу и положивъ на нихъ голову, *Мальчикъ*, въ суконномъ казакинѣ съ красными сердцами на груди. Со двора доносится завыванье осенняго вѣтра и скрипъ ставней. Вдругъ вѣтеръ завылъ сильнѣе, громче застучалъ ставнями; *Ласуковъ* проснулся.)

Ласуковъ. Ну, завываетъ!... А я опять уснулъ. Вѣдь вотъ, кажется, мудреную ли задачу задаю себѣ каждый день? не спать послѣ обѣда! — вотъ все, чего требую отъ себя, какъ отъ человѣка, а кончу всегда тѣмъ, что засну, какъ скотина. А еще говорятъ, человѣкъ — царь творенія. Ну, конечно! точно, царь, когда ему нужно обѣѣться за обѣдомъ; а какъ придется не спать послѣ обѣда, такъ тутъ и погляди его!.. (*Молчаніе.*) Ну, что ночью теперь буду я дѣлать?... (*Молчаніе.*) А, впрочемъ, желалъ бы я знать, кто на моемъ мѣстѣ не заснулъ бы? Да я премію огромную готовъ тому предложить! До ближайшаго города сорокъ верстъ, до ближайшаго сосѣда семьнадцать, — и дороги такія, что, говорятъ, третьяго-дня мужички мои повезли въ городъ молоко, а привезли туда — масло. Оно для молока и хорошо, а для человѣка, для человѣка каково, желалъ бы я знать? Пусть кто хочетъ сбиваетъ душу свою въ масло, а я не хочу! Вотъ и приходится сидѣть дома. Ну, а дома? Не угодно ли послушать, каково завываетъ? Дождь, грязь, слякоть, вѣтеръ.... (*Молчаніе.*) Ну, что дѣлать весь вечеръ? Какъ ночь спать?.. (*Остнавливаетъ глаза на нагорьлой свѣчѣ.*) У, какая шапка! должно быть, и не мало я спалъ!... (*Кричитъ.*) Свѣчкинъ! (*Въ отвѣтъ раздается тихое мѣрное храпѣнье мальчика.*) Храпаковъ! (*То же храпѣнье.*) Храповицкій!

(Быстро является МАЛЬЧИКЪ. Свѣтъ рѣжетъ его сонные глаза, и онъ щурится.)

Мальчикъ. Чего изволите?

Ласуковъ (*иронически*). Ты не спалъ ?

Мальчикъ. Нѣтъ-съ.

Ласуковъ. Ну, конечно! я такъ и зналъ. А какъ думаешь, который теперь часъ ?

Мальчикъ. Не знаю-съ.

Ласуковъ. Не знаю. Вотъ новость сказалъ: не знаю. А ты подумай. (*Мальчикъ думаетъ.*) Ну! (*Мальчикъ продолжаетъ думать.*) Говори же!

Мальчикъ. Не знаю.

Ласуковъ. Дуракъ, ничего не знаешь! Ну, пошелъ, посмотри! (*Мальчикъ уходитъ.*) Славный мальчикъ! расторопный, умница, молодецъ!

Мальчикъ. Шесть часовъ безъ четверти.

Ласуковъ. Да полно такъ ли ?

Мальчикъ. Такъ-съ.

(Молчаніе.)

Ласуковъ. Ты ничего не видишь ?

Мальчикъ. Ничего-съ.

Ласуковъ. Посмотри-ка хорошенько.

Мальчикъ (*внимательно осматривается кругомъ*). Ничего, все какъ слѣдуетъ.

Ласуковъ. Все какъ слѣдуетъ? полно все ли?

Мальчикъ (*осматривается опять*). Все-съ.

Ласуковъ. Ты слѣпъ.

Мальчикъ. Нѣтъ-съ, вижу.

Ласуковъ. Что же ты видишь ?

Мальчикъ. Да все-съ.

Ласуковъ. Все?

Мальчикъ. Все.

Ласуковъ. А что? ну, говори, что?

Мальчикъ (озираясь). Столъ, диванъ.... стулья... свѣчку, гитару.

Ласуковъ. Больше ничего?

Мальчикъ. Нѣтъ-съ. Стѣны вижу...васъ вижу... потолокъ вижу...

Ласуковъ. А еще?

Мальчикъ (осматривается съ безпокойствомъ). Ничего.

Ласуковъ. И все въ порядкѣ?

Мальчикъ. Все-съ.

Ласуковъ. А вотъ не все!

Мальчикъ (робко). Что же-съ?

Ласуковъ. Ну, посмотри хорошенько, такъ и увидишь.

Мальчикъ (въ недоумѣніи осматривается въ третій разъ и тоскливымъ голосомъ отвѣчаетъ). Ничего, все какъ слѣдуетъ.

Ласуковъ. Рѣшительно все?

Мальчикъ. Все.

Ласуковъ. Ворона ты, ворона! Ну, посмотри еще!

(Мальчикъ снова осматривается съ мучительнымъ безпокойствомъ. Ласуковъ устремляетъ на него вопросительный взглядъ. Мальчикъ молчитъ.)

Такъ ничего не видишь?

Мальчикъ. Ничего-съ.

Ласуковъ. Поди сюда.

(Мальчикъ подходитъ.)

Ласуковъ (приподнимается, съ язвительной гримасой указываетъ на нагорьлую свѣчу и говоритъ быстро). А это что такое?

Мальчикъ (*вскрикиваетъ*). Ахъ!

(И торопливо снимаетъ со свѣчи.)

Ласуковъ. О чемъ ты думаешь? гдѣ у тебя глаза? Скоро ли я добыюсь, что изъ тебя выйдетъ человѣкъ?..

(Умолкаетъ. Мальчикъ потихоньку уходитъ въ прихожую. Проходитъ нѣсколько минутъ, втеченіе которыхъ старичокъ зѣваетъ, потягивается, закрываетъ и открываетъ глаза. Вѣтеръ продолжаетъ выть.)

Какъ воетъ, какъ воетъ! Теперь, я думаю, даже ворона усидѣть на деревѣ не можетъ: какъ поддастъ ей вѣтеръ подъ крылья, такъ поневолѣ летитъ и каркаетъ, дура. (*Молчаніе.*) Въ Петербургѣ въ Англійскомъ Клубѣ, въ Дворянскомъ Собраніи теперь, я думаю, играютъ. И прекрасно дѣлаютъ. (*Зѣваетъ.*) Одному играть почти невозможно... да и результату никакого не будетъ! А можетъ быть въ Дворянскомъ Собраніи теперь балъ, музыка... (*Молчаніе.*) Козыревичъ!

(Является мальчикъ.)

Подай гитару!

(Мальчикъ, снявъ со стѣны, подаетъ ему гитару и останавливается у дверей. Ласуковъ играетъ и припѣваетъ апатически:)

По полтинничку на пивѣ пропивалъ,
Отъ того-то и на съѣзжей побывалъ...

У тебя есть ноги?

Мальчикъ. Есть.

Ласуковъ. Чтò жъ ты стоишь?

Мальчикъ. Ничего-съ.

Ласуковъ. Пляши. (*Продолжаетъ играть. Мальчикъ усмѣхается.*) Ну!

Мальчикъ. Не умѣю-съ!

Ласуковъ. Говорятъ, пляши, такъ пляши!

(Мальчикъ робко переминается. Грозно)

Ну же!

(Мальчикъ дѣлаетъ нѣсколько неловкихъ движеній, Ласуковъ играетъ. Во время пляски у мальчика выпадаетъ маленькій ключъ изъ кармана. Ласуковъ, замѣтивъ это, говоритъ въ сторону, съ радостью потирая руки:)

А-та-та-та! (*Мальчику.*) Ну, будетъ, будетъ! заставь дурака молиться, онъ и лобъ готовъ разбить!

(Мальчикъ уходитъ, Ласуковъ на ципочкахъ подкрадывается къ ключу, беретъ его, также тихо возвращается къ дивану, ложится и кричитъ:)

Растеряшинъ!

(*Является мальчикъ.*)

Подай пороху!

(Мальчикъ уходитъ въ сѣни, черезъ минуту возвращается и начинаетъ шарить въ прихожей. Ласуковъ съ удовольствіемъ прислушивается къ его дѣйствіямъ.)

Пошелъ теперь, пошелъ! (*Мальчику.*) Чтò жъ пороху?

Мальчикъ (*изъ прихожей*). Сейчасъ!

(Слышно, какъ мальчикъ опять идетъ въ сѣни, возвращается и продолжаетъ шарить.)

Ласуковъ (*тихо*). Ищи! ищи! (*Громко.*) Ну?

Мальчикъ (*сконфуженный, въ дверяхъ*). Да не знаю, сударь, ключъ отъ шкапа куда-то затерялся. Сходить развѣ: не у Татьяны ли.

Ласуковъ. Да ты развѣ ей отдалъ его?

Мальчикъ (*несмѣло*). Да... ей-съ... у нея...

Ласуковъ. Ну, конечно! сходи, сходи!

(Мальчикъ уходитъ, и слышно на улицѣ, какъ онъ бѣжитъ и шлепаетъ по грязи.)

Экъ улепетывается! точно верхомъ поскакалъ! молодая нога, горячая кровь! Эхъ, молодость, молодость! И мы были молоды, и въ кавалеріи служили, и на балахъ танцовали, и шпорами тамъ побрякивали... да то ли еще дѣлывали?... а теперь! эхъ, эхъ, эхъ! молодость прожили, силу пропили и доживаемъ вѣкъ съ Гаврюшкой да съ Анисей, да съ аптечными банками да съ лечебникомъ Энгальчева — ипохондрическаго пѣхотнаго полка, геморроидальнаго батальона, въ лазаретномъ отдѣленіи. (*Слышно возвращеніе мальчика.*)
Ключаревъ!

(Является мальчикъ весь красный, запыхавшись; лицо его выражаетъ безпокойство.)

Что жъ, ключъ взялъ у Татьяны?

Мальчикъ. Да она говоритъ, что у нея нѣтъ.

Ласуковъ. Ну, такъ гдѣ же онъ?

Мальчикъ. Не знаю, сударь!... Онъ все у меня былъ...

Ласуковъ. Гдѣ?

Мальчикъ. Вотъ здѣсь, на поясѣ... какъ вы изволили приказывать.

Ласуковъ. Такъ ты, видно, потерялъ его?

Мальчикъ. Нѣтъ-съ... какъ можно! я его крѣпко привязалъ...

Ласуковъ. Крѣпко?

Мальчикъ. Крѣпко-съ... Сходить развѣ къ матушкѣ. Не оставилъ ли я его тамъ, какъ передѣвался...

Ласуковъ Сходи. (*Мальчикъ уходитъ и опять слышенъ топотъ его ногъ, къ которому Ласуковъ прислушивается. Топотъ умолкаетъ, а черезъ двѣ минуты слышится снова все ближе и ближе.*) Вишь, опять побѣжалъ, точно заяцъ! (*Молчаніе.*) Вотъ, говорятъ, охота самое лучшее развлеченіе осенью. Фу! мучить бѣдное животное! (*Слышенъ скрипъ двери.*) Ну, принеси пороху?

Мальчикъ (*еще болѣе красенъ и запыхался и безпокоенъ*). Да никакъ, сударь, ключа не могу найти.

Ласуковъ. Ключа не можешь найти?

Мальчикъ. Не могу-съ.

Ласуковъ. Я кому отдалъ ключъ?

Мальчикъ. Мнѣ-съ.

Ласуковъ. Я тебѣ что приказывалъ?

(*Молчаніе.*)

Ну, говори, что я тебѣ приказывалъ.

(*Молчаніе.*)

У тебя есть языкъ?

Мальчикъ. Есть.

Ласуковъ. Лжешь, нѣтъ. У тебя нѣтъ языка... а?

Мальчикъ. Есть.

Ласуковъ. Что жь ты молчишь?

(Мальчикъ продолжаетъ молчать.)

Говори же! я тебѣ приказывалъ ключъ отъ пороку носить на поясѣ, никому не давать и беречь пуще глаза... такъ?

Мальчикъ (*едва слышно*). Такъ-съ.

Ласуковъ. Ну, такъ куда же ты его дѣвалъ?

Мальчикъ. Не знаю-съ... я никуда его не дѣвалъ... я...

Ласуковъ. Никуда?

Мальчикъ. Никуда-съ!

Ласуковъ. Не отдавалъ никому?

Мальчикъ. Никому-съ.

Ласуковъ. И не терялъ?

Мальчикъ. Не терялъ-съ.

Ласуковъ. Ну, такъ подай пороку!

(Мальчикъ молчитъ и не двигается. Холодный потъ выступаетъ у него на лбу).

Ласуковъ. Разбойникъ ты, разбойникъ! Ни стыда, ни совѣсти въ тебѣ нѣтъ! Хлопочи, заботься о васѣ, ночи не спи, — а вы и ухомъ не ведете! Ну, теперь вдругъ воры залѣзутъ, волки нападутъ — понадобится ружье зарядить... ну, гдѣ я возьму пороку?... Такъ за тебя, разбойника, всѣхъ насъ волки и разорвутъ.

Мальчикъ (*громко рыдаетъ*). Я ужь и самъ не знаю, куда ключъ пропалъ.

Ласуковъ. Не знаешь... Ну, такъ ищи!

Мальчикъ. Да я ужь искалъ, да не знаю, гдѣ ужь его и искать...

Ласуковъ. Не знаешь?... а ѣсть, а пить, а спать знаешь! а?

(Мальчикъ продолжаетъ рыдать.)

Поди сюда. (*Мальчикъ подходитъ. Ласуковъ достаетъ изъ кормана ключъ, показываетъ мальчику и устремляетъ на него лукавый и проницательный взглядъ.*) Это что такое?

Мальчикъ (*пораженный радостнымъ изумленіемъ, простодушно*). Да какже онъ вдругъ у васъ очутился!...

Ласуковъ. Узналъ?

(Онъ наслаждается удивленіемъ мальчика.)

Мальчикъ. Узналъ-съ.

Ласуковъ. Радъ?

Мальчикъ. Какже не радоваться!

(Лицо его просіяло, и онъ вытираетъ слезы.)

Ласуковъ. То-то вы! Я васъ пой, корми, одѣвай, обувай, да я же вамъ и нянюшкой буду... У, мерзавецъ! (*При этомъ онъ вернулъ пальцемъ его носъ, отдавая ему ключъ.*) Возьми, да потеряй у меня еще разъ, такъ потолчешь воду цѣлую недѣлю!

Мальчикъ. Пороху прикажете?

Ласуковъ. Не нужно, ступай.

(Мальчикъ, у котораго лицо вытягивается отъ удивленія, медленно отправляется въ прихожую. Старичокъ ложится. Наступаетъ тишина, нарушаемая только воемъ вѣтра и гуломъ проливнаго дождя. Вдругъ на лицѣ старичка является тревожное выраженіе. Онъ быстро приподнимается, щупаетъ себѣ жи-

вотъ иподъ ложечкой, пробуеъ свой пульсъ,—
и кричитъ:)

Ласуковъ. Подлекаръ!

(Является мальчикъ.)

Подай зеркало. (*Мальчикъ приноситъ ручное зеркало.*) Свѣти! (*Мальчикъ свѣтитъ. Ласуковъ, приставивъ зеркало, разсматриваетъ свой языкъ и дѣлаетъ гримасы передъ зеркаломъ, стараясь высунуть какъ можно больше языкъ.*) Такъ, такъ! бѣлый, совсѣмъ бѣлый... точно сметаной съ мѣломъ вымазанъ... Бѣлый?

(При этомъ онъ поворачиваетъ лицо съ высунутымъ языкомъ къ мальчику.)

Мальчикъ. Бѣлый-съ.

Ласуковъ. Какъ снѣгъ?

Мальчикъ. Какъ снѣгъ.

Ласуковъ. Возьми!

(*Мальчикъ уноситъ зеркало. Ласуковъ въ отчаяніи опускается на диванъ, ощупываетъ себя и разсуждаетъ самъ съ собою.*) Чего бы я такого вреднаго съѣлъ?... А! грибы!.. точно: въ соусъ были грибы... Ахъ, проклятый поваришка! прошу покорно: наклалъ въ соусъ грибовъ... (*Кричитъ*) Грибоѣдовъ.

(Является мальчикъ.)

Позови Максима.

(Приходитъ Максимъ — человекъ средняго роста, лѣтъ сорока, въ бѣлой курткѣ и бѣломъ фартукѣ. Онъ низко кланяется и робко стоитъ въ дверяхъ.)

Ласуковъ. Ты что такое?

(Максимъ молчитъ.)

У тебя есть языкъ?

(Молчаніе.)

Да говори же: есть у тебя языкъ?

Максимъ (*пугово*). Какже, сударь, какже!

Ласуковъ. Не вѣрю: покажи!

(Максимъ плотнѣе сжимаетъ губы.)

Ласуковъ. Ну!

(Максимъ нерѣшительно переминается.)

Языковъ!

(Является мальчикъ.)

Скажи ему, чтобъ онъ показалъ языкъ!

Мальчикъ. Ну, покажи языкъ!

(Послѣ долгой нерѣшительности, поваръ, съ крайней застѣнчивостью, неловко высовываетъ языкъ.)

Ласуковъ. Отчего же ты молчишь?

(Максимъ молчитъ.)

Молчалинъ! скажи ему, чтобъ онъ говорилъ.

Мальчикъ. Ну, говори!

(Поваръ молчитъ.)

Ласуковъ. Ты что такое?

(При этомъ вопросѣ, на лицѣ молчаливаго повара выражается мучительное недоумѣніе.)

Ты будешь мнѣ сегодня отвѣчать?

(Максимъ издаетъ губами неопредѣленный звукъ.)

Я тебя спрашиваю! ты что такое: кузнецъ, плотникъ, слесарь...

Максимъ (*поспѣшно и радостно*). Поваръ, сударь, поваръ!

(Мальчикъ уходитъ.)

Ласуковъ. Чей?

М а к с и м ъ. Вашей милости, сударь!

Л а с у к о в ъ. Ты долженъ меня слушаться?

М а к с и м ъ. Какже, сударь, какже!

Л а с у к о в ъ. Я тебѣ что приказывалъ? Ну, говори, все ли ты изготовилъ, какъ я тебѣ приказывалъ?

М а к с и м ъ (*съ безпокойствомъ*). Все-съ.

Л а с у к о в ъ. Все? Ты что сегодня готовилъ?

М а к с и м ъ. Супъ, холодное... (*Запинается.*)

Л а с у к о в ъ. Ну?

М а к с и м ъ (*быстро и глухо*). Соусъ... (*явствен- нѣе*) жаркое, пирожное...

Л а с у к о в ъ. Стой, стой...зачастилъ!...Соусъ?...

М а к с и м ъ. Соусъ.

Л а с у к о в ъ. Съ чѣмъ?

(Максимъ молчитъ.)

Говори!

М а к с и м ъ. Съ красной подливкой.... жар- кое-съ...

Л а с у к о в ъ. Да нѣтъ, ты постой! съ чѣмъ соусъ?...

М а к с и м ъ. Съ красной подливкой.

Л а с у к о в ъ. А еще съ чѣмъ?... ни съ чѣмъ больше... а?...

М а к с и м ъ (*съ радостью*). Ни съ чѣмъ, су- дарь, ни съ чѣмъ!

Л а с у к о в ъ. А грибовъ въ соусъ не было?... (*Молчаніе.*) не было грибовъ?

М а к с и м ъ (*издаетъ неопредѣленный звукъ*). Не б... мм...

Ласуковъ. Не было? Ну, принеси его сюда! (*Максимъ уходитъ.*) Э—эхъ! (*зѣваетъ*) хотя бы до девяти дотянуть... время-то вѣдь какъ ползетъ — еле-еле... Черепяхинъ! (*Входитъ мальчикъ.*) Много ли?

Мальчикъ (*уходитъ въ дверь направо и возвращается*). Безъ четверти семь.

(*Возвращается Максимъ съ соусникомъ.*)

Ласуковъ. Принесъ? (*Максимъ подаетъ ему соусникъ; мальчикъ уходитъ.*) Это что такое? это не грибы?... (*Пробуетъ.*) Конечно, грибы, еще бы не грибы. (*Ѣстъ.*) Прошу покорно, отравлять меня вздумалъ! Это не грибы! Не грибы (*пѣстъ*). не грибы! что же это такое, какъ не грибы?.... пробка, что ли? (*пѣстъ*) нѣтъ, нѣтъ, какая пробка! (*Къ повару.*) Такъ ты не клалъ въ соусъ грибовъ?

Максимъ. Немножко, сударь... такъ... только для духу!

Ласуковъ. Я тебѣ что приказывалъ? (*Молчаніе.*) Говори: приказывалъ я тебѣ класть въ кушанье грибы?...

Максимъ. Нѣтъ, сударь...

Ласуковъ. Зачѣмъ же ты положилъ ихъ? (*Максимъ молчитъ.*) Ну, говори: зачѣмъ?

Максимъ. Да, я такъ... немножко... я думалъ только...

Ласуковъ. Стой! что ты думалъ? (*Максимъ молчитъ.*) Что ты думалъ? (*Максимъ продолжаетъ молчать.*) Ты будешь мнѣ сегодня отвѣчать?

Максимъ. Да я, сударь, думалъ, что оно... вкуснѣе... будетъ...

Ласуковъ. Вкуснѣе! Ахъ ты, чумичка, чумичка!... Вкуснѣе будетъ!... Ему и дѣла нѣтъ, что баринъ нездоровъ... Онъ радъ мухоморами накормить... валить грибы очертя-голову, а тутъ хоть умирай... Знаешь, что ты надѣлалъ?

Максимъ. Не могу знать-съ.

Ласуковъ. Мухоморовъ!

(Является мальчикъ.)

Ласуковъ. Подведи его сюда! (*Мальчикъ подводитъ повара къ столу.*) Видишь? (*Показываетъ повару языкъ.*)

Максимъ. Вижу-съ.

Ласуковъ. Бѣлый?

Максимъ. Бѣлый-съ.

Ласуковъ. Какъ снѣгъ?

Максимъ. Какъ снѣгъ.

Ласуковъ. Кто его выбѣлилъ, а? что молчишь? Въ маляры вмѣсто поваровъ, въ маляры—никуда больше не годенъ. Потолки бѣлить, крыши красить. Вотъ упадешь съ крыши, расшибешься — туда тебѣ и дорога. Что мнѣ съ тобой сдѣлать? (*Молчаніе.*) А?

Максимъ. Не знаю, сударь!

Ласуковъ. Какъ думаешь?

Максимъ. Не знаю-съ.

(Долгое молчаніе.)

Ласуковъ. Пошелъ, садись подъ окошкомъ и пой пѣтухомъ! да положи у меня еще разъ грибовъ!!

(Максимъ поспѣшно уходитъ, съ глубокимъ и свободнымъ вздохомъ.)

Ласуковъ. Пѣтуховъ! (*Входитъ мальчикъ.*)
Который часъ?

Мальчикъ. Половина восьмого.

Ласуковъ. Ухъ! (*Съ отчаяніемъ опускаетъ голову на подушку. Тишина. Черезъ минуту онъ снова начинаетъ себя ощущивать, повторяя:*)
Отравилъ! совсѣмъ отравилъ, разбойникъ! И желудокъ тяжелъ, и подъ ложечкой колетъ... ужь не принять ли пилюль... не поставить ли мушку?... (*Кричитъ.*) Тифусевичъ! (*Является мальчикъ.*) Энгальчева подай! (*Мальчикъ приноситъ нѣсколько старыхъ книгъ въ спро-синей оберткѣ.*) Очки! (*Мальчикъ приноситъ очки. Надѣвъ ихъ, Ласуковъ читаетъ. По мѣрѣ чтенія, лицо его дѣлается безпокойнѣе. Наконецъ въ волненіи онъ начинаетъ читать вслухъ:*) «При ощущеніи тяжести въ животѣ, урчаніи...» (*Онъ прислушивается къ своему животу, съ ужасомъ:*) урчитъ! урчитъ! (*Продолжаетъ читать:*) «Боли подъ ложечкой, нечистотѣ языка, позыву «къ отрыжкѣ...» Къ отрыжкѣ? (*Насильственно рыгаетъ.*) Такъ, и отрыжка есть! (*Читаетъ:*) «Нервической зѣвотѣ...» Что, зѣвота? Ну, зѣвота страшная цѣлый вечеръ! (*Съ наслажденіемъ зѣваетъ нѣсколько разъ, приговаривая безпокойнымъ голосомъ:*) Вотъ и еще! вотъ еще!... (*Читаетъ:*) «...жару въ головѣ, біеніи въ вискахъ...» (*Пробуетъ себѣ голову.*) Такъ и есть: горяча!

Ну, біенія въ вискахъ, кажется, нѣтъ. (*Пробуетъ виски.*) Или есть?... Да, есть! точно, есть!.. Прошу покорно... начинается тифусъ, чистѣйшій тифусъ... Ай да грибки! Угостилъ!... Не поставитъ ли хрѣну къ вискамъ? или къ ногамъ горчицы?... а не то прямо приплюснуть мушку на животъ?... (*Кричитъ*) Горчишниковъ! (*Является мальчикъ.*) Скажи повару... нѣтъ, поди! ничего не надо! (*Мальчикъ уходитъ.*) Лучше подожду, пока начнется... вотъ и Энгальчевъ пишетъ: не принимать рѣшительныхъ средствъ, пока болѣзнь совершенно не опредѣлится! (*Онъ закрываетъ глаза и ждетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ.*) Начинается... или нѣтъ? (*Онъ приподнимается, и вся фигура его превращается въ вопросительный знакъ; онъ прислушивается къ своему животу, пробуетъ себѣ лобъ, виски, животъ.*) А, вотъ началась! началась! (*Эти слова кричитъ онъ такъ громко, что мальчикъ въ прихожей вздрагиваетъ, просыпается и осматривается безумными глазами.*) Нѣтъ ничего!... Лучше я чѣмъ нибудь займусь, такъ она тѣмъ временемъ и начнется... опредѣлится... тогда и мѣры приму... А чѣмъ бы заняться?... А!.. Энгальчевъ! (*Является мальчикъ.*) Холодно?

Мальчикъ. Холодно-съ.

Ласуковъ. Очень?

Мальчикъ. Очень.

Ласуковъ. Не будетъ ли завтра морозу? Спроси-ка, гдѣ моя шуба, да вели принести сюда! (*Мальчикъ уходитъ въ дверь направо.*) Посмот-

римъ, посмотримъ, что теперь будетъ. Ужь давно я ждалъ...

(Является Анисья, женщина лѣтъ тридцати, очень полная, съ бѣлой, болѣзненной пухлостью въ лицѣ. На плечи ея накинута пунцовая кацавейка, не закрывающая, впрочемъ, спереди платья, которое виситъ мѣшкомъ на ея огромной груди. Голова Анисьи довольно растрепана; въ ушахъ ея огромныя серьги, а на вискахъ косички, закрученныя къ бровямъ и заколотыя шпильками, отъ которыхъ тянутся цѣпочки съ бронзовыми шариками, дрожащія при малѣйшемъ движеніи. На ея бѣлой и толстой шеѣ два ряда янтарныхъ бусъ, которые тоже трясутся и дребезжатъ. Она останавливается у стола въ небрежной позѣ и спрашиваетъ протяжнымъ голосомъ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:)

Анисья. Вы спрашиваете шубу, Сергѣй Сергѣичъ?

Ласуковъ (*нѣжно*). Да моя милая, шубу. Хочу посмотрѣть. Я ее съ прошлой зимы не надѣвалъ. Можетъ, передѣлать понадобится... Гдѣ она у васъ сохраняется?

Анисья (*протяжно*). Да гдѣ?... (*Останавливается съ разинутымъ ртомъ и думаетъ.*) Да въ шкапу лежитъ... больше ей негдѣ лежать...

Ласуковъ. И табакомъ переложена?

Анисья. Переложена.

Ласуковъ. Ну, такъ пускай принесутъ.

(Прозвенѣвъ своими цѣпочками и булавками, Анисья медленно и въ раздумьи уходитъ.)

Скоро во всемъ домѣ слышится глухая тревога: бѣготня, отрывистые голоса, отодвиганье ящиковъ, щелканье замковъ.)

Ласуковъ (*прислушиваясь къ общей тревогѣ и потирая руки*). Ну, теперь пошли щелкать дверьми, отодвигать ящики, ключами гремѣть... засуетились, забѣгали!...

(Заслышавъ тяжелые шаги Анисьи, онъ спѣшитъ принять спокойное выраженіе. Входитъ Анисья.)

Анисья. Да на что вамъ вдругъ таперича шуба понадобилась?

Ласуковъ. Посмотрѣть хочу. Холодно становится... Можетъ, завтра морозъ будетъ...

Анисья. Да не будетъ завтра морозу.

Ласуковъ. А какъ будетъ?

Анисья. Ну, такъ завтра и посмотрите.

Ласуковъ. Завтра? Надо ее прежде выколотить... починить... Да вѣдь она у тебя въ шкапу лежитъ и табакомъ пересыпана, — прикажи достать — вотъ и дѣло съ концомъ!

(Онъ лукаво смотритъ на нее. Анисья потупляетъ глаза.)

Анисья. Ахъ, вы! (*Качаетъ головой, отчего ея цѣпочки и шарики приходятъ въ страшное движеніе.*) Ужъ всегда такой.... какъ что вздумаете... Вотъ вздумалъ, право!

(Уходитъ. Снова во всемъ домѣ начинается бѣготня и тревога, гораздо сильнѣе прежней. На потолокъ и стѣнахъ появляются свѣтлыя пятна, показывающія, что по двору ходятъ съ фонарями. Со двора долетаютъ голоса,

хлопанье и скрипѣнье дверей. Лицо старичка опять озаряется лукавой и довольной усмѣшкой.)

Ласуковъ. Отлично! отлично! ну, задамъ же я имъ работу! Ищите, друзья мои, ищите! ха, ха, ха! Прежде небось никто не подумалъ... только бы ѣсть да лежать... а вотъ теперь и побѣгаете... Дармоѣдовъ!

(Входитъ мальчикъ.)

Ласуковъ. Что же шуба?

Мальчикъ. Не знаю, сударь! Ищутъ...

Ласуковъ (*съ видомъ величайшаго изумленія*). Какъ ищутъ? да развѣ она не въ шкапу лежитъ?

Мальчикъ. Не знаю—съ.

Ласуковъ. Поди, скажи, чтобъ давали!

(Является Анисья съ шубой на рукѣ.)

Анисья. Вотъ ваша шуба.

Ласуковъ. Покажи-ка!

Анисья. Нѣтъ, вотъ у ней крючокъ оторванъ, такъ я велю пришить...

(Она хочетъ итти.)

Ласуковъ. Нѣтъ, не надо, не надо! Давай ее такъ! я хочу другіе серебряные крючки поставить...

Анисья. Ну, такъ гдѣ они у васъ? давайте, я пришью....

Ласуковъ. Нѣтъ, шубу—то покажи!

Анисья (*медленно подвигается впередъ, причемъ шарики и цѣпочки звенятъ, и показываетъ издали шубу Ласукову*). Да вотъ же она! Ну, чего

невидали?... Вотъ у ней маненечко воротникъ моль тронула, такъ я хотѣла...

Ласуковъ. Моль тронула! Не можетъ быть! Вѣдь она у васъ въ шкапу лежала? (Анисья молчитъ) табакомъ была переложена? (Анисья въ смущеніи потупляетъ голову и молчитъ.) Не можетъ быть! Ну, покажи!

Анисья (стоитъ неподвижно, съ потупленной головой, и тяжело и громко дышитъ). Право, охота вамъ таперича шубой заниматься... Вѣдь сегодня гулять не пойдете... читали бы въ книжку, право...

Ласуковъ. Читаю, читаю, да вотъ и вычиталъ, что и по вечерамъ иногда полезно прогуливаться...

Анисья (громко и рѣшительно). Да нельзя же вамъ въ ней прогуливаться! Вотъ ее забыли въ горенкѣ... а таперича вотъ ее всю моль поѣлъ!

(Проговоривъ это однимъ духомъ и безъ обычной протяжности, Анисья выпускаетъ глубокій вздохъ, при чемъ грудь ея сильно колышется и цѣпочки на вискахъ дрожатъ сильнѣе обыкновеннаго.)

Ласуковъ (съ притворнымъ ужасомъ). Всю моль поѣлъ! (Вскакиваетъ и хватается шубу изъ рукъ Анисьи.) Ай! ай! ай! (Встряхиваетъ шубу, отчего въ воздухъ образуется туча пуху и пыли, а полъ покрывается клочками полусгнившаго мѣха.) Это что такое? (Указываетъ на огромныя плъшины и дыры, выѣденныя молью. Анисья молчитъ.) Что это такое?

Анисья (*съ досадой.*) Да я же вамъ говорила, что ее моль поѣлъ!

Ласуковъ. Моль поѣлъ!... А гдѣ она лежала?

Анисья. Да въ горенкѣ... на чердакѣ...

Ласуковъ. Въ горенкѣ... А кто ее положилъ въ горенку? а?...

Анисья. А я почему знаю...

Ласуковъ. Ты не знаешь... Не знаешь! хороша домоправительница! Кто же знаетъ? (*Кричитъ*) Мѣхоѣдовъ! (*Является мальчикъ.*) Ты не знаешь, кто бросилъ шубу на чердакъ?

Мальчикъ. Не знаю-съ.

Ласуковъ. Кто же знаетъ?

Мальчикъ. Не знаю-съ... развѣ Татьяна...

Ласуковъ. Позови Татьяну. (*Мальчикъ уходитъ. Ласуковъ, покачивая головой, укорительно смотритъ на Анисью.*) И не стыдно тебѣ?

Анисья. А ничаво не стыдно!

(Приходитъ Татьяна, старуха лѣтъ 70, въ платкѣ и огромныхъ котахъ, надѣтыхъ на толстые шерстяные чулки.)

Ласуковъ. Поди сюда! (*Старуха подходитъ, стуча котами.*) Это что такое?

Татьяна. Шуба, ба-ба-тюшка!

Ласуковъ. Хороша?

Татьяна. Хороша, батюшка!

Ласуковъ. Посмотри хорошенько! (*Старуха нагибается и осматриваетъ шубу.*) Очень хороша?

Татьяна. Очень, батюшка!

Ласуковъ. Ты носила шубу на чердакъ?

Татьяна. Нѣтъ, батюшка!

Ласуковъ. Кто же?

Татьяна. Не знаю-съ, батюшка!

Ласуковъ. Ты ходишь на чердакъ?

Татьяна. Какже, батюшка, случается...

Ласуковъ. Отчего же ты не посмотрила да не прибрала ее?

Татьяна. Да не въ домекъ, батюшка!.. Не я одна хожу...

Ласуковъ. Не ты одна! Кто же еще?

Татьяна. Кто? всѣ ходятъ, батюшка! Кому понадобится, тотъ и претъ... И Антипъ ходитъ, и Егоръ Харитонычъ ходитъ...

Ласуковъ. Пучеглазовъ! (*Является мальчакъ.*) Позови Егора.

(Приходитъ Егоръ — старый человѣкъ, низенькій, съ краснымъ лицомъ, плѣшивый.)

Ласуковъ. Ты сытъ?

Егоръ. Сытъ-съ.

Ласуковъ. Одѣтъ?

Егоръ. Одѣтъ.

Ласуковъ. Обутъ?

Егоръ. Обутъ.

Ласуковъ. Пригрѣтъ?

Егоръ. Пригрѣтъ.

Ласуковъ. Жена твоя сыта?

Егоръ. Сыта.

Ласуковъ. Одѣта?

Егоръ. Одѣта.

Ласуковъ. Обута?

Егоръ. Обута.

Ласуковъ. Пригрѣта?

Егоръ. Пригрѣта.

Ласуковъ. Дѣти твои по міру не ходятъ?

Егоръ. Не ходятъ.

Ласуковъ. Сыты?

Егоръ. Сыты.

Ласуковъ. Одѣты?

Егоръ. Одѣты.

Ласуковъ. Обуты?

Егоръ. Обуты.

Ласуковъ. Пригрѣты?

Егоръ. Пригрѣты-съ.

Ласуковъ. Подойди сюда. (*Егоръ подходитъ.*)

Смотри. (*Тряхнувъ шубу, онъ пускаетъ на Егора тучи пыли и пуху.*) Хороша?

Егоръ (*глубокомысленно*). Да никакъ ее мошь поѣлъ!

Ласуковъ. Мошь поѣлъ! Ты ходишь на чердакъ?

Егоръ. Случается.

Ласуковъ. Отчего жь ты не посмотриѣлъ да не сказалъ, что вотъ-де шуба валяется...

Егоръ. Да не мое дѣло.

Ласуковъ. Не твое дѣло? а ѣсть, а спать, а пить — твое дѣло?...

Егоръ. Когда спать! овса выдай, хлѣбъ мѣрой прими, подводы наряди... А вотъ Антипъ все лежитъ...

Ласуковъ (*кричитъ.*) Мериносовъ! (*Является мальчикъ.*) Позови Антипа.

А н и с ъ я (*протяжно.*) Вотъ, право, таперича чѣмъ вздумали заниматься!

Л а с у к о в ъ. Э, что? ужь лучше молчи!

(Приходитъ Антипъ — высокій и плотный человекъ среднихъ лѣтъ, въ полушубкѣ.)

Ты все лежишь?

А н т и п ъ. Какъ можно-съ! досугъ ли лежать... лошадямъ корму задай, собакамъ замѣси, дровъ наруби...

Л а с у к о в ъ. Ну, пошелъ! Поди сюда! (*Антипъ подходитъ.*) Полюбуйся. (*Къ Анисью, ядовитымъ голосомъ, указывая на шубу.*) Полюбуйся и ты...

(Наступаетъ глубокое молчаніе. Анисья, Егоръ, старуха Татьяна, Антипъ и мальчикъ въ разныхъ положеніяхъ стоятъ кругомъ остатковъ шубы, въ облакъ пыли и пуху. Свѣча горитъ тускло. Ласуковъ сидитъ на краю дивана, съ поникшей головой. Со двора доносится вой вѣтра и гулъ дождя.)

Л а с у к о в ъ. Дармоѣды! лежебоки! Только ѣсть, пить, спать; а тамъ про нихъ хоть трава не расти... Какую шубу сгноили!... Нѣтъ, чтобъ подумать: гдѣ-то баринова шуба? возьму-ка ее выколочу да переложу табакомъ... Куда! ни одному и въ голову не пришло... Я такъ и зналъ!.. Что, вы думаете, что я все лежу да книгу читаю, такъ ужь ничего и не вижу? все вижу, все! Я какъ снялъ весной шубу, тогда же подумалъ: вотъ только не прикажи я спрятать, сгноять, непременно сгноять... Не на мое вышло... а?...

(Останавливается съ вопросительнымъ выраженіемъ.)

Анисья (*среди общего молчанія*). Такъ зачѣмъ же вы тогда же не сказали? А вотъ таперича сами сердитесь!

Ласуковъ. Не сказалъ... зачѣмъ не сказалъ?... Хороша и ты, голубушка! заботлива, нечего сказать! Семь мѣсяцевъ гніетъ шуба, а ей и въ голову не придетъ!... ходитъ себѣ точно ступа.

Анисья (*зарыдавъ вдругъ и утирая рукавомъ глаза*). Ужъ коли вы таперича зачали такимъ манеромъ со мной обращаться, такъ ужъ я и не знаю... (*Уходитъ съ иньвомъ.*)

Ласуковъ (*сердито обращаясь къ остальнымъ*). У васъ ногъ нѣтъ?

Егоръ. Прикажете итти?

Ласуковъ. Итти. Поѣсть, напиться и лечь спать подъ тулупомъ. Чтò же вамъ больше дѣлать? (*Они молча уходятъ.*) А вѣдь правду сказать, такъ и точно имъ больше дѣлать нечего. Я одинъ, а ихъ у меня человѣкъ двадцать. Счастливые люди... спится имъ. (*Зѣваетъ.*) Овчинниковъ! (*Является мальчикъ.*)

Ласуковъ. Поетъ?

Мальчикъ. Поетъ-съ.

Ласуковъ. Что жъ не слышать?...

Мальчикъ. Да за вѣтромъ... А, вотъ слышно!...

Ласуковъ (*прислушивается*). Поди скажи ему, чтобъ пересталъ горло-то драть да спать бы ложился; а готовить завтра ничего не надо: я боленъ. (*Мальчикъ уходитъ. Ласуковъ закрываетъ глаза. Тишина.*) Да, я боленъ, рѣшительно

боленъ. Только какая же у меня болѣзнь?... до сей поры не опредѣлилась... я просто весь боленъ : и голова, и ноги, и желудокъ... Вотъ, по-ди, и выбирай лекарство ! Тутъ и самъ Энгальчевъ станетъ втупикъ... (*Кричитъ*) Кантемиръ! (*Является мальчикъ.*) Который часъ?

Мальчикъ (*уходитъ и возвращается*). Четверть девятого. (*Молчаніе.*)

Ласуковъ. Штрипку пришили?

Мальчикъ. Пришили.

Ласуковъ. Ты видѣлъ?

Мальчикъ. Нѣтъ-съ ; да я еще утромъ велѣлъ Митрею пришить.

Ласуковъ. Вели-ка показать.

(Черезъ нѣсколько минутъ приходитъ Дмитрій, лысый человѣкъ среднихъ лѣтъ, малаго роста, съ стальнымъ наперсткомъ на большомъ пальцѣ. Въ рукахъ его панталоны со штрипками.)

Ласуковъ. Пришилъ?

Дмитрій. Пришилъ-съ.

Ласуковъ. Покажи. (*Мальчикъ свѣтитъ. Ласуковъ разсматриваетъ штрипку.*) Хорошо. Неси! (*Дмитрій идетъ.*) Пстой! (*Дмитрій останавливается.*) Ты зачѣмъ у меня шубу сгноилъ?

Дмитрій. Какую шубу?

Ласуковъ. У тебя есть глаза?

Дмитрій. Есть-съ.

Ласуковъ. Чтó жь ты ничего не видишь?

Дмитрій. Нѣтъ, я вижу-съ.

Ласуковъ. Нѣтъ, не видишь!

ДМИТРІЙ. Какъ угодно-съ.

ЛАСУКОВЪ (кричитъ). Курослѣповъ! (*Является мальчикъ.*) Покажи ему шубу.

(Мальчикъ подводитъ портнаго къ шубѣ, лежащей посреди полу. Дмитрій съ удивленіемъ и испугомъ осматриваетъ ее.)

ЛАСУКОВЪ. Лѣнтяи! лежебоки! Только ѣсть...

(Лѣнивый голосъ плохо повинуется ему. Не dokonчивъ выговора, онъ умолкаетъ.)

ДМИТРІЙ. Ничего больше не изволите приказать?

ЛАСУКОВЪ. Ступай. (*Дмитрій уходитъ. Наступаетъ тишина. Ласуковъ то закрываетъ, то открываетъ глаза, потягивается, зѣваетъ. Вѣтеръ продолжаетъ выть, ставни скрипятъ, дождь стучитъ въ крышу и окна.*) Вѣтрогоновъ! (*Является мальчикъ.*) Ты что дѣлаешь?

МАЛЬЧИКЪ. Ничего-съ...

ЛАСУКОВЪ. Который часъ?

МАЛЬЧИКЪ. (*уходитъ и возвращается*). Тридцать-пять минутъ девятаго.

ЛАСУКОВЪ. Тебѣ хочется спать?

МАЛЬЧИКЪ. Хочется.

ЛАСУКОВЪ. И если тебя пустить, ты вотъ такъ сейчасъ и заснешь?

МАЛЬЧИКЪ. Засну-съ.

ЛАСУКОВЪ. Поди вонъ. (*Мальчикъ уходитъ.*) Попробую-ка и я. (*Закрываетъ глаза и дѣлаетъ усиліе заснуть.*) Нѣтъ! спать, кажется, хочется, а попробуй лечь, цѣлую ночь глазъ не сомкнешь—ужь я испыталъ! Сонуля! (*Является мальчикъ.*)

Подай Удина ! (*Мальчикъ приноситъ книгу. Ласуковъ беретъ ее и черезъ минуту оставляетъ.*) Вотъ и Удинъ совѣтуетъ не принимать рѣшительныхъ мѣръ, пока болѣзнь не опредѣлится... А что же дѣлать ? (*Постепенно имъ овладѣваетъ неестественная зѣвота. Онъ зѣваетъ съ варіаціями и фіоритурами, вытягивая безконечныя а-а-а-а-о-о-о-о-у-у-у.*) Синебоковъ ! (*Является мальчикъ.*) Который часъ ?

Мальчикъ (*уходитъ и возвращается*). Сорокъ-три минуты девятаго. (*Уходитъ. Тишина.*)

Ласуковъ. Токаревъ ! (*Является мальчикъ.*)
Подай станокъ !

(Мальчикъ приноситъ небольшой токарный станокъ. Ласуковъ начинаетъ пилить и строгать. Мальчикъ свѣтитъ, стоя передъ станкомъ. Однообразное визжанье подпилка скоро убаюкиваетъ его. Онъ спитъ слегка покачиваясь, натывается животомъ на станокъ, толкаетъ его. Ласуковъ даетъ ему щелчка и продолжаетъ пилить. Постепенно рука его пилить слабѣе и слабѣе, наконецъ вовсе замираетъ надъ станкомъ. Рука мальчика также ослабѣваетъ и раскрывается. Подсвѣчникъ съ рѣзкимъ звономъ падаетъ на полъ. Свѣчка гаснетъ. Мальчикъ вздрагиваетъ и продолжаетъ спать. Ласуковъ также вздрагиваетъ, на минуту открываетъ глаза и, переложивъ голову со станка на подушку, также продолжаетъ спать. Занавѣсъ опускается.)

1848 г.

КЪ ОТЦУ.

СТИХОТВОРЕНІЕ А. —АГО.

Какъ недвижны волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними полный жизни міръ;
А здѣсь я, одинокъ и сиръ,
Отдалъ всю жизнь воспоминаью.

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ:
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.

Проснется ль темный сводъ небесъ,
Заговоритъ ли дальній лѣсъ
Иль золотой зашепчетъ колосъ, —
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ,
Вездѣ мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.

Когда жь объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ усталыхъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ-изнанникъ, —
Войдетъ, растаетъ весь въ любовь,
И небо въ душу прійметъ вновь
И на землѣ не будетъ странникъ?

Нѣтъ, не входить мнѣ въ отчій домъ,
И не молиться мнѣ съ отцомъ
Передъ домашнею иконою!
Не утѣшать его сѣдинъ!
Не быть мнѣ отъ заботъ, кручинъ
Его младенцевъ обороной!

Меня въ чужбину вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чолнъ, скользившій безъ кормила....
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но выюгой вырыта могила.

Съ тѣхъ поръ, займется ли зоря,
Молю я солнышко-царя,
И вотъ къ нему мое моленье:
«Меня, о солнце, воскреси,
«И дай мнѣ на святой Руси
«Побыть, вздохнуть одно мгновенье!

«Взнеси опять мой бѣдный чолнъ,
«Игралище безумныхъ волнъ,

« На океанъ твоей державы,
« Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей
« И грѣшной юности моей
« Не помяни ты въ царствѣ славы!... »

ИШОХОНДРИКЪ.

ПИСЬМА КЪ ПРИЯТЕЛЮ.

А. С—А.

...Si ton coeur a la témérité de vivre encore et de brûler pour l'idéal, ce feu divin ne servira plus qu'à consumer tes entrailles et à éclairer ton impuissance et la nullité.

28 сентября. С -Петербургъ.

Романъ, въ которомъ довольно долго игралъ я роль героя, наконецъ оконченъ приличнымъ образомъ, то есть бракомъ,—бракомъ, однакожь, не героя съ героинею, но героини съ лицомъ, которое нежданно явилось въ концѣ романа, чтобы ускорить его развязку. Дѣло не обошлось, однакожь, безъ чувствительныхъ сценъ: весьма въ трогательныхъ выраженіяхъ упомянуто было героинею о роковой волѣ судьбы, о необходимости покориться ей, о любви къ родителямъ, о самопожертвованіи, наконецъ въ неопредѣленныхъ и темныхъ выраженіяхъ о силѣ какихъ-то неотвратимыхъ обстоятельствъ, были слезы, вздохи и жалобы; словомъ, соблюдены всѣ формы разлуки. Я порядочно пострадалъ, но теперь

довольно покоенъ. Нечего таиться : еще грущу, еще люблю призракъ , созданный самимъ же мною и съ которымъ свыклось мое сердце ; надеюсь, однакожь, вскорѣ вполнѣ оторваться отъ прошедшаго и начать жизнь въ настоящемъ. Ты спрашиваешь, что я дѣлаю? Ничего покуда.

18 декабря.

Я все еще ничѣмъ не занятъ. Въ душѣ моей возстановилось теперь совершенно спокойствіе, не возмущаемое болѣе ни грустью, ни сожалѣніемъ, ни воспоминаніями. Только вотъ что плохо: я чувствую внутри себя ужасную пустоту. Я скучаю, очень скучаю! Однакожь, надеюсь, что наконецъ буду же я порядочнымъ человѣкомъ и возьмусь за какое нибудь дѣло.

20 января.

Я все еще ни за что не могу приняться, а вотъ ужь года три, какъ я окончилъ университетскій курсъ. Почти всѣ мои товарищи уже давно избрали себѣ родъ жизни: кто поступилъ на службу, кто уѣхалъ въ деревню, иные продолжаютъ учиться, нашлись и такіе, которые отправились прямо уже къ готовымъ невѣстамъ. Я же, любезный другъ, рѣшительно не знаю, что съ собою дѣлать, просто — не придумаю. Затрудненіе не въ томъ, чтобы я не былъ способенъ ни къ какому дѣлу; я только не могу рѣшиться ни на какое дѣло. Я вотъ все смотрѣлъ и разспрашивалъ, что дѣлаютъ другіе люди, и, кажется, могъ бы дѣлать все то же и также, но рѣшитель-

ности во мнѣ нѣтъ, совершенно нѣтъ рѣшительности! Право, даже досадно на себя. Иныхъ товарищей я встрѣчаю уже въ зеленыхъ фракахъ; они уже говорятъ о дѣлахъ, о приключеніяхъ и перемѣнахъ служебнаго міра, о своихъ отношеніяхъ къ начальникамъ, о видахъ въ будущемъ. Многіе очень веселы, пріобрѣли уже какую-то рѣшительность, какую-то увѣренность въ себѣ, и все это такъ скоро, такъ легко и безъ всякихъ усилій. Что жъ у меня-то за раздумье такое? что жъ я ни на что не могу рѣшиться? Наконецъ это мучительно. Чортъ знаетъ! нападаетъ какое-то сомнѣніе, колебаніе, приходятъ разныя странныя мысли, овладѣваетъ мной несносное недо-вѣріе ко всему: и къ себѣ, и къ людямъ, и ко всему окружающему меня. Представить ты себѣ не можешь, какое несносное, мучительно тяжкое мое положеніе!

Вчера встрѣтилъ я одного изъ своихъ университетскихъ товарищей, который теперь уже чиновникъ особыхъ порученій. Только — говоритъ онъ мнѣ—возвратился въ городъ, былъ на слѣдствіи. Я ужъ съ нѣкотораго времени не могу не разспросить, что икакъ дѣлаютъ люди, и тотчасъ пустился въ разспросы. «Дѣло — говорилъ мнѣ онъ — такого рода: баба чуть было не убила мужа. Слѣдствіе по этому дѣлу было запутали, наконецъ послали меня переслѣдовать дѣло. Я открылъ все. Преступница сама созналась. Сначала было куда! только я, знаете, пригрозилъ, — тотчасъ же и созналась. И молодая баба — продол-

жалъ онъ — всего съ полгода замужемъ, хорошенькая такая! Дѣло, видите ли, такого рода, что она еще въ дѣвкахъ водилась съ какимъ-то парнемъ, замужъ была выдана насильно; мужикъ то, какъ кажется, бивалъ ее частенько. Это я ужь стороной дозналъ; сама баба при допросѣ только и твердила, что дурной часъ нашелъ. Я выяснилъ все дѣло. Я уже пріучился къ дѣламъ и вижу, знаете, что труды мои замѣчены... Я надѣюсь...» Я уже ничего не слыхалъ далѣе: мучительныя мысли зашевелились въ головѣ моей, сердце сжалось. Товарищъ мой оказался мнѣ совершенно рѣшительнымъ человекомъ. Несчастливая женщина! вырвалось у меня. «Это вы въ отношеніи бабы...» подхватилъ мой прежній товарищъ, и — Боже мой! — сколько рѣшительныхъ, твердыхъ убѣжденій высказалъ онъ! Въ заключеніе онъ попенялъ мнѣ, что я никогда не посѣщаю его, сказалъ, что теперь какой-то совѣтникъ ожидаетъ его на преферансѣ, что дочка совѣтника очень не дурна, хотя у нея нѣсколько толста нижняя губа, и, крѣпко пожавъ мою руку, побѣжалъ отъ меня быстрыми шагами дѣловаго человека. Я остался съ самымъ гнуснымъ чувствомъ и повторялъ себѣ: да, онъ правъ, съ моимъ расположеніемъ мыслей нельзя ничего дѣлать. И вотъ такъ-то непрерывно сталкивается слабость моего характера съ рѣшительностію другихъ людей. Родня моя все спроваживаетъ меня на службу; особенно сильно напираетъ дядюшка. — Грѣхъ и стыдно — говорить

всего этого я почувствовалъ наконецъ , что повторяю зады , что все это я уже и прежде дѣлалъ и все это оставилъ именно потому, что оно ни къ чему меня не привело , что все это мнѣ давно извѣстно и давно мнѣ наскучило. Тогда пришло мнѣ на мысль, что, конечно, ты справедливо упрекаешь меня, что я закопался въ самомъ себѣ, и что, конечно, это безправственно ; но отчего жь я и закопался-то въ себѣ, такъ не оттого, что сблизиться съ жизнью не могъ и попасть въ сферу людскихъ интересовъ не удалось мнѣ. Такъ зачѣмъ же приниматься мнѣ за прошлое, за пережитое? И вотъ теперь я чувствую себя еще хуже и темнѣе прежняго. Я опять всѣхъ и все оставилъ и заперся дома ; меня не перестаютъ осаждать скука и разныя тоскливѣйшія мысли. Конечно, ты чрезвычайно справедливо замѣтилъ, что слѣдуетъ сблизиться съ жизнью и предаться дѣлу; но можно ли , позволь спросить тебя, насильно сблизиться съ жизнью, и какъ я предамся дѣлу, когда у меня нѣтъ ни къ чему охоты? Да, сверхъ того, я еще долженъ признаться тебѣ, что въ дѣятельности, какая, по крайнему моему разумѣнію, была бы для меня возможна, предчувствуются, чудятся мнѣ разныя тяжкія и обременительныя для совѣсти стороны и отношенія. Ужь и не знаю, поймешь ли ты меня! Я прежде не рѣшался признаться тебѣ, зная твою строгость и опасаясь показаться тебѣ уже совершеннымъ чудакомъ; теперь же передаю тебѣ это, чтобы ты яснѣе могъ судить и пони-

мать меня. Подробнѣе объ этомъ я напишу когданибудь послѣ; теперь же разныя мысли до того меня разстроили, что я не полагаю возможнымъ въ моемъ состояніи говорить отчетливо о такомъ предметѣ. Итакъ, послѣ когданибудь! Изъ этого письма ты увидишь, что я все въ прежнемъ положеніи, хотя признаю вполне вѣрность твоихъ замѣчаній и совѣтовъ, равно какъ и справедливость твоихъ упрековъ въ бездѣйствіи, причина котораго, какъ я уже тебѣ объяснялъ, заключается въ неохотѣ ни къ чему. Въ послѣдніе дни размышляя объ этой неохотѣ, я невольно наконецъ прихожу къ той мысли, что она главнѣйшимъ образомъ имѣетъ своимъ источникомъ мое физическое разстройство или даже, можетъ быть, какуюнибудь органическую неправильность моей натуры. Возьми ты во вниманіе мою печаль, скуку, нерѣшительность, странность мыслей, наконецъ неохоту ни къ чему: что это все, если не признаки болѣзни? Развѣ все это естественно у здороваго человѣка? Я просто, должно быть, боленъ, непременно боленъ. Что я не чувствую никакой болѣзни, это ничего не значитъ, болѣзнь все-таки есть. Такъ главнѣйшая-то причина всему болѣзнь. Какъ ты думаешь? Я посоветуюсь съ докторами. Какъ ты полагаешь? Я хочу непременно посоветоваться. Напиши мнѣ свое мнѣніе объ этомъ, а также, случилось ли тебѣ испытывать чтонибудь подобное, — непременно увѣдомь. Можетъ быть, не порадуютъ тебя мои тоскливыя письма; но что дѣлать!

14 іюля.

Получилъ я еще одно письмо отъ тебя. Отъ полноты души благодарю тебя, что ты вникаешь въ мое положеніе, указываешь мнѣ причины его и наконецъ справедливо упрекаешь меня; я почти не могу не согласиться съ тобою. Особенно благодарю тебя за послѣднее письмо: оно заставило меня сильно призадуматься. Я нахожу, что ты чрезвычайно глубоко заглянулъ въ мое положеніе и съ удивительною отчетливостью разобралъ всѣ обстоятельства; я думаю, что ты наконецъ совершенно разгадалъ мое положеніе. Въ физическомъ моемъ разстройствѣ ты сомнѣваешься, а приписываешь все нравственному разстройству, хандрѣ и мнительности, въ чемъ видишь необходимое слѣдствіе односторонняго и какого-то, какъ говоришь, болѣзненнаго направленія моихъ мыслей. Это правда, это все во мнѣ есть, и хотя ты начинаешь, кажется, просто ругать меня, справедливость, однако же, требуетъ согласиться съ тобою: физическаго разстройства, точно, во мнѣ нѣтъ, это рѣшительно могу сказать тебѣ. Я совѣтовался со многими умными и учеными медиками: они тоже говорятъ, что нѣтъ физическаго разстройства, и тоже все относятъ къ мнительности и хандрѣ и совѣтуютъ прибѣгать къ моціону. Я уже и прибѣгнулъ къ моціону, но покуда еще не замѣчаю въ себѣ никакой перемѣны. Видишь, какъ ты вѣрно судишь о моемъ положеніи: точно, физическаго разстройства нѣтъ, есть только хандра, мнитель-

ность и какое-то болѣзненное направленіе мыслей; это справедливо, въ этомъ все мое положеніе. Позволь, однако же, замѣтить, мой другъ, что можно же предположить какую нибудь причину всего этого, вѣдь должна же быть какая нибудь причина? Боже мой, Боже мой! что со мною дѣлается, что это такое, отчего все это происходитъ? еслибъ я хоть наконецъ достигъ твердаго убѣжденія въ причинѣ моего состоянія! Вѣчная праздность, неспособность сблизиться съ жизнью, полное отсутствіе рѣшительности, неохота ни къ чему, хандра, мнительность... отчего все это, гдѣ всему причина? Никакаго убѣжденія на этотъ счетъ! Да и разгадка всего не въ томъ ли, что у меня нѣтъ убѣжденій. Человѣкъ дѣйствительно съ убѣжденіями стремится осуществить ихъ, ввести ихъ въ жизнь: такой человѣкъ не захочетъ и не можетъ остаться празднымъ. Такъ не здѣсь ли корень всего? Не смѣйся и не ругай меня. Я почти рѣшительно увѣренъ, что корень всего бѣдствія—недостатокъ убѣжденій... право, это, кажется, довольно ясно. Какъ тебѣ кажется? Боже мой, какое бремя давитъ меня!

19 августа.

Ты не отвѣчалъ на послѣднее мое письмо. Ужъ не сердить ли ты на меня? Между тѣмъ, я рѣшительно остановился на томъ, что причиною моего состоянія—недостатокъ твердыхъ убѣжденій. Какъ хочешь разсуждай, это остается главнымъ дѣломъ. Ну, какихъ правилъ держусь я, чѣмъ

руководствуюсь въ своей жизни, какія у меня на-
конецъ начала, или принципы, какъ говорится?
Рѣшительно должно сказать, что никакихъ на-
чалъ я не придерживаюсь и никакими опредѣ-
ленными и положительными убѣжденіями не
руководствуюсь. Руководствуюсь же я какимъ-то
чутьемъ, неопредѣленнымъ душевнымъ движе-
ніемъ, что называю внутреннимъ голосомъ, со-
вѣстью и другими именами. Это-то чутье или
внутренній голосъ весьма много виноваты въ
моемъ состояніи. Въ одномъ изъ моихъ писемъ
я однажды уже высказалъ тебѣ общимъ обра-
зомъ, что въ дѣятельности, какая была бы для
меня возможна, предчувствуются мнѣ тяжкія и
обременительныя для совѣсти стороны и отно-
шенія. Теперь яснѣе тебѣ скажу, что нерѣдко въ
рѣшенномъ, признанномъ и принятомъ всѣми
то чутье, о которомъ я упомянулъ, заставляеть
меня ощущать темныя, подозрительныя, неспра-
ведливныя стороны и отношенія и поставляетъ
меня совсѣмъ въ непримиримое противорѣчіе.
Нерѣдко, къ глубокому моему смущенію, въ са-
момъ законномъ чудится мнѣ незаконное. Вотъ
отъ этого-то не могу я сблизиться съ жизнью
и войти въ сферу людскихъ интересовъ, поэто-
му-то колеблюсь, не могу предаться дѣлу и под-
даюсь хандрѣ и мнительности. Ужь и не знаю,
поймешь ли ты меня! Рѣшительно, будь у меня
убѣжденія, какъ и у другихъ людей, руковод-
ствуйся я началами, а не чутьемъ, тогда все бы-
ло бы хорошо и я былъ бы какъ всѣ. Вѣдь вотъ

возьми ты, напимѣръ, моего университетскаго товарища, о которомъ я какъ-то писалъ тебѣ: ну, что въ немъ особенно хитраго, чѣмъ онъ лучше меня? Человѣкъ онъ очень обыкновенный, но живетъ и дѣйствуетъ по извѣстнымъ основаніямъ, руководствуется началами, а не чутьемъ, и потому-то вотъ онъ и дѣятельный членъ общества, оттого онъ и слѣдствія мастеръ дѣлать. Поставь же ты теперь меня на его мѣсто — ну, какой бы изъ меня чиновникъ вышелъ? Положимъ, для примѣра, отправили бы меня слѣдствіе производить по дѣлу той бабы, о которой онъ когда-то рассказывалъ: какое вышло бы у меня слѣдствіе? Вышла бы у меня пренесчастнѣйшая исторія! Руководимый чутьемъ, открылъ бы я горе, страданіе, одно несчастіе открылъ бы я, а не преступленіе, и вышло бы самое неприличное и незаконное слѣдствіе. Вотъ что значитъ не имѣть началъ и руководствоваться внутреннимъ чутьемъ! Вотъ, напимѣръ, ты, ты совсѣмъ не похожъ на меня, управляешься твердыми правилами и потому исполняешь долгъ гражданина: вотъ ужъ лѣтъ пять занимаешь ты мѣсто въ Уголовной Палатѣ и проходишь свое поприще съ честію и твердостію, не обуреваемый ни безпокойными мыслями, ни мрачными душевными движеніями. Будь же я на твоёмъ мѣстѣ, вѣдь я никуда бы не годился! Ужъ я все это себѣ представлялъ и обдумывалъ. Я тебѣ просто признаюсь, что чувствую себя неспособнымъ произнести судъ или положить сентенцію надъ кѣмъ бы

то ни было: до этого не допускаетъ меня мое чутье, или внутренній голосъ. Достанься мнѣ только судить кого нибудь, то такъ вотъ все и будетъ мнѣ представляться, что виноватый не виноватъ, и тотчасъ же овладѣютъ мною странныйшія и тоскливѣйшія мысли въ родѣ того, на примѣръ, что причина всякаго преступленія кроется главнѣйшимъ образомъ внѣ преступника, что преступникъ есть жертва, какъ бы сказать, фаталитета, что природа человѣка добра и благородна, но грубѣетъ и падаетъ подъ бременемъ роковыхъ, часто отъ него не зависящихъ обстоятельствъ, что, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ меня самого могъ образоваться преступникъ ничѣмъ не лучше того, котораго я долженъ осудить, и такъ далѣе. Вотъ до какихъ отвлеченныхъ и неумѣстныхъ мечтаній дошелъ бы я въ то время, когда надо бы дѣйствовать, а не предаваться мечтаніямъ. Да и на чьемъ мѣстѣ ни представляю себя, выказываются все такія отношенія, что не чувствую себя никуда способнымъ! Ну, за что прикажешь мнѣ взяться? Заняться развѣ торговлей? Не готовился я никогда къ ней, никогда въ это дѣло не вникалъ, да и капитала нѣтъ, да наконецъ чувствую, что проведутъ и оберутъ меня на этомъ поприщѣ, и все это чортъ знаетъ чѣмъ кончится. Художникомъ природа меня не создала, ученымъ — также нѣтъ. Ученому нужны твердая, логическая голова, точное, строгое, ясное помышленіе; а у меня что? у меня все только разныя внутреннія движенія, темныя

предчувствія, да и все здѣсь! Вотъ по граждан-
ской части можно бы, еслибъ только не это чутье,
или какъ назвать бы его?... но Богъ съ нимъ!
Нехочу уже болѣе толковать объ этомъ несчаст-
номъ предметѣ. Такъ вотъ я, какъ уже сказалъ
тебѣ, рѣшительно остановился на томъ, что ко-
рень всего несчастія кроется не въ иномъ чемъ,
какъ въ недостаткѣ твердыхъ убѣжденій. Если
это справедливо, то гдѣ причина подобнаго яв-
ненія? Конечно, ужь во мнѣ самомъ, въ моей нату-
рѣ: во мнѣ явно чего-то недостаетъ. Да, я чув-
ствую, что натура моя одна изъ самыхъ сла-
быхъ, темныхъ, изъ самыхъ жалкихъ натуръ.
Я самый жалкій, вполне ничтожный человѣкъ!
Наконецъ я это чувствую, чувствую глубоко и
мучительно. О, какой адъ! А ты, я умоляю тебя,
не презирай меня, твердый, сильный человѣкъ!..
Я не умѣю высказать тебѣ всего, что такъ тер-
заетъ меня... ты не поймешь. Хотѣлъ еще мно-
гое сказать тебѣ; но мысль путается, письмо
становится безсвязно, я не могу продолжать его.
Прощай!

15 сентября.

Наконецъ ты написалъ мнѣ, и я благодарю те-
бя, благодарю, какъ ни строги, какъ ни жестки
твоя слова и упреки. Ты уже не хочешь слышать
моихъ бесполезныхъ разсужденій. Молчи, не раз-
суждай, не думай и дѣлай дѣло, какое нибудь дѣ-
ло, говоришь ты.... О, Боже мой! ты правъ, ты-
сячу разъ ты правъ: всѣ слова, всѣ думы мои
безплодны, глупы, смѣшны! Я чувствую, какъ

смѣшонъ я самъ; но что же дѣлать мнѣ, какъ быть? Я ли виноватъ въ моихъ мученіяхъ? Гдѣ причина.... хорошо, хорошо! Я не хочу болѣе разсуждать, не хочу болѣе думать, не буду писать тебѣ вздора, ни къ чему не ведущихъ жалобъ: все это смѣшно, жалко, я отказался отъ всего этого. Я рѣшился молчать, страдать молча; а страдать я буду, все-таки буду, всегда буду! Я это чувствую и знаю... хорошо, хорошо! Я сдѣлаю усиліе, призову волю, я возьмусь за дѣло. Теперь это необходимость для меня: чуждаясь всякаго труда и предаваясь только бесполезнымъ размышленіямъ, я успѣлъ прожить весь маленькій капиталъ, доставшійся мнѣ послѣ покойной матери. Я радъ этому: теперь по необходимости я долженъ рѣшиться на трудъ, и я рѣшусь, я укрѣплюсь мыслію о долгѣ.... только стой, только дай мнѣ время, не сердись и не брани меня. Ты правъ. Я вѣдь сознаюсь, что ты справедливо обвиняешь меня; но вѣдь я не виноватъ. Я такъ страдаю, такъ мучусь, такую пытку терплю.... вѣдь причина всего этого.... хорошо, хорошо! Я перемѣнюсь, я буду другимъ. Будь же снисходителенъ ко мнѣ.

7 октября.

Я рѣшился укрѣпиться мыслію о долгѣ. Это прекрасная и возвышенная мысль! Я надѣюсь отъ нея много хорошаго для себя. Я чувствую, что именно только она можетъ указать мнѣ путь мой, поддержать и спасти меня. Теперь всякія тоскливыя и смущающія мысли гоню я прочь отъ себя.

Мысль моя должна быть направлена иначе: хочу думать только о долгѣ человека и не думать ни о чемъ иномъ. Ясно мнѣ, что до сихъ поръ я шелъ совершенно ложнымъ путемъ: я поддавался своему внутреннему голосу, мучился своею неспособностію и невозможностію сблизиться съ жизнью и предаться дѣлу и только занимался цѣлымъ рядомъ безпокойныхъ и печальныхъ мыслей, вытекающихъ изъ такого положенія. Усиливаясь сблизиться съ жизнью, войти въ сферу людскихъ интересовъ, отбросить мнительность, предаться дѣлу, я постоянно чувствовалъ и повторялъ себѣ: не могу. Я глубоко заблуждался. Не могу! что жъ это такое? Пожалуй, этакъ всякій скажетъ: не могу,—и что жъ тогда произошло бы на свѣтѣ? Я очень заблуждался. Какая надобность до того, что я не могу—я долженъ! Долгъ, долгъ прежде всего! Вотъ о чемъ забылъ я, и здѣсь мое важнѣйшее заблужденіе. Понимаешь ли ты всю важность, святость и необходимость долга? Я всѣмъ этимъ проникнуть до глубины души. Отнынѣ я слѣдую долгу. Трудъ же есть долгъ человека, его священнѣйшій долгъ. Понимаешь ты это? Отнынѣ я рѣшаюсь переломить себя, побѣдить въ себѣ постыдную боязнь дѣла, избрать трудъ. Много усилія еще нужно мнѣ для этого, еще тревожатъ меня нѣкоторыя подозрѣнія, колеблюсь и смущаюсь.... но я рѣшился, я буду дѣлать что нибудь. Я уже хлопоталъ о мѣстѣ—мнѣ общали; я жду его, собираюсь съ силами. Ви-

лишь, я исправляюсь, исполняю свое обѣщаніе....
О, да укрѣпитъ меня возвышенная мысль о долгѣ!

29 декабря.

Я слѣдую наконецъ своему рѣшенію, сколько по чувству долга, столько же изъ необходимости въ средствахъ къ жизни: капиталъ мой, какъ я уже писалъ тебѣ, истраченъ. Я рѣшился принять первое представившееся мнѣ мѣсто. Обстоятельства не позволяли мнѣ медлить: я уже начиналъ жить въ долгъ. Сверхъ того, медленность, можетъ быть, повела бы меня опять къ прежнему раздумью... И вотъ я опредѣленъ въ канцелярію, я на службѣ. Съ девяти часовъ утра и до четырехъ пополудни я занятъ перепискою бумагъ, составленіемъ отчетовъ, сочиненіемъ отношеній и пр. Я прилагаю все стараніе вполнѣ сосредоточиться на этомъ дѣлѣ, отгоняя отъ себя всякую постороннюю мысль, закрадывающуюся въ мою голову. Въ пятомъ часу, усталый и проголодавшійся, я возвращаюсь къ себѣ на квартиру, гдѣ ѣмъ и отдыхаю; вечеръ провожу бѣльшею частію дома, курю трубку, почитываю. Теперь я уже не тревоженъ, не раздражителенъ, какъ прежде; мною постепенно овладѣло полное равнодушіе. Я какъ-будто потерялъ свою личность: что-то завладѣло, двигаетъ и управляетъ мною, безъ всякаго участія съ моей стороны; я же на все готовъ и слѣпо покоренъ. Это что-то есть долгъ, которому я вполнѣ поручилъ себя, отказавшись отъ собственной воли и желаній. Конечно, я не сдѣлался счаст-

ливѣе съ тѣхъ поръ, какъ править мною суровый господинъ мой; но что же изъ этого слѣдуетъ? Развѣ надо думать о счастіи? Развѣ я непременно долженъ быть счастливъ? Развѣ счастье или наслажденіе есть назначеніе жизни? Горе тому, кто бы поддался этой мысли! Какъ жить ему тогда, какъ смотрѣть на жизнь другихъ! Какія противорѣчія видѣлъ бы онъ во всемъ и вездѣ! Но такая мысль вздорная, опасная мысль: я не хочу на ней останавливаться. Назначеніе жизни совсѣмъ другое: оно состоитъ въ исполненіи долга, въ трудѣ. Стоить только со вниманіемъ посмотрѣть вокругъ себя, и убѣдишься, что это именно истина, что человѣкъ только и рожденъ затѣмъ, чтобы работать, страдать, терпѣть и умереть, заботясь только объ исполненіи долга. Требованія счастья, наслажденія, — все это эгоистическія требованія! Они являются у насъ вслѣдствіе ложнаго направленія нашихъ понятій, подъ вліяніемъ излишне развитой фантазіи и односторонняго, отвлеченнаго образованія. Не правда ли? Я живу въ одномъ изъ огромныхъ петербургскихъ домовъ, наполненномъ постояльцами различнѣйшихъ состояній, званій и положеній: сколько между ними горя, бѣдности, нужды! Какое значеніе осталось бы ихъ горькой жизни, если отнять у нея значеніе долга? Смотрю на хилыхъ стариковъ и старухъ, на больныхъ, на нищихъ, на всякія жалкія существа въ грязи, тряпѣ и лохмотьяхъ, подъ которыми страшно признать человѣка; смотрю на угнетенныхъ и раздавленныхъ сильными, на

истерзанныхъ вѣчнымъ трудомъ и потомъ, смотрю и убѣждаюсь и вѣрю, что цѣль жизни не наслажденіе. Долгъ, долгъ — главное въ жизни. Если это не такъ, то я ничего въ ней не понимаю, тогда вездѣ для меня хаосъ. Вздумай только, что цѣль жизни счастье или наслажденіе, тогда все представится существующимъ навыворотъ, все не на своемъ мѣстѣ. Бѣда, бѣда, если допустить такую мысль! Впрочемъ, я совершенно понимаю опасность ея; я держусь долга. Ты видишь, я исправился. Ты долженъ быть мною доволенъ.

27 февраля.

Ты упрекаешь меня за молчаніе и тревожишься не получая давно отъ меня вѣсти. Въ самомъ дѣлѣ, я давненько не писалъ тебѣ. Прошу, однако же, не тревожиться моимъ молчаніемъ: я живъ и здоровъ, не пишу же къ тебѣ потому, что нечего писать. Нечего же мнѣ писать потому, что событій и перемѣнъ въ жизни моей никакихъ не встрѣчается, а думы наконецъ меня оставили... я ничего не думаю. Я хожу въ канцелярію, работаю тамъ, а дома бѣльшею частію сплю. Чудесное и благодѣтельное дѣло сонъ! Я не нахожу теперь для себя ничего лучше и предаюсь ему, сколько имѣю возможности. Отчего же мнѣ, впрочемъ, и не спать? Выполненію долга это не мѣшаетъ; а затѣмъ я воленъ дѣлать, что хочу. Такъ вотъ я хожу въ канцелярію, а потомъ сплю; все остальное до меня не относится: я никого не вижу, ни о чемъ не слышу, ничего не знаю и не думаю. Ты спраши-

ваешь, зачѣмъ не поискалъ я себѣ мѣстечка по-лучше; говоришь, что дядюшка могъ оказать мнѣ покровительство. Съ дядюшкой я очень разошелся: онъ получилъ орденъ, а я забылъ поздравить его; дядюшка съ тѣхъ поръ сталъ ко мнѣ очень холоденъ, а я, признаюсь, обрадовался этому и пересталъ ходить къ нему. Сверхъ того, надо признаться тебѣ, что разныя сомнѣнія и боязнь гражданской дѣятельности, по причинамъ, о которыхъ я уже говорилъ тебѣ, еще не совершенно меня оставили, хоть я стараюсь и надѣюсь подавить ихъ; а потому я разомъ не рѣшился бы занять мѣста, гдѣ пришлось бы мнѣ быть самостоятельнымъ дѣйствователемъ. На мѣстѣ же, которое теперь занимаю, я только переписываю бумаги и только сочиняю иногда отношенія, совершенно, впрочемъ, невинныя. Ты, пожалуйста, ужь не подбивай меня на перемѣну мѣста. Конечно, есть разныя мѣста; но и мое хорошее, покойное и невинное мѣсто. На этотъ счетъ ты, пожалуйста, успокойся и не тревожь меня. Такъ повторяю, что я здоровъ и молчаніемъ моимъ прошу не тревожиться: писать нечего, а потому и молчу. Жизнь же моя — ничего: долгъ, по возможности, выполняю, а затѣмъ я сплю, и все остальное до меня не касается.

19 апрѣля.

Исполняю твое желаніе и увѣдомляю тебя, что я живъ и здоровъ, служу и живу по прежнему. Писать же мнѣ тебѣ нечего. Будь здоровъ и прощай.

20 мая.

Я живу, какъ и прежде, и ничего со мною не дѣлается; продолжаю свою службу и образа жизни не измѣняю. Всего остального я чуждъ и ничего болѣе сообщить тебѣ не могу; впрочемъ, ни на что жаловаться не считаю себя вправѣ.

10 іюня.

Вчера былъ прекрасный теплый день; было воскресенье, а потому я не ходилъ въ канцелярію и отправился утромъ гулять. Я бродилъ надъ Невою. Давно ужъ съ такимъ удовольствіемъ не дышалъ я свѣжимъ воздухомъ, не любовался яснымъ небомъ, великолѣпною Невою; давно уже не испытывалъ я такого живительнаго вліянія теплоты и блеска солнечныхъ лучей. По рѣкѣ шныряли цвѣтные ялики, на мосту двигался народъ, какой-то пароходъ съ шумомъ готовился отвалить отъ Англійской набережной, и на него спѣшила пестрая толпа. Я смотрѣлъ, какъ на пароходѣ появлялись и блестѣли на солнцѣ пестрые уборы женщинъ, металлическій набалдашникъ трости, зонтикъ, эпoletы, аксельбанты. Толпа суетилась, тѣснилась, шумѣла. Я прилежно слѣдилъ глазами за этимъ движеніемъ съ такимъ дѣтскимъ вниманіемъ, какъ будто все это было для меня совершенною новостію. «Позвольте, позвольте пройти!» раздалось сзади меня. Я оглянулся и увидѣлъ толстаго, неуклюжаго мужчину, который, запыхавшись, спѣшилъ пробраться сквозь толпу къ пароходу. Онъ велъ полъ руку стройную

прекрасную женщину въ прекрасной шляпкѣ съ бѣлымъ перомъ. Они быстро прошли мимо меня, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, должны были остановиться отъ тѣсноты и давки у входа на пароходъ. Дама оглянулась. Я узналъ ее. Боже мой, какое лицо, какой взглядъ! Все закружилось вокругъ меня, трепетъ пробѣжалъ по мнѣ отъ головы до ногъ. Сильнѣе зашумѣлъ пароходъ, сильнѣе и гуще повалилъ дымъ изъ трубы его, сильнѣе заколебалась толпа. «Позвольте, позвольте!» слышался голосъ мужчины, и еще разъ увидѣлъ я его, какъ онъ показался на пароходѣ, отирая лицо платкомъ, и за нимъ появилась женщина, но я уже не видѣлъ лица ея. Пароходъ отвалилъ отъ берега. Минуты три еще видѣлъ я шляпку съ колеблющимся бѣлымъ перомъ; но пароходъ быстро ушелъ вдаль, оставивъ въ воздухѣ полосу черного дыма. Толпа, глазѣвшая на отплытіе парохода, разбрелась, и я почти одинъ остался на набережной. Я хотѣлъ продолжать мою прогулку; но не было уже во мнѣ прежняго безпечнаго спокойствія, и я возвратился домой, раздраженный непонятнымъ тревожнымъ чувствомъ. Это ясное небо, теплота и блескъ, разлитые на все солнцемъ, синія волны, движеніе толпы, взглядъ этой женщины, — все такъ раздражительно подѣйствовало на меня, во всемъ слышались мнѣ такіе могущественные призывы къ жизни, къ наслажденію, ко всему, отчего въ тяжелой борьбѣ съ самимъ собою напрасно и вѣчно отказываюсь я. Сонъ мой нынѣшнюю ночь былъ полонъ странныхъ, тревож-

ныхъ видѣній: мнѣ снился прекрасный вечеръ, какой-то садъ, запахъ цвѣтовъ, на небѣ показывался рогъ молодой луны, гдѣ-то въ кустахъ шумѣлъ ручей, пѣлъ и умолкалъ и снова пѣлъ соловей. Вдругъ до слуха моего доносился какой-то обольстительный шопотъ, зажигавшій всю кровь во мнѣ, и я трепеталъ и томился восторженною любовью и страстными порывами къ наслажденію. Потомъ сцена перемѣнилась: я стоялъ среди поля, горизонтъ со всѣхъ сторонъ былъ покрытъ тучами, и со всѣхъ сторонъ спѣшили сюда люди, всѣ вооруженные, всѣ съ важнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ лицъ, и кто-то отдѣлился отъ толпы и могучимъ голосомъ призывалъ насъ на борьбу за какое-то доблестное и великое дѣло, и всѣ мы клялись умереть за него. То было торжественное, великое мгновеніе! Никогда не чувствовалъ я въ себѣ такой силы, никогда не было такъ ясно и радостно на душѣ моей, никогда не чувствовалъ я такъ цѣны жизни, какъ въ мигъ, когда клялся отдать ее за доблестное дѣло! Далеко въ полѣ раздавалась громкая и дружная наша клятва, и какъ бы въ отвѣтъ ей грозно прогремѣлъ громъ. Потомъ снова перемѣнилась сцена: я уже сидѣлъ въ канцеляріи и писалъ какое-то отношеніе. Такія-то глупыя, несвязныя видѣнія преслѣдовали меня всю ночь. Къ утру я чувствовалъ себя совершенно измученнымъ, и весь нынѣшній день я дотого разстроенъ и растерянъ, что въ канцеляріи не могъ собраться съ мыслями для сочиненія отношеній, перепортилъ нѣсколько ли-

стовъ бумаги и ушелъ оттуда сказавшись больнымъ. Какъ ни глупы, какъ ни странны мои видѣнія, они глубоко смущаютъ меня: въ нихъ преслѣдуетъ меня призракъ жизни, призракъ юношескихъ мечтаній, подавленныхъ желаній, затаенныхъ надеждъ и стремленій. Разнообразны и могущественны надо мной его призывы. Оставьте меня, могучіе, обольстительные, обманчивые голоса! не мучьте меня, страстные и безплодные желанія! кто далъ вамъ вѣчную власть надъ душой моей? не заставили ли вы меня горько чувствовать свое безсиліе, страдать глубоко и безплодно? не до конца ли измученъ я? не отказался ли я навсегда отъ васъ, не отказался ли я отъ жизни: дѣятельности, наслажденія, къ которымъ вы всегда призывали меня и которыхъ никогда не достигалъ я? оставьте, оставьте меня! не отказался ли я отъ всего и даже отъ самого себя?

20 іюня.

Я чувствую наконецъ, что не по силамъ взвалилъ на себя бремя, я становлюсь совершенно неспособнымъ къ службѣ. Сны мои не прекращаются, кровь во мнѣ волнуется, мысли съ каждымъ днемъ становятся безпокойнѣе. Напрасны всѣ мои усилія одолѣть себя! Конечно, мысль о долгѣ прекрасная и возвышенная мысль, и трудъ, какой бы то ни былъ, есть долгъ человѣка; но какъ согласить все это съ личными стремленіями? что дѣлать съ желаніями, съ предчувствіемъ и требованіемъ другой, лучшей жизни? Зачѣмъ даны мнѣ

эти стремленія, если они ставятъ меня въ противорѣчіе съ моимъ назначеніемъ, со всею средою, въ которой суждено жить мнѣ? Твердо было мое рѣшеніе, велики усилія, намѣренія обдуманы, — и что же? довольно было прекраснаго дня, взгляда на живую природу, довольно было обольстительныхъ сновидѣній, чтобы какъ дымъ разлетѣлись всѣ мои намѣренія, вся моя твердость и рѣшимость! Конечно, мысль о долгѣ прекрасная и возвышенная мысль; но, какъ бы то ни было, я рѣшился оставить службу.

5 іюля.

Я уже писалъ тебѣ, что рѣшился оставить службу. Измученный безконечной тоскою, уже неспособный къ труду, не знаю, какія средства нашелъ бы я для своего существованія, еслибъ случай не позаботился обо мнѣ. На дняхъ я неожиданно получилъ извѣстіе о смерти давно хирѣвшей тетки. Я единственный ея наслѣдникъ. Мнѣ достаются порядочное имѣніе и деньги. Службу я оставилъ и выѣзжаю изъ Петербурга. Я радъ, признаться, переменить мѣсто. Я беру съ собою много книгъ по части сельскаго хозяйства. Можетъ быть, случай, нежданно доставившій мнѣ состояніе, нежданно дастъ мнѣ и дѣло; можетъ быть, сдѣлаюсь помѣщикомъ, хозяиномъ. Это послѣдняя моя надежда на какое нибудь дѣло!

10 декабря.

Вотъ ужъ съ полгода я въ своей деревнѣ. Первые дни по пріѣздѣ моемъ сюда были мнѣ очень отрадны: давно не былъ я близокъ къ природѣ и

здѣсь какъ будто встрѣтилъ въ ней стараго, молчаливаго, неизмѣннаго друга, и неизъяснимо отрадно и успокоительно подѣйствовала на меня эта встрѣча. Миръ и покой природы сообщились и душѣ моей. — Имѣніе и дѣла мои я нашелъ въ порядкѣ; никакихъ хлопотъ и затрудненій по наслѣдству я не встрѣтилъ и могъ приняться за исполненіе своего намѣренія сдѣлаться хозяиномъ. Я скоро ознакомился съ существующимъ порядкомъ хозяйства, съ отправленіемъ работъ, съ пріемами, обычаями и бытомъ крестьянъ. Наука, какъ только наука, безъ примѣненія къ жизни, безъ прямого отношенія къ совершенствованію и улучшенію участи и отношеній людей, безъ близкой, практической цѣли, — такая наука, какъ тебѣ извѣстно, не мое дѣло. Но теперь цѣль была передо мною, и я принялся читать и учиться. Въ полгода я ознакомился съ сельскимъ хозяйствомъ и въ теоріи, хотя только въ весьма общихъ и главныхъ отношеніяхъ. Не къ радостнымъ мыслямъ привело меня это знакомство: я понялъ, что главное условіе совершенствованія сельскаго хозяйства — правильныя, справедливыя основанія труда земледѣльца — для меня недостижимы; я понялъ только возможность частныхъ, мелкихъ, улучшеній, и то не вполне осуществимыхъ при искаженіи главныхъ условій. Я начинаю понимать наконецъ, какъ ничтожны усилія отдѣльнаго человѣка противъ условій времени и общества, какъ безплодны его благороднѣйшія желанія, его лучшія намѣренія! Я не пре-

кратилъ моихъ занятій, я не въ состояніи совершенно отказаться отъ дѣла и стараюсь ограничиваться возможнымъ и съ каждымъ днемъ приучаюсь отрекаться отъ невозможнаго и недостижимаго. Но — Боже мой! — отреченіе, вѣчное отреченіе! Всегда отказываться отъ желаній, всегда разрывать полноту своихъ стремленій, безвыходно скрывать ихъ въ груди своей, въ этой истерзанной, изнемогающей груди! Отчаяніе овладѣваетъ мною, тяжело жить мнѣ, нечѣмъ мнѣ радоваться, нечего ждать, нечего вспоминать. Нѣтъ у твоего друга прошедшаго, нѣтъ у него будущаго.

20 января.

Благодарю тебя, добрый другъ, за утѣшенія, за напоминанія о томъ, что я молодъ, что у меня есть еще будущее, что неожиданно встрѣчаются намъ радость и счастіе. Дѣйствительно, все можетъ быть, все случается, и, конечно, это очень утѣшительно. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ я, еще молодой человѣкъ, впереди у меня можетъ быть еще много лѣтъ, хоть я уже начинаю хирѣть и покашливать, и на надежды я имѣю полное право. Очень можетъ быть, что все переменится; можетъ быть, что настанетъ время, когда я буду жить легко и безъ всякихъ усилій; можетъ быть, что мрачныя и тягостныя стороны всего меня окружающаго скроются наконецъ съ глазъ моихъ; очень можетъ быть, что меня покинутъ неумѣстные желанія и несбыточныя мечты, и что все мнѣ понравится такъ, какъ оно есть; очень можетъ быть, что въ душѣ моей исчезнутъ отрица-

ніе и отвращеніе и замѣнятся живительными вѣ-
рованіями и любовію; очень можетъ быть, что....
Нѣтъ, нѣтъ! ничего этого не можетъ быть, не
будетъ, никогда не будетъ! Напрасно говоришь
ты о моей молодости: вѣчная тоска и неспособ-
ность къ жизни, это ли признаки молодости? Гдѣ
безпечность, живость, гдѣ способность увлеченія
— эта благодатная сила юности? Въ груди моей
вмѣстѣ съ порывами къ жизни пробудилось от-
вращеніе къ ней, и напрасно была дана мнѣ юность.
Я не могу и не хочу забавляться надеждами. Не
обѣщай мнѣ забвенія страданій въ путешествіяхъ,
въ жизни независимой, во всемъ, что называютъ
разсѣяніемъ или наслажденіемъ. Не они пробу-
дятъ душу мою отъ тяжкаго, томительнаго сна,
въ которомъ преслѣдуютъ ее мучительныя сно-
видѣнія: ни путешествія, ни шумныя наслажде-
нія, ни ласки женщинъ, ни пиры, ни вино, ни
всѣ сокровища чувственности не заглушаютъ во
мнѣ ропота подавленныхъ и безплодныхъ силъ
духа. Я ипохондрикъ, жалкій, несчастный ипо-
хондрикъ! Однакожь, порой мнѣ кажется, что я
не хуже другихъ людей; еще и теперь въ душѣ
моей живы вѣра и любовь къ истинѣ, добру, спра-
ведливости, ко всему прекрасному и достойному
человѣка. Во мнѣ была возможность трудиться,
наслаждаться и жить подобно всѣмъ другимъ лю-
дямъ. Но что-то роковое тяготѣло надо мною, и
кажется мнѣ, что гибну я не по своей винѣ, что
есть какая-то причина моей гибели.... какая же,
какая это причина?... Боже мой, Боже мой!...

БРУЖЕВНИЦА.

ПОВѢСТЬ

М. Л. МИХАЙЛОВА.

Если случалось тебѣ, благосклонный читатель, въѣзжать въ губернскій городъ К. или выѣзжать изъ него московскою дорогою, то ты, конечно, помнишь ту неимоверно длинную улицу, которою начинается, или, пожалуй, кончается городъ. Улица эта вся застроена маленькими трехъ-оконными домиками, между которыми прилажены мѣстами у нестройныхъ заборовъ сколоченныя живьемъ лубочныя лавчонки съ калачами и баранками. На усладу мирныхъ обитателей улицы есть на ней и бѣлая харчевня съ пузатымъ самоваромъ на вывѣскѣ и чернѣйшимъ бѣльемъ на столахъ; есть и два хорошіе дома, именуемые питейными, есть, наконецъ, для болѣе прихотливыхъ, и заправскій трактиръ — даже не просто трактиръ, а трактиръ Китай. Впрочемъ, до всѣхъ этихъ общепользныхъ учрежденій намъ нѣтъ никакого дѣла; а потому, минуя ихъ, остановимъ наше вниманіе на одномъ изъ самыхъ старыхъ, самыхъ непригожихъ домишекъ улицы, который помѣщается за ветхимъ и сквознымъ заборикомъ

и какъ-то вовсе не кстати осѣненъ двумя высокими, пышными березами, стоящими рядомъ передъ его узенькими окошками.

Много лѣтъ проживала въ этомъ домишкѣ старая мѣщанка Ивановна, добывая себѣ насущный хлѣбъ усиленною работою: она занималась стиркою бѣлья и, кромѣ того, вязала на продажу нитяные и шерстяные чулки и носки всѣхъ возможныхъ размѣровъ и добротъ. Единственный сынъ Ивановны — Тимоша, какъ называла его мать, несмотря на то, что онъ уже давнымъ-давно былъ цѣлый Тимофей — служилъ, гдѣ-то далеко, унтеромъ въ одномъ полку и нерѣдко присылалъ къ матери письма, которыми питалъ въ старухѣ надежду видѣть вскорѣ сына офицеромъ. Ивановна каждый день ходила къ обѣдни и усердно молила Бога, чтобы дожить ей, старой старухѣ, до того счастливаго времечка, когда явится къ ней ея голубчикъ Тимоша въ чинѣ и почетѣ. Была у Ивановны и невѣста на примѣтѣ для любимаго сынка.

На рукахъ и попеченьи старухи выросла дѣвочка-сиротка, оставшаяся безъ всякаго призора послѣ смерти матери своей, близкой пріятельницы Ивановны. Съ того самаго дня, какъ взяла старушка въ свой небогатый уголокъ пятилѣтнюю Сашу, въ головѣ ея зародилась мысль, что хорошо бы вырастить это дитя въ честныхъ трудахъ и страхѣ Божіемъ, вырастить, на утѣху себѣ да на счастье сыну, почтительной дочерью и доброй женой. Мысль эта никогда не оставляла

старую мѣщанку, и, руководимая ею, Ивановна постаралась, чтобы названная дочка ее знала, во первыхъ, грамотѣ, какъ слѣдуетъ — читать печатное и писаное, и хоть не больно красиво, да чотко умѣла бы и сама писать. Когда Саша выучилась, на сколько ей нужно было, и тому и другому, Ивановна позаботилась, во вторыхъ, научить питомицу свою и доброму ремеслу. Разумѣется, она никакъ не хотѣла сдѣлать изъ Саши прачку и чулочницу, какою была сама.... Для сашиныхъ ли ручекъ это занятіе? Годится и подстать оно ей, старой Ивановнѣ, бѣдной мѣщанкѣ; дѣвочка же не на то растетъ: хорошій женихъ, вотъ какъ Тимоша, напримѣръ, и не возьметъ за себя такой рукодѣльницы. И стала учиться Саша у сосѣдки-кружевницы мастерству плести кружева. Руки ловкія, проворныя; головка смѣтливая... Пошла наука въ прокъ дѣвушкѣ, и къ той порѣ, съ которой начинается моя исторія, Саша была уже отличною мастерицей, даже лучшею во всемъ городѣ. А лѣтъ ей было въ ту пору какъ разъ семьнадцать.... И что за пригожая дѣвушка была эта Саша! Длинная, густая темно-русая коса; нѣжное бѣлое личико, словно свѣжее яблоко; каріе глазки, такіе-то бойкіе; круглыя плечи.... а ужъ стройна-то какъ, походка какая!... Просто, вся — вся, съ ногъ до головы, красавица. Любовалась Ивановна своею дочкой, но видя, какъ съ каждымъ днемъ краше и краше распускается Саша, и зная по собственному опыту, что пора этого пышнаго расцвѣта — пора опасная, держала ухо

востро и берегла невѣсту сына пуще праваго глаза. Впрочемъ, не такая дѣвушка была Саша, чтобы много смотрѣть за нею надо было: дѣвушка тихая, скромная, гулять не охотница; а какъ сядетъ за работу, такъ и не оторвешь ее ничѣмъ отъ коклюшекъ, знай себѣ перекидываетъ ихъ съ руки на руку да узоръ булавами закалываетъ.... голубы не отведетъ.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, у покачнувагося забора, за которымъ обитала Ивановна съ Сашей, остановилась дѣвушка въ шляпкѣ и новенькомъ бурнусѣ, черноволосая, очень недурная лицомъ, и наклонилась къ большой щели забора, въ которую свободно могла бы продѣть всю голову. По двору расхаживалъ небритый и прихрамывающій человѣчекъ лѣтъ сорока-пяти-шести, облеченный въ сильно протертый ситцевый кафтанчикъ, и пѣлъ себѣ подъ носъ какую-то безалаберную мелодію.

— Иванъ Степанычъ! окликнула его дѣвушка.

Иванъ Степанычъ, извѣстный также, отъ пристрастія своего къ чарочнымъ и распивочнымъ дѣламъ, подъ именемъ Ивана Стаканыча, былъ никто иной, какъ полный владѣлецъ домишка, въ которомъ квартировала старая мѣщанка.

Онъ тотчасъ же подбѣжалъ маленькимъ шагомъ къ забору и устремилъ свои заплывшіе мутные глазки въ отверстію, откуда слышалъ голосъ.

— А! сказалъ онъ, увидѣвъ стоявшую на ули-

цѣ дѣвушку. — Здравствуйте, моя ягодка, здравствуйте! Чтò, голубушка, Сашеньку вамъ надо?

— Да, отвѣчала дѣвушка. — Дома она?

— Какже, дома, дома: милости просимъ, моя красавица!

Иванъ Степанычъ бросился опрометью къ калиткѣ и такъ молодецки распахнулъ ее, что она чуть совсѣмъ не сорвалась съ петель.

— Чтò рѣденько къ намъ заглядываете, пуговка вы моя? спросилъ онъ входящую дѣвушку, стараясь сдѣлать изъ своего пухлаго лица нѣчто умильное.

— Я вечеръ у Саши была, сказала дѣвушка. — Это вы вотъ никогда дома-то не живете.

— Дѣла все, дѣла, моя ягодка; съ ногъ сбился съ дѣлами.

Иванъ Степанычъ, конечно, вралъ, ссылаясь на какія-то небывалыя дѣла; съ ногъ же онъ точно, сбивался частенько отъ ежедневныхъ посѣщеній столь близкаго къ его владѣніямъ Китая....

Дѣвушка подошла къ низенькому окошку домика, которое глядѣло какъ разъ промежъ двухъ березокъ.

— Дома ты, Саша? спросила она, заглядывая въ отворенное окно.

— А, Поля! здравствуй? Иди въ горницу! раздался голосъ Саши.

Поля застала Сашу въ сѣняхъ, занятую раздуваньемъ углей въ самоварѣ. Дѣвушки поцаловались и вошли въ комнатку.

— А Оеклы Ивановны, знать, дома нѣтъ? спросила гостья.

— Надо было кружева отнести къ барынѣ одной, такъ вотъ она пошла. Садись, Поля!

Единственная горенька, которую занимала Ивановна со своей питомицей, была въ высшей степени опрятна и смотрѣла очень весело. За ситцевою занавѣской, игравшей роль ширмъ, стояла широкая кровать, на которой спали вмѣстѣ обѣ жилицы домика; въ простѣнкѣ между двухъ оконъ помѣщался столикъ, на которомъ прилажена была большая подушка для плетенья кружевъ, прикрытая чистою салфеткой; на окнахъ стояли два-три горшка съ левкоемъ.

— Что, не кончила? спросила Поля, наклонясь къ кружевной подушкѣ.

— Нѣтъ еще. Пожалуйста, потише ты, Поля: коклюшекъ-то у меня не перебей!

— Счастье твое, сказала Поля: — что ты такая мастерица. Вотъ кабы мнѣ умѣть работать, какъ ты....

— А кто виновать, что не умѣешь? Со мной вѣдь вмѣстѣ училась.... И работа-то не Богъ знаетъ какая.... Зачѣмъ было бросать?

— Такъ ужь, бросила, а зачѣмъ, и сама не знаю. Теперь вотъ и каюсь, да поздно. Дорого возьмешь ты за это кружевцо?

— Нѣтъ, всего по четвертаку аршинъ. Да что ты шляпки-то не снимешь, Поля?

Поля развязала ленты шляпки и бережно положила ее на стулъ; безъ шляпки она была го-

раздо некрасивѣе: волосы у ней были сзади обстрижены, а лицо, рядомъ съ свѣжимъ личикомъ Саши, казалось утомленнымъ.

— Никакъ плакала ты сегодня? спросила Саша, пристально посмотрѣвъ на гостью. — Глаза у тебя такіе красные.

Слезы покатились вдругъ градомъ на поблѣднѣвшія щоки Поля.

— Полно, Поля! Что такое? что съ тобой? О чемъ ты плачешь? Полно! твердила Саша, взявъ за руки свою подругу и обнимая ее. — Да скажи ты мнѣ, что сдѣлалось. Полно плакать!

Поля вынула изъ кармана платокъ, отерла глаза и печально махнула рукой.

— Сама все виновата! проговорила она, удерживая слезы.

— Вѣрно, опять отъ него что нибудь?

— Да.

— А что такое?

— Извѣсто, что.... Приревновалъ меня къ одному — вотъ что во флигелишкѣ-то рядомъ живетъ.... Пришелъ давича бѣшеный такой! Характеръ у него взбалмошный....

Поля опять принялась плакать.

— Какъ разсердится, и драться сейчасъ.

— Да брось ты его, Поля! сказала Саша, наклонясь къ лицу своей пріятельницы. — Полно плакать-то! Брось его, коль онъ такой недобрый.

У Саши у самой навернулись слезы; она поцеловала Полю въ мокрую щеку, подошла къ окошку и стала нюхать кудрявую шапку левкоя.

— Брось! брось! говорила Поля, заливаясь слезами. — Хорошо тебѣ такъ говорить.... А чѣмъ я жить-то стану?

— Работать будешь, сказала Саша, подходя опять къ Полѣ: — вмѣстѣ будемъ работать.

— Я ничего не умѣю. Ото всего-то отвыкла. И на себя не могу работать, а гдѣ ужъ на другихъ!

— Я, пожалуй, и учить тебя стану. Тебѣ вѣдь не съизнова ужъ начинать. Все кое-что знаешь.

— Нѣтъ; пускай ужъ идетъ, какъ идетъ!

— Да вѣдь добро бы ты любила его, Поля; ато....

— Судьба, видно, моя такая! сказала Полинька, принимаясь ходить взадъ и впередъ.

Она опять вытерла слезы, закинула за уши упавшіе ей на лицо волосы и сказала болѣе спокойнымъ тономъ:

— Ну его совсѣмъ!... Давай лучше чай пить, Саша! Самоваръ-то ужъ, чай, кипитъ.

Выпивъ чашку чая, Поля окончательно успокоилась.

— Что я за дура, право! Точно мнѣ не въ привычку брань да побои — расплакалась. Богъ съ нимъ за его со мной обхожденіе! Спасибо и на томъ, что хоть одѣться-то есть во что, не совѣстно на улицѣ показаться.

— Онъ, я думаю, и самъ потомъ кается....

— Какъ отойдетъ злость, такъ начнетъ и целовать и миловать; проси чего хочешь. Пусть ужъ бьетъ, — не бросалъ бы только! Вотъ ты, Саша,

счастливая, право, дѣвушка: тебѣ не для чего на себя этакую долю брать: руки прокормятъ.

Саша призадумалась.

— А вотъ, если бы да ты его любила? спросила она.

— Ну, любила бы, такъ и дѣло было бы другое. За что любить-то?

— Вѣдь онъ же тебя любитъ.

— Любить-то любить, да безтолково больно. Все боюсь я, придетъ ему дурь въ голову — бросить онъ меня, да и дѣло съ концомъ. Что я тогда? Ну, да пропадай онъ совсѣмъ! И говорить-то о немъ не хочу.

Скоро явилась и Ивановна, приземистая и жидкая фигура которой вся исчезла въ складкахъ длиннаго шерстянаго платка, покрывавшаго ея маленькую головку и приколотого булавкой подъ бородой. Освободясь отъ этого несоразмѣрнаго съ ея ростомъ платка, старуха поклонилась Полѣ и поцаловалась съ ней.

— Здравствуй, Полинька, голубушка! Вотъ спасибо, зашла, съ Сашуркой посидѣла; а ужъ я думала, пропадетъ она совсѣмъ со скуки, одна-то сидя. Ну, что, родная, какъ поживаешь?

— Слава Богу, Оекла Ивановна, понемножку.

— Ну, и ладно, голубушка!.... А барыни-то, Саша, дома я не застала: такъ, понапрасну прошлась. Хотѣла было оставить кружево, да думаю, по праву ли еще будетъ. Завтра ужъ надо снести опять. А устала я и не знай какъ. Спасибо ужъ Прокофьевнѣ — попалась мнѣ на дорогѣ, зазвала

чашечку чайку пропустить. Поотдохнула у нея; ато въ силу бы доплестись до дому: головушку что-то разламываетъ, словно угорѣла.... А гдѣ бы, кажись, угорѣть? Да что, Саша, вы совсѣмъ, что ли, чай-то отпили?

— Нѣтъ, мама; я вотъ тебѣ чашку наливаю.

— Налей, родная, налей. Опять во рту что-то пересохло.

Поля взялась было за шляпку.

— Куда же ты, Полинъка? Посиди, голубушка! Вотъ чайку бы выпила еще чапарушечку.

— Нѣтъ, благодарствуйте, Оекла Ивановна! Я ужъ и такъ четыре чашки выпила.

— Ато походили бы вотъ по двору съ Сашей, погуляли. Тамъ никакъ и доска у забора прилажена — поскакать можно.

Напоивъ старуху чаемъ, Саша пошла съ своей гостьей во дворъ. Онѣ думали встрѣтить тамъ любезнаго Ивана Стаканыча, который мастеръ былъ потѣшить дѣвицъ разнымъ балагурствомъ; но почтенный человѣкъ этотъ сидѣлъ уже въ Китаѣ, попивая чаекъ съ кое чѣмъ горячительнымъ.

Дѣвушки постояли немного у забора, посмотрѣли на улицу, но не нашли тамъ ничего любопытнаго и простились.

— Право, осталась быты еще хоть немного, Поля! Куда тебѣ торопиться?

— Нѣтъ, пора мнѣ. Душенька-то мой притти обѣщалъ.

— Ну его, право...

— Не заводись ты этимъ добромъ, Саша! сказала Поля, выходя въ калитку. — Бѣда, да и только!

II.

На другой день Ивановна, при всемъ желаніи своемъ итти изъ дому — отнести кружева къ заказавшей ихъ барынѣ, никакъ не могла сдѣлать этого: она съ утра не вставала съ постели; голова у нея такъ разболѣлась, что отъ подушки оторвать ее трудно было. Послать съ кружевомъ рѣшительно некого. Иванъ Степанычъ и сходилъ бы, да человѣкъ онъ больно ненадежный: того-и-гляди забѣжить по дорогѣ въ какое ни на есть заведеніе увеселительнаго свойства, а тамъ и прощайся съ кружевами: либо забудетъ ихъ гдѣ, либо и совсѣмъ потеряетъ. Надо было итти самой Сашѣ, чего старухѣ очень не хотѣлось.

— Погодить бы, Саша, до завтра можно отнести.... Право. Ато дорога этакая далекая, почти-тай на конецъ города; мало ли что случиться можетъ! Ты дѣвушка боязливая.... Собака тамъ попадется.... али и человѣкъ какой нехорошій.... пьяный....

— Барыня-то сердиться будетъ, мама; ато бы я оставила ужъ до завтра. Она ито вѣдь три раза присылала.

— Не пойти ли ужъ развѣ мнѣ самой, Саша, перемочься маленько?

И старуха принялась, охая и крехтя, черезъ силу подыматься съ постели.

— Что ты? полно, мама! какъ тебѣ не грѣхъ! Насилу головой шевелишь, а итти вздумала. Да что мнѣ-то не сходить? Кто меня тронетъ? Вѣдь теперь не ночь: вонъ вечерни недавно еще благо-вѣстили; часа четыре теперь, или пятаго половина, больше не будетъ. Я мигомъ сбѣгаю.

— Да, ближній это свѣтъ — мигомъ сбѣгаешь! А надо отнести кружево, — и сама знаю, что надо. Эхъ, дура я какая, вчера-то не оставила.

— Лучше бы, разумѣется, оставить тебѣ вчера, мама! Ну, не понравились, назадъ бы она прислала.

— Не понравиться-то нечего. Впервой, что ли, на нихъ работать? Такъ я, старая, спятила... Сходи ужь сама, Саша, — нечего дѣлать!

— Хорошо, я одѣнусь сейчасъ.

— Только, пожалуйста, поскорѣе ты иди, Саша! Ато, пожалуй, до вечера проходишь. Да по сторонамъ-то много не гляди, родная! Ты ступай Покровкой, Саша: хоть оно и дальше, да ужь не обидитъ никто; а Знаменкой не ходи: тамъ больно много всякаго шатущаго народа бродитъ.

— Хорошо, хорошо, мама: я Покровкой пойду.

Саша черезъ минуту была готова. Она затянула черный шелковый передникъ на своемъ ситцевомъ платьѣ, накинула на плечи мантилью, тоже черную, — шляпку надѣла.

Ивановна сама, обыкновенно, поощряла къ опрятности и даже маленькому щегольству свою Сашу (да и какъ не пощеголять дѣвушкѣ на свои трудовыя деньги?), но ужасно не любила, чтобы

она ходила куда нибудь, кромѣ церкви, въ особенности же гулять или въ такія улицы и мѣста, гдѣ много ходитъ народа. Отпуская на этотъ разъ Сашу съ кружевомъ одну, старуха нашла излишнимъ въ ея одеждѣ шляпку.

— Зачѣмъ ты, Саша, шляпку-то надѣла?... Ты бы платочкомъ лучше прикрыла головку-то... Платочекъ у тебя этакой славный. А шляпку-то что понапрасну пылить? Видишь, пыль какая сегодня.

— Нѣтъ, мама, я ужь въ шляпкѣ лучше пойду. Что ей сдѣлается?... Я и такъ рѣдко ее надѣваю.

Старуха захохала.

— Что съ тобой, мама?

— Охъ, ничего. Голову что-то опять разламываетъ.

— Я, пожалуй, платочекъ надѣну, мама! сказала Саша, посмотрѣвъ на Ивановну, и стала медленно и неохотно развязывать ленты шляпки.

— Нѣту, иди ужь въ шляпкѣ. Я такъ сказала только. Охъ, головушка... опять такъ ее и гнететъ.

Саша взяла сверточекъ съ кружевомъ, надѣла старенькія перчатки и подошла къ старухѣ.

— Ну, вотъ я готова, мама!

— Ладно, родная! съ Богомъ.

Старуха перекрестила Сашу.

— Знаменкой-то, Саша, не ходи, смотри!

— Хорошо, мама, хорошо!

Въ два послѣдніе года Саша выходила изъ дому одна не болѣе десяти разъ, и то неподалеку. Старуха никакъ не рѣшалась пускать ее подальше. Дѣвушка въ порѣ, лицомъ красавица: какъ разъ бѣду нажить можно. Саша, съ своей стороны, была не очень большая охотница до гулянья, но изрѣдка любила-таки пройтись по большимъ улицамъ города. Ивановна позволяла ей иногда, но только по буднямъ, а никакъ не въ воскресные или праздничные дни, гулять немного съ Полей. Хоть и знала старуха, что Поля и плохая работница и обзавелась душенькой, однако, довѣряла ей Сашу охотно, потому что Полянька, безъ лести можно сказать, была дѣвушка вѣрная и добросовѣстная.

— Зашла бы ты, Саша, за Полянкой, сказала старуха, когда питомица ея подошла уже къ двери:—съ ней вмѣстѣ бы сходили.

— Ладно, мама, я зайду. Если дома она, такъ мнѣ лучше съ ней будетъ пойти, веселѣе. Прощай, мама!

— Прощай, родная! Господь тебя благослови. Саша отправилась, зашла на квартиру Поли, жившей неподалеку, но подруги своей не застала, а потому и должна была идти одна. Въ точности исполнила она наказъ старухи — не заглядывать за Знаменку, но, возвращаясь отъ барыни, никакъ не могла удержаться, чтобы не пройтись по Черному Пруду.

Чернымъ Прудомъ назывался небольшой садъ, разросшійся вокругъ довольно неглубокаго и не-

обширнаго бассейна мутной воды. Тутъ, въ опрятныхъ, хотя и не очень тѣнистыхъ аллеяхъ, гуляли городскіе обыватели, за неимѣніемъ лучшаго мѣста для прогулокъ. Въ аллеяхъ стояли мѣстами скамейки, на которыхъ можно посидѣть и помечтать—безъ всякаго, впрочемъ, комфорта; мѣстами помѣщались со своими складными столиками пирожники, продающіе миндальное печенье подозрительнаго цвѣта. Въ лѣтніе вечера на Черномъ Прудѣ можно было застать довольно гуляющихъ.

Было часовъ шесть, когда Саша шла близъ Чернаго Пруда. Шляпка на ней была новая, свѣжая, — вообще одѣта она мило: какъ не зайти! Скоро ли еще выберется время погулять въ саду?

И Саша зашла. Противъ обыкновенія, народа было тамъ очень мало, чѣмъ дѣвушка осталась довольною. Попались ей только два чрезвычайно разбитныхъ почтальона и посреди ихъ молоденькая женщина въ веснушкахъ; попался почтенный баринъ съ неизмѣримыми бакенами; попались два купца, лица которыхъ были орошены крупными каплями пота; попалась нянька съ дитятей въ куцой рубашечкѣ, и только, — никого болѣе не попалось. Вѣрно, рано еще было.

Сашѣ очень захотѣлось нарвать себѣ цвѣтовъ шиповника; но она все боялась, чтобы не вывернулся вдругъ откуда нибудь сторожъ сада, чело-вѣкъ до крайности свирѣпый и безцеремонный, строго наблюдавшій за неприкосновенностью не только цвѣтовъ, но и листьевъ на клочкѣ земли,

ввѣренномъ его надзору. Долго оглядывалась Саша и, не замѣчая никого въ аллеѣ, рѣшилась наконецъ сдѣлать похищеніе. Сорвавъ цвѣтовъ пять, она захотѣла достать еще одну вѣтку, на которой были рядомъ три цвѣтка и въ добавокъ еще двѣ распуколки; но вѣтка эта находилась далеко отъ края аллеи: надо было наступить на дернъ, чтобы достать ее. Саша полѣзла за своей добычей; но въ ту самую минуту, какъ она надламывала вѣтку, за нею раздался голосъ — голосъ, впрочемъ, не сторожа — произнесшій слѣдующія слова:

— Что это вы дѣлаете?

Саша страшно перепугалась; руки у нея опустились, оставивъ подломленную вѣтку шиповника. Она быстро оглянулась, покраснѣвъ до ушей, и пролепетала робкимъ голосомъ:

— Я хотѣла... одну только вѣточку.

За нею стоялъ высокій, красивый молодой человекъ съ небольшими усами, одѣтый франтомъ. Ему стало, вѣроятно, совѣстно, что онъ перепугалъ такъ бѣдную дѣвушку, и онъ сказалъ:

— Извините: я спросилъ васъ потому, что хотѣлъ помочь вамъ. Вы насилу достали эту вѣтку.

Дѣвушка стояла уже на пескѣ аллеи, бросивъ въ кустахъ и прежде сорванные цвѣты. Молодой человекъ очень ловко перешагнулъ черезъ мелкій кустарникъ у аллеи и въ одну секунду нарвалъ болѣе цвѣтовъ, чѣмъ Саша въ нѣскольکو минутъ. Она все еще стояла, какъ ошеломленная, и смотрѣла съ удивленіемъ на молодаго че-

ловѣка. Онъ тотчасъ возвратился къ ней и подалъ ей большой пукъ блѣдныхъ розовыхъ цвѣтовъ.

— Зачѣмъ это вы? проговорила Саша, краснѣя опять всѣмъ лицомъ. — Я не возьму. Здѣсь вѣдь не велятъ рвать цвѣтовъ.

— Не бойтесь ничего, сказалъ молодой человѣкъ. — Сторожъ ничего не смѣетъ сказать. Возьмите.

Саша и хотѣла и не хотѣла взять цвѣты, наконецъ рѣшилась и взяла. Молодой человѣкъ, предлагавшій ей ихъ, былъ такъ хорошъ и такъ милъ, что отказать ему было невозможно.

— Благодарю васъ, сказала Саша, принимая букетъ.

— Не за что, не за что, отвѣчалъ молодой человѣкъ, идя рядомъ съ Сашей, которая пошла поспѣшнѣе. — Вы, вѣрно, въ первый разъ здѣсь въ саду, что такъ боитесь рвать цвѣты?

Саша думала было не отвѣтить; но вѣдь это будетъ невѣжливо. А, между тѣмъ, не отвѣчать хорошо бы: молодой человѣкъ, вѣрно, оставилъ бы ее и не шелъ бы съ нею такъ свободно рядомъ, словно старый знакомый.

— Нѣтъ, я здѣсь не въ первый разъ, сказала своему спутнику.

— Отчего же я никогда не встрѣчалъ васъ здѣсь?

— Я очень рѣдко сюда хожу.

— Вы далеко живете?

— Далеко.

- А гдѣ именно?
 - Зачѣмъ вамъ это знать?
 - Такъ.
 - Не все ли вамъ равно, гдѣ бы я ни жила?
 - Вы однѣ живете?
 - Нѣтъ.
 - Съ подругой?
 - Съ родственницей.
 - Молоденькая у насъ родственница?
 - Старуха.
 - Какъ, однако, вы скоро идете.
 - Надо домой.
 - А гдѣ же вашъ домъ?
 - Ахъ, Боже мой! вы опять?
 - Впрочемъ, мнѣ не надо этого знать. Не говорите: я узнаю самъ.
 - А какъ вы узнаете?
 - Пойду за вами.
- Саша остановилась.
- Ради Бога, сказала она, сложивъ руки и глядя въ глаза молодому человѣку: — не дѣлайте вы этого. Не ходите за мной. Хорошо, что здѣсь никого нѣтъ; а по улицѣ столько народу ходитъ: еще увидить кто нибудь, что я съ постороннимъ иду. Хорошо ли это?
 - Такъ мнѣ, значитъ, оставить васъ?
 - Да, сдѣлайте милость.
 - Я не могу этого сдѣлать.
 - Отчего?
 - Оттого, что вы мнѣ очень нравитесь.

— Полноте! какъ вамъ не стыдно такое говорить. Я сначала думала, что вы...

Саша замялась.

— Что такое? спросилъ молодой чело вѣкъ.

— Вы разсердитесь, если я скажу...

— Нѣтъ.

— Оставьте меня, сдѣлайте мнѣ эту милость. Мнѣ домой пора, меня бранить будутъ.

— Нѣтъ, скажите сперва, что такое вы думали?

— Ахъ, Боже мой! Какіе вы! Отъ васъ нельзя отдѣлаться.

— Ну, скажите же, что такое?

— Я ужь забыла.

— Неправда. Я не отстану отъ васъ, пока вы не скажете.

— Ну... ну, я думала, что вы добрый чело вѣкъ, что вы не станете обижать...

— Я васъ обидѣлъ?

— Ахъ, нѣтъ!

Саша покраснѣла.

— Господи, какая я глупая! Сама не знаю, что говорю.

— У меня и въ мысли не было обидѣть васъ.

— Простите меня, пожалуйста. Это я такъ сказала... Не подумала... Но, пожалуйста, прошу васъ, останьтесь въ саду, не ходите за мной! Я умру со стыда...

— Такъ я и не увижу васъ больше?

— Зачѣмъ намъ видѣться?

— Въ такомъ случаѣ , я хочу побыть съ вами подольше—провожаю васъ до дому.

— Какой вы злой человѣкъ!... Вотъ я и не знаю теперь, что дѣлать? Боже мой!

— Скажите, гдѣ вы живете?

— Что же вамъ изъ этого?

— Я приду къ вамъ.

— Что вы? что вы? Развѣ это можно? Вы забыли про маму...

— Да вѣдь не могу же я навсегда съ вами проститься.

— Не навсегда... мы встрѣтимся когда нибудь опять.

— Когда нибудь! Я не хочу этого.

— Боже мой! да что же мнѣ съ вами дѣлать?

У Саши слезы навернулись на глазахъ. Молодой человѣкъ сжалился.

— Вы скажите только, гдѣ и когда могу я васъ опять увидѣть.

— Я не знаю, право. Я такъ рѣдко выхожу со двора. Что вамъ во мнѣ?

— Я васъ провожу теперь до дому, сказалъ молодой человѣкъ послѣ краткаго молчанія.

— Опять! Въ васъ жалости вовсе нѣтъ. Что я вамъ сдѣлала?

— Ну, что стоитъ вамъ сказать мнѣ только, когда я могу увиѣть васъ и гдѣ.

— Я, ей Богу , и сама не знаю, сказала Саша, то взглядывая на своего спутника , то опуская глаза. — Завтра , какъ смеркнется , проговорила,

она, не зная сама какъ: — у оврага, что около Ямской.

— Ну, хорошо. Куда же вы?

— Прощайте. Миѣ давно пора. Того-и-гляди, придуть еще сюда.

— Подождите немного. Скажите хоть, какъ васъ зовутъ.

— Сашей.

И Саша пошла такъ скоро, какъ могла, торопясь выйти изъ саду. Сердце ея страшно билось.

Неугомонный молодой человѣкъ догналъ-таки ее опять и, наклонясь къ самому плечу ея, спросилъ :

— Вы не обманете, Саша?

Дѣвушка вздрогнула и вся вспыхнула.

— Нѣтъ, пролепетала она едва внятно, бѣгло взглянувъ въ лицо своего преслѣдователя. — Оставьте меня! Идутъ вонъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ другой аллеи показался какой-то весьма мизерный баринъ съ пуделемъ. Саша такъ была напугана, что еще ускорила шаги. Молодой человѣкъ пошелъ гораздо тише. Платье Саши давно уже исчезло изъ глазъ его, когда онъ сошелся съ бариномъ, имѣвшимъ при себѣ пуделя.

— Прогуливаетесь, Анатолій Петровичъ? спросилъ этотъ баринъ, приподнявъ шляпу, и рябое лицо его вдругъ озарилось милой улыбкой.

— Да, ходилъ немного, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Замѣтили, какая сейчасъ пташечка пропорхнула?

— Да, очень недурна.

— Совершенный миленочекъ!

III.

Анатолій Петровичъ возвратился домой поздно. Онъ много гулялъ въ этотъ вечеръ, потомъ зашелъ къ одному своему пріятелю, которому рассказалъ въ подробности и даже со многими прибавленіями и украшеніями свою встрѣчу на Черномъ Прудѣ. Пріятель Анатолія Петровича былъ человѣкъ очень хорошій, вслѣдствіе чего они и выпили вдвоемъ бутылку шампанскаго.

Когда Анатолій Петровичъ вошелъ въ свою квартиру, вѣрный и непьющій слуга его Никита сообщилъ ему два письма, принесенныя съ почты.

— Должно быть, съ Козловки, сударь? дерзнулъ онъ спросить, вручая письма своему барину.

— Я думаю, отвѣчалъ Анатолій Петровичъ. — Дай мнѣ раздѣться.

Письма, вѣроятно, мало интересовали его, ибо онъ не прежде принялся за нихъ, какъ облачившись въ туфли и халатъ и выкуривъ трубку. Наконецъ, сломавъ печать перваго письма, онъ прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Дражайшій Анатолій Петровичъ! Всего двѣ недѣли прошло съ того времени, какъ вы оставили нашу Козловку, а мы всѣ, въ особенности Лизанька, прожили какъ будто цѣлый годъ безъ васъ: такъ время долго тянулось. Мы ждемъ отъ

васъ ежеминутно вѣсточки и интересуемся узнать, какъ идутъ ваши дѣла. Молимъ Бога, чтобы какъ нельзя лучше все кончилось и вы имѣли бы полный успѣхъ. Илья Кондратьичъ говорилъ намъ, что и сомнѣваться нечего. Онъ эти дѣла хорошо знаетъ. Дай Богъ, чтобы вы только все поскорѣе кончили. Лизанька въ большой горести, что должна быть въ разлукѣ съ вами цѣлые два мѣсяца. Она ужъ просила меня, чтобы мы переѣхали въ К.; но это невозможно, вы сами знаете: пора теперь рабочая—нуженъ вездѣ глазъ да глазъ. Если же повидаться съ вами ѣхать, то только время проведешь. Шутка ли сказать, двѣсти верстъ! Потерпите ужъ это времячко: тѣмъ пріятнѣе будетъ свидѣться. Лизанька вамъ отдѣльное письмо пишетъ. Она все играетъ на фортепьянахъ вашу любимую польку-мазурку.

«Будьте здоровы, дражайшій Анатолій Петровичъ, и пишите къ намъ почаще. Остаюсь любящая васъ душевно Аграфена Кочуева.

«P. S. Жду съ нетерпѣніемъ того времени, когда назову васъ своимъ сыномъ.»

Другое письмо, писанное Лизанькою, было далеко не такъ кратко, какъ письмо ея маменьки. Оно занимало большой почтовый листъ, было написано до крайности мелко и все искрещено такою же мелкой рукописью. Хотя въ письмѣ было много вѣжнаго и пріятнаго для личности Анатолія Петровича (онъ назывался тутъ и ангеломъ, и воплощеннымъ идеаломъ одинокихъ мечтаній, и вѣстникомъ первой любви), однако, Анатолій

Потровичъ не дочиталъ этого посланія. Онъ былъ очень близорукъ, и при свѣчахъ было ему трудно разбирать тонкую и слишкомъ связную рукопись своей невѣсты. Письмо было снова вложено въ пакетъ и оставлено до слѣдующаго утра. Затѣмъ Анатолій Петровичъ улегся въ постель и опочилъ безмятежнымъ сномъ человѣка, незнающаго никакихъ заботъ.

А въ той далекой улицѣ, гдѣ процвѣтаетъ трактиръ Китай, въ томъ маленькомъ домишкѣ, передъ окнами котораго растутъ двѣ березы, этотъ невинно спящій Анатолій Петровичъ произвелъ томительную и тревожную бессонницу. Саша не спала; глаза и щоки ея горѣли; въ комнатѣ было слишкомъ душно; левкой былъ слишкомъ пахучъ. А старая Ивановна, проведенная прошлую ночь безъ сна, наконецъ успокоилась и спитъ такъ крѣпко, не чуя, что рядомъ съ ней не смыкаетъ хорошенькихъ глазъ ея любимая Саша.

Много самыхъ разнородныхъ, то обольстительныхъ и манящихъ, то пугающихъ и грозныхъ, мыслей осаждали пылающую голову дѣвушки. Она чувствовала себя и отчасти счастливою и вмѣстѣ несчастною и больше всего чувствовала себя виноватою. А чѣмъ была она виновата, бѣдная дѣвушка?

Возвращаясь домой отъ барыни, которой отнесла кружева, Саша не переставала думать, что поступила очень легкомысленно и даже дурно, назначивъ свиданіе молодому человѣку. А, между тѣмъ, какъ могла она не назначить этого

свиданія? Вѣдь онъ пошелъ бы за нею слѣдомъ, пошелъ среди бѣлаго дня провожать ее до дому, и всѣ бы увидали это, всѣ бы осмѣяли ее. Но развѣ нельзя остаться дома и нейти къ оврагу? Сашѣ становилось опять жаль молодаго человѣка; кромѣ того, какое-то тайное чувство говорило ей, что обмануть его грѣхъ. Онъ такъ молодъ, такъ хорошъ!

Торопливо постучалась она въ дверь своей пріятельницы. Полинька была дома и одна. Она сидѣла у окна и гадала старыми картами о трефовомъ королѣ.

— Какъ это ты зашла ко мнѣ, Саша? воскликнула она съ удивленіемъ, отворяя дверь своей подругѣ. — Неужто Оекла Ивановна отпустила?

Она обняла Сашу и поцаловала ее. Губы Саши дрожали; безъ отвѣта сѣла она на еле живой стулъ и громко-громко зарыдала.

— Господи, что́ это съ тобой? Что́ съ тобой, Саша? Въ первый разъ я вижу, чтобы ты такъ плакала.

Саша долго не могла прійти въ себя, наконецъ сказала черезъ силу:

— Моя очередь пришла теперь. Вчера ты пришла ко мнѣ плакать, сегодня — я къ тебѣ.

— Да что́ же за горе случилось?

Саша все рассказала.

— Такъ о чемъ же ты плачешь? спросила Полинька такъ простодушно, что Саша невольно поуспокоилась. — Что́ же за бѣда такая? Вѣдь тебя никто съ нимъ не видалъ?

— Никто.

— Ну, и плакать не о чемъ.

— А пойти къ оврагу-то, Поля?

— Зачѣмъ же ты сказала ему это? Да, впрочемъ, что за дѣло, что сказала. Не ходи!

— А онъ будетъ ждать...

— Подождетъ, подождетъ, да и домой уйдетъ.

Саша встала со стула, подошла къ Полинькѣ и стала обнимать ее. Та съ удивленіемъ смотрѣла на нее.

— Какъ ты раскраснѣлась вся, Саша!

— Поля, душа моя, говорила Саша, чуть не задыхаясь: — я не могу... я пойду... Еслибъ ты только видѣла его...

Полинька покачала головой.

— Саша! сказала она, помолчавъ немного: — посмотри ты на мое житъе, на самое на меня. Что я? тряпка грязная. Объ меня только ноги обтирать. А живу-то я какъ? Господи!... А все отчего?

— Ты пойдешь со мной, говорила Саша: — онъ при тебѣ будетъ не такъ, какъ со мной одной. Пойдешь ты?

— Пожалуй, отвѣчала Поля довольно нерѣшительно.

— Право же, Поля... право... повторяла Саша, снова заливаясь слезами: — я не могу... мнѣ душно, скучно дома.... Я умру, право....

Полинька принялась успокоивать и уговаривать Сашу; но рѣчь ея коснулась какъ-то той поры, когда она сама была поставлена въ такое

же положеніе, какъ Саша, и слова Полинъки влругъ приняли другое направленіе, голосъ ея зазвучалъ иначе, вся она похорошѣла вдвое отъ румянца, загорѣвшагося на ея блѣдныхъ щекахъ, и, вмѣсто того, чтобы отклонить Сашу, она увлекла ее къ полному рѣшенію.

Старуха долго ворочалась на постели, ожидая свою питомицу, и не знала, чему приписать долгое ея отсутствіе. Наконецъ Саша явилась въ сопровожденіи Полинъки.

— А я заждалась тебя совсѣмъ, Саша! ужь думала, Богъ знаетъ что случилось.

— Мы вмѣстѣ ходили, Оекла Ивановна, отвѣчала Полинъка: — да устали очень, такъ ужь ко мнѣ зашли — отдохнуть немножко.

— Спасибо тебѣ, голубушка моя; ато я, признаться, боялась за Сашу. Выходить рѣдко; а тутъ мало ли что случиться можетъ. Близко ли итти!

— Ну, прощайте теперь, Оекла Ивановна! полноте хилѣть-то. Вставайте поскорѣе.

— Куда же ты, родная? Вотъ чайку бы ты съ нами напилась. Куда торопишься?... Что, Саша ты ставишь самоваръ-то?

— Ставлю, мама! откликнулась въ сѣняхъ Саша, бросая дрожащими руками угли въ жерло самовара.

— Нѣтъ, мнѣ нужно итти, Оекла Ивановна! сказала Полинъка, подымаясь со стула. — Мнѣ никакъ нельзя остаться дольше.

— Ну, нельзя, такъ нечего дѣлать. Прощай,

моя голубушка; спасибо тебѣ, что провожила Сашу-то мою.

— Прощайте, Оекла Ивановна!

Когда Полинька остановилась въ сѣняхъ около Саши, грѣвшей самоваръ, Саша взяла ее за руку.

— Ахъ, какая у тебя рука холодная! сказала Полинька.

— Дай свою руку, отвѣчала Саша: — приложи-ка ее сюда.

И она приложила руку Полиньки къ своему лѣвому боку.

— Чтò? сильно бьется?

— Какъ маятникъ.

Полинька пошла домой. Тамъ сидѣлъ уже ея душенька, покуривая трубочку и пуская въ окно красивыя колечки дыма.

IV.

Весь день Саша провела въ страшной тревогѣ; работа у нея вовсе не спорилась; на глазахъ безпрестанно навертывались слезы. Она рѣшительно не понимала, чтò совершается съ нею и въ ней. Старуха Ивановна какъ на бѣду расхворалась болѣе вчерашняго, — съ утра походила было немножко взадъ и впередъ по комнаткѣ, но потомъ опять улеглась. День тянулся для Саши невыносимо долго. На силу-то заблагоговѣстили къ вечернѣ. При ударѣ колокола на недалекой церкви сердце Саши сильнѣе забилося и мучительно сжалось какимъ-то тоскливымъ чувствомъ

А, между тѣмъ, она не перемѣнила своего рѣшенія. Этотъ день тревоги сдѣлалъ ей какъ будто тяжелою жизнь ея въ бѣдныхъ стѣнахъ тѣсной комнатки; сердце Саши рвалось на свободу, просило чего-то неизвѣстнаго. Всѣ дни, однообразной чередой прошедшіе надъ ея хорошенькой бѣлокурой головкой, являлись ей днями пустыми и могильно траурными. И среди каждой мысли, среди cadaго занятія возставалъ передъ бѣдною дѣвушкой обольстительный юношескій образъ мужчины, полного любви.

Вскорѣ послѣ вечеренъ пришла Полинька. Ивановна въ это время уснула.

— Чтò, не передумала ты, Саша? спросила Полинька шопотомъ свою подругу.

— Нѣтъ, отвѣчала также тихо Саша.

— Ахъ, Саша, Саша!

Полинька покачала головой.

— Не могу, Поля.... право... не могу.

И опять слезы, — слезы ручьями.

— Полно плакать!

— Ничего... когда плачешь... легче...

— Оекла Ивановна, пожалуй, услышитъ.

— Нѣтъ, она спитъ.

— Пуститъ ли она тебя, Саша?

— Пуститъ... она ничего не знаетъ.

— Да перестань же ты плакать-то... Она проснется — замѣтитъ...

Саша принялась отирать свои заплаканные глаза и мокрыя щеки,

— А я-то! я-то? сказала Полинька, опять ка-

чая головой. — Меня и пускать-то бы сюда не слѣдъ.

— Отчего? простодушно спросила Саша.

— Да такъ отвѣчала Полинъка, слегка махнувъ рукой: — не стою я ничьей любви. Вѣдь вонъ Оекла Ивановна мнѣ вѣритъ.

— Полно! сказала Саша, встала со стула и начала ходить по комнаткѣ.

Въ этотъ тяжелый и грустный день Саша какъ будто вдвое похорошѣла. На щекахъ ея, слегка похудѣвшихъ, пылалъ такой горячій румянецъ; влажные глаза смотрѣли такъ томно. Пухленькія губки Саши безпрестанно сохли; ей было тяжело дышать. Волосы ея никакъ не хотѣли въ этотъ день покориться гребню, — можетъ быть, и потому, что гребень дрожалъ въ блѣдныхъ, холодныхъ ручкахъ, и безпрестанно разбивались спереди и падали длинными прядями на ея глаза и щеки. Грудь блѣдной дѣвушки высоко подымалась частыми вздохами.

Ивановна наконецъ проснулась. Сонъ очень укрѣпилъ ее; она приподнялась съ постели и прошла по горницѣ.

— Вотъ мнѣ и полегчало, родныя! Слава тебѣ Господи.

— Что голова твоя, мама?

— Легче, Саша, легче не въ примѣръ противу давишнаго.

— Ну, и слава Богу, Оекла Ивановна! сказала Полинъка.

— Вотъ мятки бы я, Саша, выпила; такъ-то мятки вдругъ захотѣлось. У насъ есть еще никакъ маленько?

— Я сейчасъ, мама, слѣлаю.

— Ладно, моя родная! Вотъ и вы чайку бы вмѣстѣ накушались.

— Хорошо, мама! Я сейчасъ самоваръ возьму.

Полинька едва-едва собралась сказать Ивановнѣ, чтобы она отпустила Сашу къ ней на часокъ — не больше — посидѣть. Трудно было ей рѣшиться обмануть старуху. Ивановну, не подозревая ничего, охотно согласилась.

— Не передумала ты? спросила Полинька Сашу, улучивъ минуту, когда старуха не могла ее слышать.

— Нѣтъ, отвѣчала Саша, и щеки ея вспыхнули еще ярче.

Начинало смеркаться, когда обѣ дѣвушки вышли изъ дверей комнатки, выслушавъ наказъ Ивановны воротиться поскорѣе.

Оврагъ около Ямской улицы, о которомъ слышалъ уже читатель, былъ пустынное и безлюдное мѣсто, лежавшее не вдалекѣ отъ той улицы, гдѣ жили Саша и Полинька. За оврагомъ этимъ не было никакого жилья, и оба края его, довольно, впрочемъ, отлогіе, опушались мелкимъ кустарникомъ, посреди котораго вилась узкая тропинка, спускаясь на дно оврага и всползая на противоположную сторону. Въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кусты выше и дорожка ровнѣе, по сю сторону оврага, какой-то любитель приро-

ды приладилъ на двухъ большихъ камняхъ доску наподобіе скамьи.

На этой-то скамьѣ сѣли двѣ дѣвушки. Вечеръ былъ свѣтелъ даже и въ этомъ ихъ убѣжищѣ. Тишина была полная: ни листкомъ не шевелился окрестный кустарникъ, ни звука не доносилось изъ города.

— Поля, мнѣ страшно. Зачѣмъ я пришла сюда?

— Пойдемъ назадъ.

— Нѣтъ, ни за что. Мнѣ и страшно и хорошо... Я хочу его увидеть.

— Онъ, вѣрно, не придетъ, Саша! Онъ такъ, шутя, сказалъ... Что намъ такъ сидѣть?

— Придетъ, придетъ, Поля!... А я не могу отсюда уйти.

— Остаться мнѣ съ тобой, Саша?

— Нѣтъ, Поля... уйди!... Мнѣ такъ стыдно... А самой нельзя уйти.

— Я не знаю, что дѣлается съ тобой, Саша!

— А я... ты думаешь, я знаю... Я точно умираю... Господи, что мнѣ дѣлать?

— Саша, пойдемъ лучше домой; ты совсѣмъ больна; пройдетъ это все, ты сама же будешь смѣяться.

— Нѣтъ... не пройдетъ.... Я ужь давно мучусь, Поля!... Я не говорила только ничего... Словно все ждала я его... А теперь мнѣ не подождать?

— Лучше теперь покончить, Саша, чѣмъ послѣ. Пойдемъ, душа моя! Послѣ труднѣе будетъ оторваться.

— Не говори ты мнѣ этого. Не могу я... Слышишь, не могу.

— Какъ хочешь. Я уговаривать больше не стану. Такъ я пойду — буду ждать тебя вверху.

— Ахъ, нѣтъ, останься хоть до тѣхъ поръ, какъ онъ придетъ. Мнѣ страшно одной. Посмотри, какъ дрожу я вся.

Полинька сложила руки и качала головой.

— Еслибъ ты знала, Поля... какъ я терзалась эту ночь и сегодня... Боже мой, Боже мой!... Я думала, мнѣ ужъ не дожить до вечера. Ты не знаешь, какъ я... Ахъ, я точно давно ужъ его знаю.

Въ это время милый молодой человѣкъ, котораго звали Анатолиемъ Петровичемъ, возвратился домой съ пріятельскаго холостаго обѣда отъ извѣстнаго всему городу льва и потѣшника господина Канталупова. Онъ торопливо вбѣжалъ въ свой кабинетъ.

— Эй, Никита! Никита!

Никита предсталъ.

— Что это, братецъ, какъ ты долго вѣчно ходишь, когда тебя зовутъ.

— Я пальто вѣшалъ-съ.

— Подай мнѣ старый сюртукъ.

— Сейчасъ-съ.

— Ну, поворачивайся же! Экая черепаха! Куда же ты?

— Вѣничкомъ надо хватить-съ.

— Такъ и есть. Нашелъ время. Спишь все день-то-деньской. Давай такъ.

— Все бы....

— Молчи. Плащъ скорѣе да палку.... Не эту, не эту.... толстую подай!

Анатолій Петровичъ мигомъ очутился на улицѣ.

— Извозчикъ!

— Куда прикажете-съ?

— Въ Ямскую, да живо.

Дрожки задребезжали.

Въ кустахъ, около которыхъ сидѣли двѣ дѣвушки, что-то хрустнуло.

— Идетъ, сказала Поля, вставая.

Саша схватила ее за руку.

— Постой, постой, Поля!... Я боюсь.... Не ходи!

Онѣ осмотрѣлись. Никого не было видно.

— Такъ это, хрустнуло что-то, сказала Поля.

— Онъ вѣрно, забылъ и не прійдетъ вовсе. Правъ, пойдешь, Саша! Здѣсь такъ холодно стало.

— Холодно? Дай-ка руку сюда.... Я вся въ огнѣ.... мнѣ жарко.... Я бы напиться хотѣла.

— Пойдемъ домой и напьемся тамъ.

— Тсс.... идетъ..... Ахъ!

Черная фигура стояла уже передъ Сашей. У нея потемнѣло въ глазахъ; она хотѣла сказать что-то, но не могла; голова ея закружилась, и она упала на руки — Полиньки?... нѣтъ, не Полиньки. Та была уже на верху оврага.

Зачѣмъ такъ скоро оставила она свою подругу?... Кто знаетъ: можетъ быть, старое вспомнила, можетъ быть, къ новому привыкла.

V.

Три недѣли... Какое это длинное время! Чего-чего не можетъ случиться въ три недѣли!

Посмотримъ на тотъ домикъ, гдѣ живутъ Ивановна съ Сашей. Много ли тамъ произошло переменъ въ три недѣли?

Ужъ поздній вечеръ, пора, когда всѣ спятъ въ домикѣ, а въ оконцѣ между бѣлыхъ стволовъ березъ виднѣнъ блѣдный свѣтъ. Что такое могло тамъ случиться? Отчего такъ поздно засидѣлись дѣвушка и ея мама? Этотъ мерцающій огонекъ — не свѣтъ лампадки передъ иконой: лампадка горитъ блѣднѣе. Вѣрно, Саша работаетъ къ сроку, торопится кончить и засидѣлась за своимъ дѣломъ далеко за полночь. Или не больна ли ужъ старая Ивановна, и не сидитъ ли Саша у изголовья больной своей мамы?

Сальная свѣчка нагораетъ да нагораетъ; старая Ивановна здорова и сидитъ около свѣчки, вдѣвъ себѣ на носъ тяжелыя очки. Медленно шевелитъ она желѣзными спицами; петля прицѣпляется къ петлѣ, и вырастаетъ рядъ чулка, и другой, и третій, а Саши нѣтъ, какъ нѣтъ. Вывязавъ цѣлый рядъ петель, старуха пріостанавливается, почесываетъ за ухомъ спицей, сдвигаетъ съ уха платокъ, которымъ повязана ея сѣдая голова, и прислушивается или привстанетъ, въ окно посмотреть. Саши нѣтъ, какъ нѣтъ.

То досада, то жалость овладѣваютъ попеременно сердцемъ старой мѣщанки. На свѣтильнѣ

свѣчки выросъ цѣлый грибъ копоти; въ комнатѣ темно, и мысли Ивановны становятся темнѣе.

«Злая дѣвушка — думаетъ она — я ли тебя не баловала, не берегла? А что мнѣ за все мое добро, завсю мою любовь? Стара, видно, я стала, стара и глупа, что думала уберечь молодость. Не моимъ слѣпымъ глазамъ смотрѣть было за дѣвкой: и позрячѣ глаза не усмотрятъ.»

И приходятъ къ Ивановнѣ въ голову мысли о своей молодой порѣ: вспоминаетъ она, какъ и ее берегли пуще рѣсницы, какъ и ее не уберегли да не устерегли. А былъ сосѣдскій Ваня хорошъ и пригожъ: кудри въ завиткахъ, глаза съ поволокой; какъ перетянетъ себѣ стройный станъ поясомъ, какъ пристукнетъ сапожками или на бандурѣ заиграетъ, — поневолѣ сердце забьется, да ночь не поспишь, проворочаешься на постели съ боку на бокъ. И билось же сердце въ ту пору! А какъ начнетъ сердце биться, колотить безъумолку въ бѣлую грудь, такъ и до грѣха недалеко.

Плохо видятъ глаза Ивановны; наклонилась она къ чулку: не то спустила петлю, не то нѣтъ. Точно туманъ въ глазахъ. Вынула платокъ, вытерла глаза, опять къ чулку наклонилась.... Плохо.

«Совсѣмъ, видно, ослѣпнуть приходится.»

Придвинула Ивановна къ себѣ свѣчку, придвинула съемы. Ай-ай, какъ свѣча-то нагорѣла!

«Быть письмамъ; вонъ одно большое какое на свѣтильнѣ выросло.»

Сняла со свѣчки: въ комнаткѣ стало свѣтлѣе,

и на душѣ Ивановны какъ будто поотрадиѣе. Вотъ вѣсточку отъ сына получить; можетъ, и свидятся скоро. Какой-то онъ, чай, молодчина, въ усахъ, въ серебрѣ али и въ золотѣ пожалуй. Только бы жену взять да дѣтей растить. А дѣти будутъ не простые: все офицерскіе, — и хлопотъ съ ними не надо много: пойдутъ себѣ, родные, сами въ гору, безъ тяжкаго труда, безъ чужой подмоги. А жена-то гдѣ? Эхма! и была невѣста — хорошая, кроткая, работающая, никакой шалости за ней не было, — да отняли злые люди! Пропали всѣ труды Ивановны даромъ. Сколько лѣтъ росла, цвѣла и расцвѣтала дѣвушка подъ ея надзоромъ да уходомъ, — а тутъ вдругъ —этакое горе! Вотъ те и невѣста Тимошѣ!

Опять голова Ивановны опустилась подъ тяжелой и безрадостной мыслью.

И гдѣ теперь эта питомица ея? Ивановна ничего не знаетъ; и жаль ей, что она на глаза къ себѣ не пустила Полиньку, когда та зашла какъ-то Сашу провѣдать. Можетъ быть, Полинька и не виновата совсѣмъ, а она, старая брюзга, ни за что, ни про что обидѣла бѣдную дѣвушку. Вотъ и сиди теперь одна да передумывай то да это, — а что выдумашь? Полинька же и не заглянетъ теперь. Ивановна засыпала, закидала ее всякимъ дурнымъ словомъ, всякою обидой.

И сколько ужъ вечеровъ просиживаетъ Ивановна одна-одиноконька, жжетъ понапрасну свѣчу да ждетъ свою любимицу, и что ни вечеръ, позже да позже приходитъ домой Саша. Какъ при-

детъ дѣвушка домой, старуха глаза опустить, хочеть то сказать, другое сказать, да языкъ не поворотится, такъ и промолчить; только свѣчу передъ иконой зажжетъ, долго молится, часто земные поклоны кладетъ. Саша станетъ за ней, перекрестится разъ, другой, въ землю тоже поклонится да такъ-то тяжело вздохнетъ, что у старухи духъ захватить.... И пойдеть спать. Спитъ ли, нѣтъ ли, Богъ ужъ ее вѣдаетъ. Иногда подушка только мокра бываетъ, — но не каждое утро. Старуха это хорошо подмѣчаетъ — всякій день подушку Саши щупаетъ. Коль мокра подушка, Ивановна перекрестится и подумаетъ: «Видно, тяжело ей, сердечной. Авось одумается. Можетъ, сегодня и не пойдеть со двора.» Потомъ и такъ смекнетъ: «На комъ грѣха не живало? Богъ дастъ, все перемелется — мука будетъ.» Но Саша не остается по вечерамъ дома и все дольше и дольше не возвращается.

Вотъ и теперь.... Пѣтухи уже по три раза пѣли. Иванъ Стаканычъ (сквозь перегородку слышно) огонька вырубалъ на трубочку: видно, выспался; въ сосѣдяхъ караульщикъ пересталъ ужъ въ заборъ колотить. Днемъ сидишь-сидишь — ни слова отъ Саши: молча работаетъ; ночью сидишь-сидишь — ну, дождешься.... опять ни слова: Богу помолилась, вздохнула передъ образомъ и спать ложится.

«Охъ, горе, горе! горькое житье!»

Старуха положила свое вязанье, погасила свѣчу, поправила лампадку передъ иконой. Прислу-

шалась — ничего-то не слышать, словно весь міръ Божій умеръ. Только откуда-то издали, больно-издали, пѣтухъ голосъ подалъ.

Ивановна вышла на дворъ. Мѣсяцъ стоялъ еще на небѣ, только блѣдный—блѣдный и въ туманѣ; березки чуть шелестятъ частою листвою, и неопредѣленная тѣнь ихъ дрожитъ на землѣ. Подошла Ивановна къ забору, въ щель смотритъ; ноги озябли: трава у забора мокрая, въ росѣ.... Иди-ка спать, старуха! на улицѣ все смирно; всѣ дома... кто объ эту пору изъ гостей возвращается?

Нечего дѣлать! пришлось Ивановнѣ воротиться въ свою горенку, раздѣться и улечься въ постель. А какъ легла она въ постель, то и рѣшилась: перемочь себя завтра — выговорить Сашѣ все, что только накопилось и накипѣло у ней на сердцѣ.... Какъ только воротится дѣвушка домой....

«Да, полно, воротится ли она?

И старуха горько заплакала.

Когда Ивановна проснулась (а проснулась она очень рано; спала же хоть и недолго, а крѣпко), первымъ дѣломъ ея было заглянуть за занавѣску, въ другую половину горенки.

Саша сидѣла у открытаго окна и обрывала листочки съ левкоя. Она была одѣта такъ же, какъ вышла изъ дому: знать, и не ложилась.

Только что слышала Саша, что мама ея подымается съ постели, она встала, взяла кувшинъ, пошла на дворъ къ колодцу и принесла свѣжей воды умыться старухѣ. У колодца Саша опрыскала себѣ лицо студеной водой и вытерла его

носовымъ платкомъ. Глаза у нея горѣли и плохо видѣли; дремота одолѣвала ее. Поставивъ кувшинъ къ умывальной чашкѣ за занавѣску, Саша взяла самоваръ и вынесла его въ сѣни вмѣстѣ съ кулечкомъ углей.

Тѣмъ временемъ, какъ дѣвушка грѣла самоваръ, Ивановна успѣла умыться и одѣться и ждала только Сашу, чтобы сказать ей наконецъ все, что давно уже надо было сказать.

Саша вошла съ самоваромъ.

— Здорово, Саша! сказала старуха кроткимъ голосомъ.

— Здравствуй, мама! отвѣчала Саша, опустивъ рѣсницы

« Чаю ли ужь сначала напиться — думала старуха — да потомъ начать ей говорить, али теперь?... Какъ бы только не обидѣть ее больно, сердечную, теперь-то. Вишь, убитая она какая. А натоцахъ-то все грубѣе слово сорвется. »

Ивановна вся преисполнилась жалостью и не прежде, какъ проглотивъ, черезъ сахаръ, чашку чаю, рѣшилась начать разговоръ, да ито издалека, — глазъ же на питомицу свою и не подымала: все смотрѣла както въ сторону.

— Что, Саша, скоро ты кончишь кружевную-то косынку для Балаевой барыни?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Саша, понимая, къ чему клонится этотъ вопросъ.

— А какъ этакъ?

— Недѣли черезъ полторы.

Старуха помолчала, потомъ, собравшись съ духомъ, сказала:

— Ты нынче, Саша, не по прежнему работаешь. Прежде давно бы ужъ кончила.

Саша молчала.

— Меня тебѣ не жаль, Саша, начала опять, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Ивановна, останавливаясь чуть не на каждомъ словѣ: — такъ себя бы ты пожалѣла. Хорошее ли это дѣло, сама ты посуди. Еще вчера... ну, третьяго-дня поздно ты пришла домой — никто хотъ не видалъ этого. А нынче, поди, всякій смотритъ, откуда это идетъ дѣвушка въ такую пору.... Я не про себя говорю. Ну, горько мнѣ, тяжело.... охъ, такъ-то ужъ тяжело, что и сказать нельзя.... Да мнѣ что старой бабѣ? Пусть и скажутъ про меня, что сама я тебя до этого довела. Пусть ихъ говорятъ.... Богъ лучше людскаго видитъ, я ли, нѣтъ ли. А тебя-то мнѣ, Саша, тебя-то, родная, жаль... Губишь ты понапрасну и честь свою дѣвичью.... а честь-то дороже и золота и всего на свѣтѣ..... здоровье губишь....

Ивановна подняла глаза на Сашу. Дѣвушка стотрѣла въ окно; въ рукахъ ея была недопитая чашка чаю.

— Вонъ глазки у тебя стали какіе! усталые: словно ты либо не спишь, либо плачешь.... Я вотъ никого не вижу, не слышу: можетъ, ужъ и толкуютъ про тебя.... Люди рады чужой бѣдѣ; имъ только бы обцыганить кого.... Хорошая-то слава на печкѣ лежитъ, дурная по дорожкѣ бѣ.

жить. Да и на меня-то ты посмотри, Саша! И я-то, на тебя глядя, извелась вся: ночи не досыпаю, работу забросила.... Одна дума въ головѣ. И на кого ты меня промѣняла, Саша? Али не любила я тебя?... Родную дочь мать иная такъ не любитъ, какъ я. А тамъ — кто онъ такой, не знаю.... Развѣ любовь, что ли, у него къ тебѣ? развѣ тебя онъ, сердце твое, что ли, любитъ? Красота твоя да молодость приглянулись. А и красота-то сгинетъ по безсоннымъ ночамъ.

Ивановна опять робко взглянула на Сашу.... Чашка въ рукѣ задрожала, и слезы широкими ручьями покатились изъ глазъ Саши.

Старуха замолчала и во весь день не говорила уже ни полъ-слова своей воспитанницѣ.

Впрочемъ, вечеръ этого дня внесъ много спокойствія въ мысли и сердце старой Ивановны. Саша оставалась дома. Она сначала много плакала, потомъ рассказала мамѣ, разумѣется, тоже не безъ слезъ, все какъ было, и Ивановна уснула съ отрадной мыслью, что не пропала еще ея Саша, что авось, Господь милостивъ, все устроится какъ слѣдуетъ; подумала даже Ивановна, что Тимоша добрый человѣтъ, что старымъ грѣхомъ не въ глаза же тыкать, да и кто безъ грѣха, что Саша, наконецъ, все-таки дѣвушка хорошая, сердце у ней доброе, руки работающія, и вообще невѣста она хоть куда.

На другой день по утру Иванъ Степанычъ, пропустивъ чарочку пользительной водки подъ сѣнію Китая, стоялъ у окна трактира и закусывалъ

колбасой. Къ нему подошелъ одинъ изъ его прітелей и постоянныхъ собесѣдниковъ по заведенію.

— Посмотри-ка, посмотри, Захарычъ! сказалъ Иванъ Стаканычъ, выглядывая изъ окна.— Что это за исторія?

— А! воскликнулъ Захарычъ, слывшій всегда за проникательнаго челоѣка: — почта московская.

— Вотъ же и нѣтъ, братецъ ты мой, совралъ. Это господа съ охоты ѣдутъ.

— Можетъ, и господа. Коли знаешь, такъ зачѣмъ спрашивалъ?

Двѣ тройки съ охотниками пронеслись мимо оконъ и запылили колбасу, которою лакомился Иванъ Степанычъ.

Анатолій Петровичъ привезъ полный ягташъ дичи.

VI.

За мирнымъ вечеромъ слѣдовалъ другой, вовсе не такой пріятный для Ивановны. Все пошло опять по старому, — идетъ такъ недѣлю, идетъ другую... Поневолѣ стала приходить старухъ въ голову пословица о кувшинѣ, повадившемся ходить по воду. Сколько разъ собиралась она взяться за послѣднее средство: брань и крикъ; но въ томъ-то и бѣда, что Ивановна была женщина не такого десятка. Да впрочемъ, кто ни будь на ея мѣстѣ, Саша всякаго обезоружитъ своимъ смиреннымъ видомъ и кроткимъ молчаньемъ.

Ивановна рѣшилась подождать еще недѣльку мѣста.

Ровно черезъ три недѣли послѣ вечера, описаннаго мною въ предъидущей главѣ, Саша зашла къ Полинькѣ, встревоженная и блѣдная.

— Что съ тобой? спросила ее Полинька.

— Богъ знаетъ что, отвѣчала Саша: — только нехорошее.

— Что нехорошее?

— Полинька, душа моя, сказала Саша, вдругъ принимаясь рыдать: — онъ меня бросить хочетъ.

— Съ чего это ты взяла, Саша! тебѣ и не знай что всегда кажется.

Полинька говорила это спокойнымъ тономъ; но сердце ея шевельнулось тревожно.

— Да, онъ хочетъ меня бросить... вчера сказалъ мнѣ, что я не увижу его недѣли полторы. Подарилъ мнѣ вотъ!

Саша бросила на столъ довольно большую коробочку, которую Полинька съ любопытствомъ сейчасъ же открывала. Тамъ были браслетъ, брошка и серьги, — все довольно массивное и цѣнное.

— А на что мнѣ все это?

— Да не можетъ этого быть, Саша, сказала Полинька, закрывая ящичекъ съ вещами: — вѣрно, куда нибудь ѣдетъ не надолго.

— Да, сказалъ онъ и мнѣ, что ѣдетъ, да я не вѣрю.

— Отчего же не вѣришь?

— Такъ, я и сама не знаю, отчего. До сей поры я ему во всемъ вѣрила... а тутъ, какъ ска-

залъ онъ мнѣ, что уѣзжаетъ отсюда, у меня сердце вдругъ такъ замерло, такъ замерло, а потомъ и показалось мнѣ, что все это неправда, что онъ обмануть меня хочетъ.

— А когда хотѣлъ онъ уѣхать?

— Сегодня по утру.

— Ну, что же, уѣхалъ?

— Не знаю.

— А гдѣ онъ живетъ?

— У самаго Чернаго Пруда.

— Вотъ, какъ смеркнется, пойдемъ туда. Увидишь, что и свѣта въ окнахъ нѣтъ.

— Да что ходить, Поля! сегодня ли, завтра ли, бросить же онъ...

Саша не могла уже произнести ни слова: она тяжело рыдала.

Дѣла Анатолія Петровича были приведены къ вожделенному окончанію, и онъ ожидалъ къ себѣ въ этотъ день свою будущую тещу и неvěсту. Вечеромъ, часовъ около шести, во дворъ занимаемаго имъ дома въѣхала бричка, привезшая въ себѣ жданныхъ гостей. Анатолій Петровичъ выбѣжалъ на дворъ, высадилъ подъ руку и тещу и неvěсту. Теща была старая и глупая; неvěста — молоденькая и умная, и вдобавокъ еще хорошенькая. Анатолій Петровичъ цаловалъ ручки у неvěсты, болталъ безъумолку и, повидимому, вполнѣ блаженствовалъ; не менѣе, кажется, блаженствовали будущая теща его и неvěста. Впрочемъ, всѣ эти блаженства, конечно, интересуютъ тебя очень мало, читатель, и ты хочешь

знать о трехъ упомянутыхъ мною лицахъ только то , что относится непосредственно къ нашей кружевницѣ.

Будущая теща Анатолія Петровича и невѣста его пріѣхали въ городъ К. на два , много — на три дня. Этотъ городъ долженъ былъ видѣть только совокупленіе двухъ любящихъ сердецъ узами брака и потомъ утратить ихъ если не навсегда, то надолго, очень надолго. Анатолій Петровичъ состоялъ на службѣ въ столичномъ городѣ Москвѣ, и такъ какъ домашнія дѣла не требовали уже болѣе присутствія его въ К., то на другой же день послѣ бракосочетанія съ избранною имъ дѣвицей онъ долженъ былъ отправиться съ молодой женой и тещей на мѣсто своего жительства и служенія.

Я очень жалѣю , что мало занимался психологіей и не могу сообщить любознательному читателю почти ничего относительно состоянія сердца Анатолія Петровича въ послѣднее время. Судя, впрочемъ, по наружности, онъ казался совершенно спокойнымъ, какъ будто все шло самымъ обыкновеннымъ ходомъ. Былъ онъ сначала озабоченъ своими дѣлами, но дѣла наконецъ обдѣланы, и уже заботиться нечего. Сашѣ сдѣланъ приличный , даже очень дорогой подарокъ : значитъ, съ этой стороны все ладно; невѣста пріѣхала и завтра свадьба — съ этой стороны тоже хорошо. И чело Анатолія Петровича не омрачалось ни малѣйшимъ облакомъ...

Но возвратимся къ прерванному этимъ отступленіемъ разговору двухъ дѣвушекъ.

Какъ Полинька ни уговаривала Сашу пойти съ нею вмѣстѣ къ дому, въ которомъ живетъ Анатолій Петровичъ, чтобы удостовѣриться, что молодой человѣкъ точно уѣхалъ, Саша не хотѣла итти.

— Сходи, Поля, одна, сказала Саша: — а меня ноги туда не понесутъ. Я вся словно разбитая сегодня.

— А что же ты-то будешь дѣлать?

— Я посижу здѣсь, подожду тебя.

— Ну, какъ хочешь. Только тебѣ скучно будетъ.

— Нѣтъ... Да только зачѣмъ и тебѣ-то итти, Поля?

— Нѣтъ, какъ ужь ты хочешь, а я схожу. Все лучше: покрайности узнаемъ навѣрное. И ты успокоишься.

— Такъ я не пойду домой: здѣсь стану тебя дожидаться.

— Ну, прощай!

Полинька поспѣшно одѣлась и пошла къ Черному Пруду. Было уже довольно темно.

Она скоро нашла тамъ домъ, въ которомъ долженъ былъ находиться Анатолій Петровичъ. Ее очень удивилъ сильный свѣтъ во всѣхъ окнахъ. Полинька перешла на противоположную сторону улицы и увидѣла, что по залѣ ходитъ молодой человѣкъ подъ руку съ молодой женщиной, весело разговаривая. Полинька не знала, что поду-

мать: или она ошиблась домомъ, или Саша обманута, или, наконецъ, квартира занята уже другими постояльцами.

За ворота дома, составлявшаго предметъ соображеній дѣвушки, вышелъ кучеръ въ плисовой поддевкѣ, сѣлъ на лавочку у калитки и принялся вытягивать изъ гармоники весьма нестройные звуки, которыми хотѣлъ, какъ кажется, выразить что-то въ родѣ трепака.

Полинька рѣшилась подойти къ виртуозу.

— Послушайте, сказала она пріумолкшему кучеру: — вы здѣшній?

— Нѣтъ, мы козловскіе, Кочуевыхъ господъ.

— Да здѣсь въ домѣ кто живетъ?

— Суровской баринъ, Натолій Петровичъ.

— Онъ не уѣхалъ еще?

— Послѣ вѣнца ужъ поѣдемъ.

— Какъ послѣ вѣнца?

— А какже... Да вы видно не знаете, барышня, что онъ женится?

— Нѣтъ. На комъ же?

— А на нашей. Вотъ мы для эфтаго-то и пріѣхали суды.

— Когда же свадьба будетъ? спросила Полинька взволнованнымъ голосомъ.

— Завтра, въ семь часовъ по вечеру... Да что вы, барышня, больно спрашиваете?

Кучеръ пристально посмотрѣлъ на Полиньку.

— Знакомы были съ бариномъ-то?

— Нѣтъ, отвѣчала, смѣшавшись, Полинька: — я такъ...

— А были знакомы, продолжалъ кучеръ: — такъ, чать, не обидѣлъ баринъ: наградилъ какъ слѣдуетъ.

Полинька не дослушала: она была уже на другой сторонѣ улицы. Злобно наклонилась она къ мостовой и схватила валявшійся около тротуара камень; рука ея едва-едва удержалась, чтобы не пустить имъ въ свѣтлыя окна ненавистнаго дома.

«Сиротинка, знать, осталась!» проворчалъ себѣ въ бороду кучеръ, принимаясь тянуть изъ гармоники какой-то нелѣпый суррогатъ «не бѣлыхъ снѣговъ».

Полинька быстрымъ шагомъ пошла домой, съ твердымъ намѣреніемъ разразиться тамъ цѣлымъ градомъ самыхъ энергическихъ проклятій Ана-толію Петровичу, но на половинѣ дороги одумалась, и твердое намѣреніе ея рушилось окончательно. Вѣдь такой вѣстью и убить человека можно! Пусть ужъ лучше не знаетъ Саша ничего: все легче... А узнаетъ, такъ нескоро, когда его, злаго человека, въ городъ не будетъ, когда, можетъ быть, и сердце поутомонится.

Саша сидѣла у открытаго окна. Мѣсяцъ свѣтилъ прямо на подоконникъ, на которомъ были разложены старыя карты. Отъ нечего дѣлать, Саша гадала о своей судьбѣ: червонная дама безпрестанно окружалась пиковыми злодѣями и пиковыми разлучницами; на сердце ей выпадали все пиковыя слезы.

Она увидѣла Полиньку, когда та только что

вошла на дворъ , вскочила со стула и побѣжала къ ней навстрѣчу.

— Что? спросила Саша.

— Уѣхалъ, отвѣчала Полинька , стараясь придать своему голосу какъ можно болѣе правдивости.

Саша опустила голову на плечо своей подруги и заплакала. Полинька стала гладить ее по головѣ и сказала :

— Полно. Воротится.

— Ну , прощай теперь , Поля ! сказала Саша, обнимая Полиньку. — Пора мнѣ теперь домой. Мама ждетъ...

Слезы не дали ей кончить.

Полинька пошла на слѣдующій вечеръ смотреть свадьбу Анатолія Петровича съ дѣвицей Кочуевой. Она стала близко къ вѣнчаемой парѣ и не сводила глазъ съ невѣсты, сравнивая ее съ Сашей. Это сравненіе не было выгодно для дѣвицы Кочуевой: Полинька нашла , что у нея и коса жиже, чѣмъ у Саши, и глаза сѣрые, и вся-то она худа и не такъ стройна, какъ Саша.

Не достояла Полинька до конца обряда и отправилась домой.

— Честная, честная душа! проговорила она невольно на возвратномъ пути. — И на кого промѣнялъ-то !

Читатель вправѣ спросить меня, что случилось съ Сашей послѣ того дня, когда дорожная бричка съ новобрачными помчалась изъ города К., засыпая пылью низкіе домишки Ямской улицы.

Я тоже вправѣ не отвѣтить ему , потому что не знаю ничего положительнаго о послѣдующей судьбѣ моей хорошенькой кружевницы.

Можетъ быть, она попрежнему сидитъ за своею работою и также, какъ было то до встрѣчи ея съ заѣзжимъ бариномъ , утѣшаетъ старуху , которая прочитъ ее все-таки своему Тимошѣ; а можетъ быть, обзавелась Саша другимъ пріятелемъ... Бабушка надвое сказала.

Впрочемъ... едва ли сказала она надвое.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРЕТЬЯГО ТОМА

Антонъ-Горемыка. Повѣсть *Д. В. Григоровича*. 5
Пять стихотвореній *А. А. Фета*:

I. Метель 184

II. Изъ Мура 186

III. Сядь у моря — жди погоды. 186

IV. Хижина въ лѣсу 187

V. Въ темнотѣ, на треножникѣ яркомъ. . . 188

Жена часового мастера. Разсказъ *Н. Н. Стан-
ническаго* 189

Тьма. Стихотв. *И. С. Тургенева*, ... 213

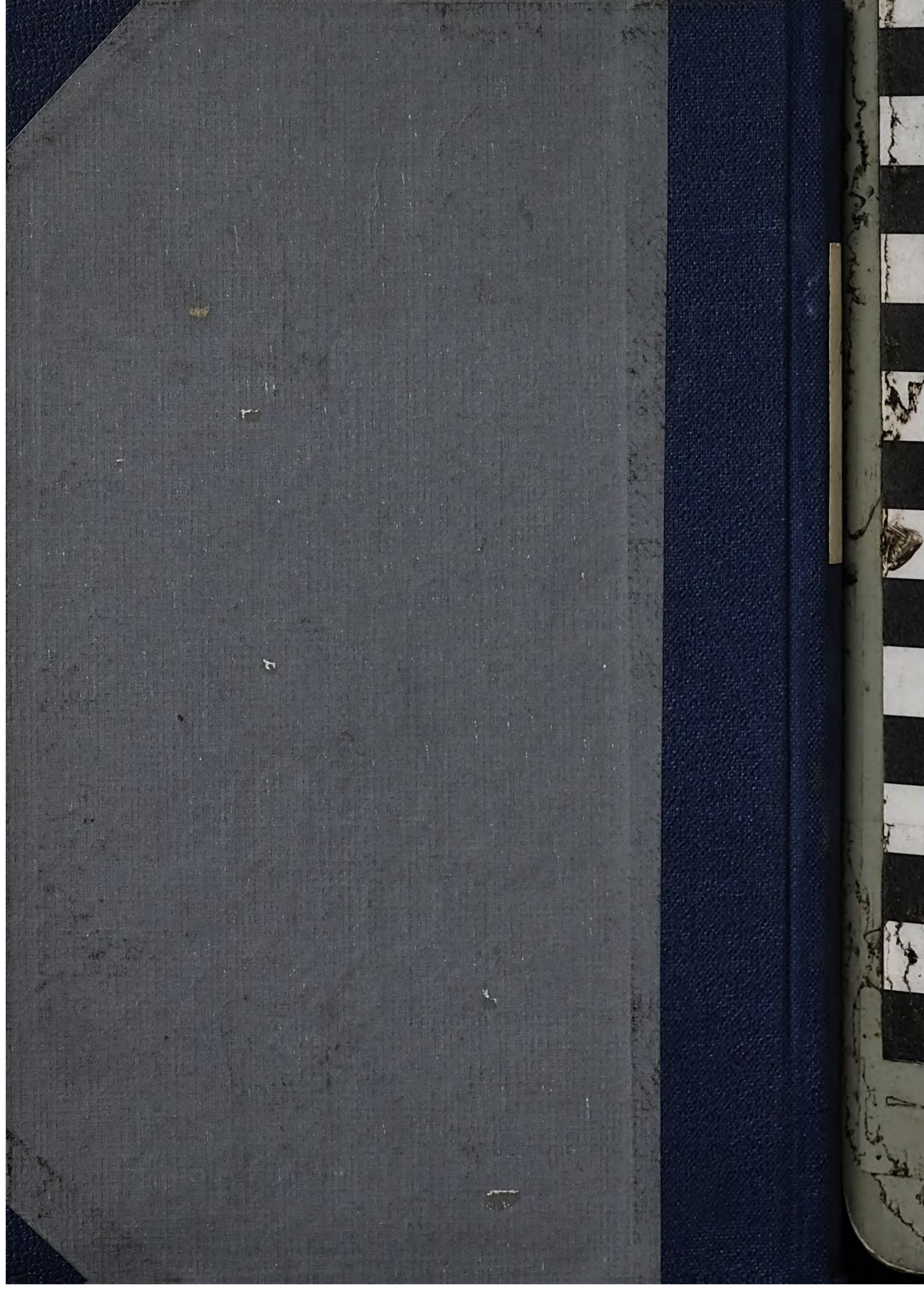
Красильниковы. Повѣсть *А. Печерскаго* (псев-
донимъ) 217

Осенняя скука. Деревенская сцена *Н. А.
Н—ВА*. 253

Къ отцу. Стихотв. *А.—АГО* 282

Ипохондрикъ. Письма къ пріятелю. *А. С.—А.* 285

Кружевница. Повѣсть *М. Л. Михайлова*. . . . 317

Dlja legkago čtenija pověsti, razskazy, komedii, putešestvija i
stichotvorenija sovremennyh russkich pisatelej

Bd.: 3

1856

Bamberg, Staatsbibliothek -- L.russ.o.3(1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11840574-5